№ 15 (6365)
11–17 апреля 2012 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

www.lgz.ru

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20€; A - 2,30€; B - 2,30€; PL – 12,90 PLN; L – 2,30€; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€; I – 2,50€; GR – 2,5€; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRL; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 23,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 $; C – 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам

Живёт в стихах

Белле Ахмадулиной 10 апреля исполнилось бы 75. Поэт живёт в стихах. И несравненная Белла, неотъемлемая часть своей эпохи и сама – эпоха, всегда с нами. Мы слышим её незабываемый голос. Мы поздравляем верных читателей Ахмадулиной с её новой книгой. Памяти Поэта и его эпохе посвящены стихи Надежды Кондаковой.

СТР. 7

Вместе из болота

Разумеется, нельзя лишать человека свободы. Пусть растут все цветы. И пусть на задворках общества всякий получит право на разложение, разумеется, под бдительным присмотром полиции, чтобы освободившиеся от последних уз морали свободные личности не перегрызли друг друга. Но на центральной площади должно быть чисто.

СТР. 3

Александр Невзоров бесплатно политикой не занимается

Известному журналисту удалось в очередной раз продемонстрировать парадоксальность и независимость суждений. В пространном интервью он рассказал и о том, почему не интересуется современным телевидением.

СТР. 10

Время эгоистов?

Всегда ли в будничной суете мы осознаём, что живём по инерции, не понимая смысла своего бытия? Что становимся похожими на марионеток, чьими поступками управляют обстоятельства? Ответы на эти вопросы, заданные Виленом Чудновским («ЛГ», № 1–2), пытались найти участники нашей дискуссии («Как не попасть в ловушку бессмыслицы». – «ЛГ», № 6). Сегодня слово Татьяне Воеводиной и Льву Аннинскому.

СТР. 11

Гоголь. Римские каникулы

В канун дня рождения Николая Васильевича Гоголя нашему собкору в Риме вдруг в голову пришла идея: а не прогуляться ли с классиком по Вечному городу, в котором он прожил десять лет? С ним наверняка найдётся, о чём вспомнить. Недаром же говорят, что новое – это хорошо забытое старое.

СТР. 12

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 17692 человека. Заходите!

9 770233 430004 12015

Столыпинская пятилетка

150 лет со дня рождения великого реформатора России

«В Пензенской области подведены итоги конкурса сочинений, приуроченного к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. В мероприятии, организованном в рамках Столыпинской недели, приняли участие 125 учеников средних общеобразовательных учреждений. Они представили работы о государственной деятельности известного политика, его жизни и взглядах, о судьбе реформ в России.

Диплом I степени был присуждён школьнице из села Ключи Кристине Череповской за работу «Почему реформы в сельском хозяйстве рождают проблемы».

Из СМИ

Пётр Аркадьевич Столыпин, юбилей которого отмечается сегодня на государственном уровне, безусловно, фигура исторического размера. Именно его политический разум и воля позволили сохранить страну во время всеобщей смуты, в которую была ввергнута Россия в начале XX века. Всего за пять лет Столыпин переменил Россию. Невольно задумываешься о нынешних реформаторах, уже двадцать лет – четыре пятилетки! – толкущихся на месте. Поистине – богатыри не вы!

Он начал реформы, которые до него власть не решалась начать. Ему приходилось идти напролом, разгоняя экономику и стоявшую на пути его замыслов Думу. Он ломал вековые общественные устои в ситуации невообразимого общественного и идейного хаоса.

И потому очень скоро против Столыпина и его реформ – проводившихся руками нерадивых чиновников, зачастую извращавших суть замысла премьера, – выступили и значительная часть крестьянства, и Церковь, и бюрократия, и царедворцы. Либеральные же радикалы были его врагами изначально, так как не могли простить Столыпину подавление революции, боялись, что успех реформ сделает невозможным новый революционный всплеск.

В результате итог Столыпинских реформ оказался противоречив. То, к чему он стремился, было искажено уже при его жизни, а особенно после его убийства. Были успехи, но были и неоправдавшиеся надежды, последствия, которые сам реформатор не мог ожидать. Например, многие историки считали и считают, что экономическая революция Столыпина подготовила социальную революцию 1917 года.

Так что пензенская школьница в своём сочинении гораздо разумнее оценивает деятельность Петра Аркадьевича Столыпина, чем те, кто превозносит его лишь как непоколебимого реформатора либерального толка, каковым он, кстати, и не был. Это была сложная, но мощная фигура, каких сегодня остро недостаёт.

Продолжение темы на стр. 9

СКАНДАЛ

Есть такая премия – «Пни-ка!»

С «Никой» всё не слава богу. Юбилейная XXV церемония вручения премий Российской академии кинематографических искусств завершилась скандалом. Пресса и Интернет вскипели – кто ненавистью, кто страстным сочувствием к Ксении Собчак, которая, набравшись «гражданского мужества», задала-таки едкий вопросец Чулпан Хаматовой. За теми ядовитыми парами, что, отчаянно булькая, источала блогосфера, незаметен стал главный скандал гусмановского фестиваля. А он заключается в том, кто, собственно, был назван лучшим и награждён. Более всех – в шести (!) номинациях – лента Андрея Смирнова «Жила-была одна баба». «ЛГ» о ней писала, и весьма нелицеприятно. «Баба» за день до церемонии была показана и обсуждена в «Закрытом показе» и вызвала у приглашённых Первым каналом экспертов совсем неоднозначную реакцию. Да, кто-то хвалил, особенно безудержно некий «крестьяновед» (совсем не похожий на крестьянина) из Тамбова, но многие, в том числе и ведущий, фактически обвинили режиссёра в пренебрежительном отношении к народу. Что уж говорить о художественных качествах сценария и соответствии исторической правде...

А вот отрывок из письма в «ЛГ» директора Курского областного киновидеофонда Сергея Малютина: «Жила-была одна баба», несмотря на финансовую поддержку (администрации президента и известных предпринимателей), несмотря на массированную рекламную обработку, в кинотеатрах провалилась. Её посмотрело всего лишь 77 тысяч соотечественников! При этом на каждую из 156 (!) копий фильма, выпущенных в прокат, пришлось в среднем всего по 494 зрителя! Это смехотворно мало – один полный зал среднего кинотеатра на одном сеансе! Для сравнения могу привести показатели проката талантливых, добрых, умных и художественно честных отечественных лент (отнюдь не блокбастеров!) в нашем регионе. Одну копию таких фильмов, как «Итальянец», «Остров», «Поп» и многих других лент «с человеческим лицом», у нас смотрят от 4 до 8 тысяч зрителей, в том числе и на селе, до которого, судя по всему, «Одна баба» так и не дошла. И вовсе не из-за злокозненности прокатчиков! А потому, что вряд ли бы она там вызвала восторг нынешних крестьян, которым в очередной раз за последние двадцать лет постарались столь натуралистично и безжалостно навязать представление о том, из какой грязи, из какого скотского состояния они происходят. Согласитесь, добивать нынешнее село столь депрессивным, заострённо антисоветским и антикрестьянским «продуктом» было бы откровенным преступлением!»

Однако мало совершить против своего народа «преступление», да ещё на народные деньги, надо этому народу втюхать, что он дурак и не понимает: «Одна баба» не русофобская пропаганда, а национальный шедевр. Ненависть к России, клевета на народ – давний тренд «Ники». Кажется, настоящий девиз «Ники»: «Ну-ка, пни-ка!» Чем больнее режиссёр пнул родину, её историю и народ, тем больше шансов стать победителем. Вот и Ксения Собчак, одержимая модной болотной фанаберией, вздумала вдруг пнуть одну из лучших актрис России.

Её за живое задели слова Евгения Миронова о тех, кто перед выборами травил в блогосфере Чулпан Хаматову. В своём поздравительном выступлении, обращённом к награждённым за благотворительность Чулпан Хаматовой и Дине Корзун, Миронов в том числе сказал: «...ещё находятся какие-то бездельники, авантюристы, просто ублюдки, которые, сидя на диване, вас хотят как-то укусить, обидеть... Но, дорогие мои девочки, знайте, что за вас – стена не только тысяч спасённых вами детей, но всех нас, коллег ваших, которые вас безмерно уважают, любят...» Зал на эти слова откликнулся аплодисментами, а Собчак вопросом, но не к Миронову, а к Хаматовой, предварительно подольстившись восторгами в её адрес: «...если бы ты не занималась благотворительностью, то поддержала бы кандидата в президенты Владимира Путина или осталась в стороне?» В зале засвистели, даже Гусман пытался утихомирить соведущую...

Можно говорить о неуместности вопроса Собчак, о её болезненном эгоцентризме, но главное, что Ксения Анатольевна – любимое дитя «эпохи большого хапка», плоть от плоти той новой морали, которая упорно навязывается стране. Ещё восемь лет назад, когда она подвизалась в публичном «Доме-2», приличные люди пожимали плечами, теперь зовут её вести торжественные церемонии, и нет ли её заслуги (и тех, кто её поддерживает, – политиков и киноакадемиков вроде Юлия Гусмана) в том, что появилась мода на мат в молодёжной среде, что девицы выкладывают в Сети фотосессии мордобоя, свального греха, а потом устраивают в храме похабные «панк-молебны»?..

Александр КОНДРАШОВ

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

● Ф.Г. де Ла Барт. **Беседы по истории всеобщей литературы: Средние века и Возрождение:** Монография. – 3-е изд., испр. – М.: КРАСАНД, 2011. – 368 с. – Тираж не указан.

Книга известного отечественного литературоведа, историка литературы Ф.Г. де Ла Барта (1870–1915) посвящена исследованию литературного творчества эпох Средневековья и Возрождения. Главное, что удалось автору – опровергнуть укоренившееся мнение о том, что средневековая литература, как и вся культура в целом, была проникнута аскетизмом, и показать её связь с литературными течениями эпохи Возрождения. Книга состоит из двух частей. В первой части даётся краткая характеристика главнейших течений средневековой литературы, исследуется христианская латинская литература, прослеживается возникновение литературы на народных языках и её постепенное слияние с книжной литературой. Вторая часть книги посвящена развитию важнейших литературных течений эпохи Возрождения. Последние главы книги – о возникновении и развитии новой драмы. Книга будет полезна литературоведам, культурологам, историкам, философам, заинтересованным читателям.

● Протоиерей Андрей Ткачёв. **Лоскутное одеяло.** – Изд. «Послушник», 2012. –288 с. – 3000 экз.

В «Лоскутное одеяло» вошли рассказы из книги «Письма к Богу», а также новые размышления, стихи и рассказы протоиерея Андрея Ткачёва. Лоскуты мыслей и образов, «сшитые» в одну книгу, пленяют искренностью и тёплой авторской интонацией. В этих историях нет скучной назидательности, это и доверительная беседа с читателями, и философские размышления о жизни и человеческой природе. Уже по оглавлению можно понять, насколько будет сокровенной и полезной такая беседа: «Унывать не надо», «Не ругайте человека», «Лаборатория одиночества», «Время имеет свойство твердеть». Книги отца Андрея обращены к каждому, кто задумывается о смысле существования, кто ищет Бога, обращаясь к Нему за помощью, мысленно задавая Ему вопросы.

● Валентина Терешкова. **Путь к звёздам: Фотоальбом.** – Ярославль: ООО «Издательство «РМП», 2011. – 256 с. – 1000 экз.

Эта книга посвящена генерал-майору авиации, Герою Советского Союза, «Женщине XX века» (по версии Британской международной ассамблеи), первой женщине-космонавту Валентине Владимировне Терешковой, отметившей в этом году 75-летний юбилей. Подарочное издание включает в себя большое количество фотографий, как известных, так и редчайших, массу интересной информации, автобиографические заметки В.В. Терешковой, выдержки из памятных газетных публикаций. «Мне выпало трудное счастье быть среди тех, кто прокладывал путь в космос... И только там, в космическом пространстве, понимаешь, как велико то, что нас объединяет, и как ничтожно то, что разъединяет», – пишет Терешкова в заключение.

ВЕРНИСАЖ

Михаил Нестеров в Русском музее

ИТАР-ТАСС

«Преподобный Сергий Радонежский» на выставке, посвящённой 150-летию со дня рождения русского художника Михаила Нестерова в Русском музее.

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

РИА «Новости»

Действующий губернатор Московской области Борис Громов (второй справа) поздравляет Сергея Шойгу, утверждённого Мособлдумой на пост губернатора Подмосковья.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

В Светлое Христово воскресенье будет принимать поздравления с очень серьёзной – 90 лет! – датой один из самых известных москвичей – Сигурд Оттович Шмидт. Российский историк, академик РАО, старейший преподаватель Историко-архивного института РГГУ, почётный председатель Археографической комиссии РАН, председатель Всероссийского общества краеведов. А ещё – автор более 500 научных трудов по средневековой истории России, истории культуры, источниковедению, историографии. Главный редактор многотомной «Московской энциклопедии». Сын легендарного исследователя Отто Юльевича Шмидта – давний читатель и – чем мы гордимся – почитатель «ЛГ», наш постоянный автор. Отдельное спасибо за поддержку наших проектов в рамках Издательской программы правительства Москвы. С удовольствием присоединяемся к многочисленным поздравлениям.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

80-летию Андрея Тарковского посвящён фестивальный проект Государственной галереи на Солянке ТАРКОВСКИЙ SPACE. Фильмы. Архивы. Предметы. Мультимедиа. Окна, двери, стены, предметная среда Тарковского, фрагменты декораций, подлинные вещи дома Тарковских (ныне разобранного), книги и фотографии, а также эскизы, плакаты, раскадровки и другие элементы жизни режиссёра – всё, из чего архитектор Катя Бочавар вместе с инициатором выставки, киноведом Вячеславом Шмыровым и сестрой Андрея Мариной Тарковской создавали композиционное пространство. Экспонаты предоставили: Государственный музей кино, «Мосфильм», Госфильмофонд, Библиотека киноискусства имени Сергея Эйзенштейна и частные коллекционеры. Выставка пройдёт с 12 апреля по 20 мая.

ЗЛОБА ДНЯ

Сколько ждать обещанного?

Есть программа, сформулированная Владимиром Путиным в предвыборных статьях. Выдано много обещаний, о которых избиратели после всего, что было, не забудут. Будет ли соответствовать им состав нового правительства? Уже по нему люди будут судить, ждут нас перемены или всё покатится по старой колее…

Мы давно привыкли, что у нас свои тянут своих, и гораздо менее важно, кто что умеет. При Брежневе было время «днепропетровских», при Горбачёве под звёзды Кремля потянулись кадры из Ставрополья. Сейчас времена питерских. Многие из них обосновались не только в центре, но и во главе крупных компаний, предприятий, университетов.

Так бывает и в других странах. Опираться всегда лучше на тех, кого знаешь. Так что не стоит упрощать проблему. Но важен баланс. В том же СССР кадровая политика строилась снизу доверху чётко: люди могли рассчитывать на рост, резерв кадров был не только на бумаге. Это позволяло стране держаться довольно долго, создать потенциал, который не проеден до сих пор.

Сейчас расклад в элите более сложен, есть ряд кланов, групп влияния, опирающихся на миллиарды долларов, целые отрасли. Этого Путин и Медведев не могут не учитывать, формируя команду, которая бы обеспечила выполнение данных народу обещаний. При этом они должны понимать, что если всё останется, как было, последствия будут серьёзными.

Есть признаки, что они понимают это. Но в какой мере? Пока среди кандидатов на высокие посты чаще всего мелькают фамилии из старой колоды. Вопросы, куда передвинут Сечина или что будет с Сердюковым, обсуждаются активно. А вот о новых лицах ничего не слышно. Пока? К тому же, похоже, отбор ведётся преимущественно из числа представителей «победившей партии». Хотя, если есть разумные люди в других партиях или беспартийные, почему бы не пригласить их в правительство?

Обращают на себя внимание и другие детали. Например, перед отставкой экс-губернатор Подмосковья Борис Громов был награждён орденом. Его сменщик Сергей Шойгу корректно отозвался о предшественнике: он-де заложил «хорошие основы для развития», но заметил, что среди его собственных приоритетов – активная борьба с коррупцией, дорожные вопросы, работа с детсадами и обманутыми дольщиками... Так какую основу заложил Громов?

Не очень вяжется всё это с тезисом о равенстве всех перед законом, о борьбе с коррупцией, невзирая на лица. Отсюда вопрос: предвыборные обещания – это пиар, что много раз случалось в последние десять лет? Или всё-таки мы увидим практические действия, а не только правильные слова и запоздалые законодательные инициативы?

Нашу газету, естественно, особо волнует положение дел в культуре. Важно, кто станет министром. Много лет министерство возглавлял Михаил Швыдкой, который при том, что знал эту сферу, оставлял впечатление преуспевающего шоумена, а не государственного деятеля. До сих пор не разберутся с финансами за ремонт Большого театра, который начался при нём и изобиловал скандалами. Где же Михаил наш Ефимович? Он – спецпосланник президента. Швыдкого сменил культурный, высокообразованный специалист, музыкант Александр Соколов. Проработал недолго. Поставили другого Александра – Авдеева. Но он дипломат, а это другая школа. Опять «пролёт».

Сейчас всякое говорят. Даже то, что министром культуры станет кто-то из руководителей ведущих телеканалов. Как это понимать? Ведь в обществе не ослабевает недовольство телевидением, насквозь поражённым коммерцией. Так что, надо перенести те же методы на всю сферу культуры?

Недавно на встрече с министром премьер велел не жалеть средств на Пушкинский музей, на БДТ в Питере, а это миллиарды рублей. Ура? Но как быть с тысячами и тысячами работников театров, концертных организаций, филармоний, библиотек, музеев, детских учреждений культуры, которые тянут свою просветительскую лямку за нищенские оклады?

Так, может, давайте сначала дадим задышать большинству учреждений и работников культуры, а потом возьмёмся за БДТ?

Дождёмся ли мы министра, который может не только кивать в знак согласия? Иного стиля взаимоотношений между ним и премьером?

На днях ушёл в отставку президент Венгрии – «всего лишь» за то, что списал докторскую диссертацию. Для нас это – курам на смех. У нас на самых высоких постах (в том числе в армии, других силовых структурах, превратившихся, по сути, в ООО или фирмы по распилу бюджета) можно безнаказанно транжирить сотни миллионов...

Путин любит повторять, что бездумным смещением с постов, кадровой чехардой можно только навредить. Справедливо. Но когда чиновников перемещают по вертикали и по горизонтали, а в сумме всё остаётся по-старому, это тоже по меньшей мере неправильно. Особенно когда речь идёт о вопиющих вещах.

Милиция стала полицией. И министр внутренних дел Рашид Нургалиев, рапортуя о завершении переаттестации сотрудников, уже видел коррупцию в органах только за своей спиной, в том смысле что она осталась в далёком прошлом. Всех сильно насмешил. Скандалы в Казани, непонятная ситуация с отставленным генералом Суходольским говорят, что нужны более серьёзные, решительные, кардинальные изменения, прежде всего кадровые. А министр заявляет, что готов продолжить работу, если позовут. Участок этот – не позавидуешь, но все заждались капитальных перемен.

Как и в Генпрокуратуре. Всем очевидно: больная сфера. Генпрокуратура долго не сдавала подмосковных прокуроров, попавшихся на крышевании казино, фактически позволила скрыться самому наглому из них в Польше. Теперь просим вернуть обратно. А одиозное противостояние со Следственным комитетом РФ! Однако президент страны минувшим летом продлил срок полномочий генпрокурора. А сколько ещё будут раздражать общество своими прожектами братья Фурсенко?

Да, кадры надо беречь, с ними надо работать, однако должны быть границы терпимости.

Определил ли их Владимир Путин? И какие сделал выводы из протестов людей, которые возмущаются именно этим – повсеместной несправедливостью, а также вседозволенностью представителей различных ветвей власти, их безнаказанностью, подчас даже в случаях совершения достаточно тяжёлых преступлений?

Отдельный вопрос – идеологические установки правительства. Есть либеральная точка зрения на развитие страны, есть позиция государственников. Трудно понять, что мы строим. Капитализм? Или медленно отгребаем туда, где уже были, – в социализм? Но ведь ясно, что и то, и другое – прошлое. И нынешняя компартия с красными флагами, катастрофизмом, приевшимися ярлыками и лозунгами, и тени Гайдара с их культом рынка, макроэкономики и полным пофигизмом к положению большинства граждан.

Всё-таки идеологически определяться придётся, надо ясно и чётко определить самим лидерам, а потом недвусмысленно объяснить стране. Во всех сферах нужны не безмерные вложения в фантастические мечтания, но вложения в те строительные, образовательные, научные и другие проекты, которые помогут гражданам почувствовать себя хорошо, комфортно в своей стране. Когда бы они имели достойное жильё, не боялись рожать детей, а потом отпускать их на службу в армию, не страшились ночью ходить по улицам, а днём на приём к врачу или консультацию к юристу, не опасались летать на самолётах и плыть на кораблях, не думали бы, сколько выложат за учёбу ребёнка или за похороны бабушки. А параллельно были уверены, что танки наши (наши!) быстры, а ракеты полетят на Марс, не сбиваясь с орбиты.

Так что надо определяться наконец. Готов ли избранный президент к серьёзным переменам или заботится о том, как бы не обидеть кого-то из ближнего круга. Люди ждут, но долго они ждать уже не могут и не будут.

Владимир СУХОМЛИНОВ

Насколько новым будет новое правительство?

Вячеслав ТЕТЁКИН,
член президиума ЦК КПРФ

– Сильно сомневаюсь, что правительство будет новым в истинном смысле слова. К сожалению, последние 20 лет ни одного нового правительства не было. Все были повторением Кабинета министров г-на Ельцина. Не только по сути, но и по персональному составу. Политика с 1991 года остаётся неизменной. Оголтелый либерализм и рыночный фундаментализм, которые ныне драпируются «украшениями» в виде высокопарных деклараций о защите национальных интересов и о патриотизме.

То же относится к персональному составу. После 1991 года мы видим во власти фактически одни и те же лица. Даже г-н Кудрин, который превратился чуть ли не в оппозиционера, по-прежнему котируется аж на пост премьер-министра. Так что говорить о серьёзных переменах не приходится. Возможны косметические изменения как по риторике, так и по некоторым персоналиям. Но суть курса, заданного Ельциным, останется неизменной.

Сергей ТЕН,
депутат Госдумы РФ, фракция «Единая Россия»

– Правительство претерпит изменения. Во-первых, есть новый гражданский заказ. Время диктует открытый диалог власти и гражданского общества, людей не устраивает позиция сторонних наблюдателей, они созрели для конструктивного диалога, готовы брать на себя часть ответственности за будущее.

Возрастёт роль экспертного сообщества, «Открытое правительство» встроится в алгоритм принятия решений. Однако убеждён, что у «общественного контроля» должны быть не только права, но и обязанности. Необходимо исключить популизм и «охоту на ведьм». В сухом остатке – эффективность власти, борьба с коррупцией и бюрократией. С экономической точки зрения – время развития и выбора более современных приоритетов. Следует усилить региональную политику, не рассматривая её в отрыве от политики национальной.

Пришло время кадрового обновления, смены поколений. Правительство обязано быть мобильным, открытым, профессиональным.

ИнтерНЕТ-ИнтерДА

«Фейсбук» и Вербное воскресенье

⏭ Либеральная общественность подросла и может успешно плющить не только Путина, но и патриарха. Нетрадиционные СМИ (в первую очередь социальные сети) захвачены антицерковной пропагандой на 99%. Что творится в «вконтакте» и «фейсбуке», где более молодая аудитория! Более того, яростную антицерковную позицию занимают не только либералы, но и националисты, в том числе и формальные христиане. Битва в новых медиа, которые в среднесрочной перспективе начнут играть главную информационную роль, была проиграна РПЦ ещё до её начала.

«Белые ленты», набрав вес, мощь и опыт, перемололи в труху огромную пропаганда-машину «Наших» и сейчас с тем же равнодушием доламывают в разы более слабую информационную инфраструктуру православных, которые даже не понимают, что происходит (а когда поймут, будет поздно).

С точки зрения социал-медиа весь «Пусси Райот» – это 146-процентное попадание в формат, в дух, в настрой. Это ультра-мега-супер-комбо, которое расхерачило просто вообще всё.

nomina-obskura

⏭ Думаю, православным христианам нет никакого дела до того, кто и что думает об их Церкви. Особенно, что думают глуповатые (учитывая нынешнее состояние образования в России) дятлы с демотиваторами, зеркалками и айфонами наперевес.

beorgor

⏭ В своё время шумели комсомольские пасхи, антирелигиозные карнавалы и прочая мутотень. Это было похлеще, чем жалкий перформанс в XXC. И костями трясли, и колокола сбивали, и иконы жгли, и храмы сносили. Ну и победило это Церковь? Веру? Каждый умирает в одиночку и всем будет плохо в свой черёд. Забывать об этом – всё равно, что не думать о своих родителях. Глупейшее легкомыслие.

А Церковь выполняет, конечно, более широкие функции – без неё не было бы исторической памяти. Люди даже не умели бы мыть руки или чистить зубы (именно Церковь научила этому людей, в частности).

Поэтому, когда чей-то дед выкидывал на помойку, к примеру, мощи Митрофания Воронежского или взрывал могилу Багратиона на Бородинском поле, он и делал из своих современников тех исторических глупцов, изжить которых в себе нам до сих пор не удаётся.

negugo

⏭ Даже при положительном отношении к христианству и православию именно РПЦ как институт вызывает полную, тотальную неприязнь, даже редкие её защитники вынуждены замолкать и сдаваться под напором возмущённых пользователей социальных сетей. В мире сетевых медиа у Церкви нет будущего, она становится окончательно прибежищем тёмных слоёв населения, выключенных из современного мира.

kursor

⏭ В истории были ЧУДОВИЩНЫЕ гонения на христиан, были ереси (в том числе и патриархи-еретики), клевета (на научной основе). Сегодняшний наезд (моё личное мнение – отчасти справедливый) – это вообще НИЧТО. Главное, что Православная Вера жива.

andbin

⏭ Вообще всё это очень печально, потому что там, где не уважают Бога и Церковь как наследие прошлого, как некий символ, соединяющий человека с Богом, с Христом, позволено всё. Религия как-то справлялась со своей функцией морального сдерживающего фактора.

jedirani

⏭ Вербное воскресенье, множество молодых людей с веточками вербы навстречу. Был сегодня в храме, молился. Это вам не в «фейсбуке» хором лаять.

victorr

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Главный редактор Юрий ПОЛЯКОВ

Первый заместитель главного редактора Леонид Колпаков
Заместитель главного редактора Валерий Павлов
(представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 шеф-редактор Игорь Серков, обозреватель Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография» тел. 8-499-788-02-05 ведущий редактор Марина Кудимова; Игорь Панин

«Искусство», «ТелевЕдение» тел. 8-499-788-02-12, 8-499-788-00-53 ведущий редактор Александр Кондрашов; Олег Пухнавцев, Евгений Маликов, Анна Кузнецова

«Общество» тел. 8-499-788-02-08 ведущий редактор Людмила Мазурова; Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт

Обозреватели Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис *(Санкт-Петербург)*, Алесь Кожедуб, Игорь Гамаюнов

Спецпроекты Анастасия Ермакова, Ольга Моторина

Собственные корреспонденты Александр Самойленко *(Калуга)*, Юрий Беликов *(Пермь)*, Жан Миндубаев *(Ульяновская область, Татарстан)*, Владимир Шемшученко *(Санкт-Петербург)*, Сергей Евстратьев *(Республика Молдова)*, Всеволод Марьян *(Закавказье)*, Ирина Тосунян *(США)*, Алексей Славин *(Германия)*, Мария Хамахер *(Центральная Европа)*, Никита Барашев *(Италия)*, Светлана Селиванова *(Китай)*

Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бильд-редактор Евгений Федоровский; художественный редактор Антон Меньшов

Директор по распространению Валерия Красотова тел. 8-495-688-80-78

Отдел рекламы тел. 8-495-688-80-78

Московский тираж – 61 853 экз.
Федеральный тираж – 35 281 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске и Хабаровске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)

Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.

Общий тираж 139 634 экз.

Цена договорная

Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.
Номер подписан к печати 10 апреля 2012 г.
Зак. № 12-03-00412

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 *(для предприятий и организаций)*

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.

Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028

Автоинформатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10

Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

ДИСКУССИЯ

Вместе из болота

Политическая зима 2012 года выдалась бурной. Положительный результат её всем известен. Что касается отрицательного... Кому как, а мне о результатах зимнего бурления «рассерженных горожан» (среднего класса), названного «белой (или болотной) революцией», лучше всего рассказала песенка, которую спела в самом начале кампании одна симпатизирующая болотным молодёжная группа: «Без любви ничего не получится, без любви революция ссучится».

Пророчество, которое целиком и полностью и исполнилось. Причём прежде всего в отношении лидеров революции. Так что имеет, наверное, смысл глубже проанализировать суть не столько бунта, сколько самих бунтарей. Кто они и почему результат их деятельности оказался столь провальным?

ЧЕТВЁРТАЯ СМЕРТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

История русской интеллигенции начинается с известного радищевского: и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала. Этика «страдания за народ» определила форму кристаллизации русской интеллигенции как своего рода религиозного ордена. Апостольство идущих в массы народников, самопожертвование эсеров, взрывающих себя вместе с ненавистными столпами «кровавого режима», титаническая борьба с «абсолютным злом» в лице царизма... Этот яркий, жертвенный (хотя и предельно двусмысленный) порыв закончился тем, чем, вероятно, он только и мог закончиться. «Политика есть прикладная этика. Когда она потребовала для себя суверенитета и объявила войну самой этике, которая произвела её на свет, всё было кончено. Политика стала практическим делом, а этика умерла, была сброшена, как змеиная шкурка, никому не нужная», – писал Г. Федотов о грехе русской интеллигенции, поместившей «весь свой нравственный капитал в политику» и проигравшей.

Это была первая её духовная смерть.

Вторая, уже советская, жизнь интеллигенции оказалась менее долгой и удачливой, чем первая. В своей знаменитой статье «Образованщина» Солженицын датирует её очередную духовную гибель 30-ми годами прошлого века, когда «5 миллионов трудоохотливых здравых семей вместе с грудными детьми (были) посланы умирать в зимней дороге или по прибытии в тундру. И наша интеллигенция не дрогнула, не вскрикнула, а передовая часть её даже и сама выгоняла. Вот тогда она и кончила быть, интеллигенция, в 1930-м...»

С этого времени вплоть до середины 50-х годов ничего подобного «интеллигентскому ордену» мы не видим.

Новая жизнь русской интеллигенции начинается в эпоху «оттепели». Символично, что имя ей дал Илья Эренбург – пропагандист сталинского режима, личность весьма одиозная. Надгробное слово этому сословию и произнёс Солженицын в уже упоминавшейся статье, отдельные строки которой звучат сегодня как пророчество: «Интеллигенция-образованщина как огромный социальный слой закончила своё развитие **в тёплом болоте** и уже не может стать воздухоплавательной».

Следующее издание «интеллигентского ордена» явилось в лице новых экономических революционеров – чубайсов, гайдаров и олигархов, выросших из образцовых московских фарцовщиков. Эти новые «комиссары в пыльных шлемах» уже совсем далеки были от «уязвлений сердечных», не обинуясь заявляя о неэффективности существования народа, не способного усвоить демократические идеалы.

Любопытно, что и в нынешнем болотном бунте опорными были те же ноты. Всё время бунта бесконечные поношения Путина перемежались ритуальными возгласами о народе-быдле. А 7 марта заместитель главного редактора радио «Эхо Москвы» В. Варфоломеев писал у себя в твиттере: «Речь надо вести в данном случае не о добавлении кандидатов в протестный сегмент (что само по себе было бы правильно и честно, разумеется), а о ликвидации путинской социальной базы. То есть 40–50 миллионов граждан, которые его поддерживают в любом случае». Никто, собственно, и не сомневался. Но что же это за ценности чистых сверхчеловеков, требующих ликвидации 50 миллионов граждан?

На последней сходке этой кампании на Арбате 10 марта ценности эти довольно беспорядочно утверждались в следующем порядке: «Это наша страна!» (Гарри Каспаров), «Нас будут давить танками, нас будут уничтожать, нас несли за ноги три омоновца» (актёр Максим Виторган). «В следующий раз нас придёт миллион» (революционер Сергей Удальцов). «Свободу бизнесмену Алексею Козлову!» Напоследок собравшиеся бурно приветствовали некоего Максима Каца, 27-летнего профессионального игрока в покер, победившего на муниципальных выборах, – как было объявлено, представителя нового многообещающего поколения «либеральной интеллигенции».

Альберт БАГАУТДИНОВ

ДУБРОВКА 2.0

Итак, кажется ясно, кого победил Путин. Но не менее важно и то, как он победил. Яростную атаку либеральной прессы под девизом «Мочи его во что бы то ни стало!», весь этот беспрецедентный вал хамских поношений Путин отбил, ведя себя предельно корректно, не поддавшись ни на одну из провокаций. То есть победил прежде всего морально. И вот почему эта победа дорогого стоит.

Происходящее воскрешало в памяти многие картины 90-х. Мне же лично вспоминалась Дубровка с теми же криками «либеральной общественности», ритуальными призывами «исполнять все требования террористов», многократно усиленными радио «Свобода», и той же оглушительной тишиной, повисшей вдруг в этом лагере, когда террористы были уничтожены и вся страна с облегчением выдохнула. Хорошо помню этот момент. Дикторы «Свободы» стали приходить в себя и приободрились, лишь когда стали поступать первые сообщения о жертвах штурма.

В нынешней ситуации «морального террора» всё было примерно так же. Только в заложниках нынче оказались десятки тысяч распропагандированных фейсбуком столичных хипстеров. Слава богу, трагедии удалось избежать. Бунт не перерос в хаос (и именно потому, не в последнюю очередь, что в этом моральном противостоянии была одержана чистая моральная победа). И оттого меня лично не покидает ощущение некоей промыслительности всего происходящего.

Если суммировать совсем кратко, можно выразиться так: в дни Дубровки страна пережила момент возвращения сознания, когда в мутном болоте разноцветного (извиняюсь) б.. ва вдруг на мгновение возникло что-то настоящее – трагическое и живое... В сегодняшние же дни болотного бунта вся Россия, с изумлением отшатнувшись от инфернального шквала («Мчатся бесы рой за роем в беспредельной вышине...»), вдруг кристаллизовалась как новое самосознание, явила себя как **новый мировой центр силы, новая геополитическая реальность.** И вот за это либеральную интеллигенцию стоит, конечно, от всей души поблагодарить. Как это говаривал Мефистофель? «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

ТОЧКА СБОРКИ

Духовной вершиной болотного бунта стали пляски взбесившихся девиц в масках на амвоне храма Христа Спасителя.

Символично, что перед самым началом бунта сюда же поклониться «Поясу Богородицы» пришло более двух миллионов человек, то есть в 20 раз больше, чем на самом пике болотной революции! Либеральная пресса встречала эти гигантские очереди с немалым изумлением и привычными рассуждениями о народе-быдле. Понятно, однако, куда и зачем шёл народ в поисках веры.

В акции же девиц «болото» выговорило наконец свой собственный главный положительный мессидж, и звучал он примерно так: мы ср...ли на вашу веру и ваши святыни. После чего с той же силой, с какой ранее раздавались призывы к расправе с Путиным, либеральная пресса возопила о милосердии, и вся честная кампания дружно переключилась на оскорбление Церкви.

В этой истории также видится нечто промыслительное.

Как вся «болотная революция» оказалась в итоге лишь катализатором, ускорившим осознание народом своих оснований, так и эта «духовная вершина» «болота» может стать замечательной «точкой сборки», необходимой для рождения нового общества. И прежде всего прекрасным поводом для того, чтобы договориться о правилах существования в общем доме.

Правила эти в сущности просты и всем хорошо известны. В приличном доме люди, не умеющие себя вести в гостиной, выпроваживаются на кухню, и дальше пинком отправляются через чёрный ход за пределы. Человека, не способного отличить обеденный стол от сортира, признают недееспособным в гражданских делах. В общественной жизни это аналогично признанию гражданской неполноценности. Для самих же девиц самым лучшим стало бы, вероятно, наказание с исполнением общественных работ в общине того храма, который они осквернили. Последнее, кстати, посоветовали нам американцы – у них такая практика широко применяется.

Тем же, кто хочет жить в нормальном культурном обществе, предстоит выработать некоторые общие нормы и правила общежития. Об этом и хотелось бы поговорить в заключение.

ПРОСТО УЛУЧШЕНИЕ НРАВОВ

«Голосую за Путина, но не за Едро» – такие слова в ходе нынешней избирательной кампании приходилось слышать не раз. Да, народ проголосовал за надёжную защиту от разрушителей-мародёров. Но вовсе не за бюрократию и коррупцию. И потому отталкивать людей, искренних в своём возмущении бюрократическим произволом (даже если их негодованием воспользовались мошенники), стало бы, на мой взгляд, большой ошибкой.

Если власть действительно желает возрождения стране, она должна научиться использовать революционную энергию масс не в разрушительных, а в созидательных целях. Общество требует контроля над бюрократией? Прекрасно! Значит, надо дать обществу такую возможность. Надо наконец сделать прозрачными бюрократические институты и написать законы, обязывающие чиновников предоставлять профессиональным экспертам и общественным организациям любую открытую документацию. Всё это – в интересах самой же власти.

Ибо по-настоящему живое, работоспособное общество можно строить только сообща. И только в сторону открытости, гуманизации и культуры (отличая при этом подлинный либерализм, основанный на уважении к свободе и человеческому достоинству, от хищного агрессивного и разрушительного эгоизма «болотных» вождей). Но как возможно построить такое общество?

«Лучшие изменения те, что происходят от простого улучшения нравов». Это определение Пушкина даёт, по-моему, и идеальный ответ на вопрос «как». Принести результат может только изменение атмосферы. Её оздоровление. И в первую очередь – снижение градуса ненависти и вражды. И, значит, единственно возможный путь – гражданское примирение. А для этого обществу придётся признать, что всё оно больно. И что выползать из болота придётся вместе.

Но куда выползать, если кругом болото? Если найти твёрдого места не удаётся, его придётся создать. Место, где не будет места истерике, клевете, хамству, развратной гламурной тусовке и пошлой попсе, насилующей сознание рекламе и проч. и проч. Место, где все споры и разногласия будут решаться с соблюдением необходимого минимума культуры и уважения к собеседнику.

ПУСТЬ РАСЦВЕТАЮТ ВСЕ ЦВЕТЫ

Разумеется, нельзя лишать человека свободы (ибо не знаем, из какого сора растут стихи). Пусть растут все цветы. И пусть там, на задворках общества, всякий получит право на разложение, разумеется, под бдительным присмотром полиции, чтобы освободившиеся от последних уз морали свободные личности не перегрызли друг друга.

Но на центральной площади должно быть чисто.

Пусть первые каналы ТВ, главные храмы и сцены будут освобождены от всякого рода пошлости и внесены в красную книгу культуры. А всякий, кто покусится на заповедное пространство, – объявлен культурным браконьером со всеми вытекающими последствиями. Пусть за границами культурного общественного пространства будет всё что угодно. Но все при этом будут понимать, что это маргинальная территория, где показывают низкосортный треш, глумится чернь, а пошлые лицедеи развлекают публику похабными частушками.

В конце концов отцедить и вынести за скобки культурного пространства придётся лишь небольшую кучку клинических сумасшедших. Все же остальные сообща могут взяться за построение нового культурного общества, за основу которого можно взять идею культурного кода русского европейца в пресловутых «ста книгах». Не вижу причин, по которым к проголосовавшим за идею культурного общества не могли бы присоединиться проголосовавшие за коммунистов или даже проголосовавшие за Прохорова.

Возможно, для охраны культурного пространства потребуется создание особых советов по типу Общественной палаты: Совета культуры, Совета религий. Самым же общим основанием, на котором могло бы утвердиться новое общество, должна стать, разумеется, христианская этика.

Для начала сказано, думаю, достаточно. Но изложить и обсудить идею «культурного общества» можно и более подробно. По-моему, крайне актуальная тема для дискуссий. Тем более что наброски подобных проектов уже имеются.

Владимир МОЖЕГОВ

ЗЛОБА ДНЯ

На что покушаются?

Сначала показалось, что это просто выходка очередной панк-группы – девушек без комплексов, алчущих известности. Но место и время «выступления», организационное сопровождение, выкрикиваемые в храме лозунги, а главное – последующие события, их общеполитический и международный «контекст» приводят к несколько иным выводам.

Здесь полный набор: письмо Бориса Березовского патриарху Кириллу, в котором олигарх «смиренно» просит «отобрать власть» у Владимира Путина и «передать её народу», почти синхронное с этим исполнение в храме Христа Спасителя песни со словами «Богородица, Путина прогони», а затем, уже после ареста, – настойчивое педалирование на теме «прав человека», «голодовка», как и не замедлившие себя ждать обращение в Европейский суд по правам человека и коллективное волеизлияние арт-активистского сообщества с требованиями освободить осквернительниц. Всё это выстраивается в известную технологическую схему.

Патриархия чётко изложила свою позицию: «Грех должен быть назван грехом, кощунство – кощунством, ложь – ложью, а вовсе не какой-то шалостью», и ни один верующий не должен говорить «это меня не касается», «это не моё дело».

А в чём состоит наше общегражданское дело, которое стоило бы сделать?

Прежде всего понять, что в один ряд выстраиваются разные на первый взгляд события и факты. Это и богохульство в храме на политическую тему, и постоянные попытки высмеивания русского и других российских народов, натравливание их друг на друга, это и деятельность финансируемых из-за рубежа разного рода активистов, и поддержка сепаратизма, инициатив типа создания Сибирской республики, Уральской республики. Сюда можно прибавить призывы создать программы по выделению миллионов гектаров земли на Дальнем Востоке для граждан южных стран в целях «решения их продовольственных проблем» или изменить национальный состав регионов. Всё это не вяжется с определениями отдельных статей типа «Административное правонарушение», «Хулиганство», «Превышение полномочий». Это элементы массированной атаки на нашу российскую цивилизацию, деяния по разрушению которой как целостной системы тем не менее не выделены в отдельную категорию.

Считаю целесообразным и своевременным разработку и принятие Федерального закона «О цивилизационном развитии Российской Федерации». Его главная задача в условиях, когда в соответствии с Конституцией у нас нет «государственной идеологии», определить и закрепить «цивилизационную идентичность» России, в качестве которой выступает евразийская цивилизация, а её ядром – русская культура. В данном же случае главное – не жестокость наказания (просто оно должно быть неотвратимым), а ясное, разделяемое всем обществом понимание, что подобные выходки – не пустячная шалость, а нечто подтачивающее наш культурный код, цивилизационную экологию.

Игорь КРУГОВЫХ,
директор Центра комплексных исследований проблем развития СНГ

КНИЖНЫЙ РЯД

Жалобы чеха

Когда мы рассуждаем о судьбе современной России и наследии 1990-х годов, то часто возникает вопрос: «А что было бы, если бы?..» Целая группа отечественных политиков мечтала и до сих пор мечтает увидеть Россию не державой, находящейся на стыке Европы и Азии, а обычной европейской страной, полностью интегрированной в надгосударственные политические и экономические структуры европейского региона. Что было бы, если бы нас, например, приняли в ЕС? Кстати, совсем скоро нам предстоит вступление в ВТО. А нужно ли нам это?

Если задаёшь себе подобные вопросы, полезно ознакомиться с книгой президента Чешской Республики Вацлава Клауса. Книга, где автор пытается дать оценку чешской истории последних двух десятилетий, производит очень неожиданное впечатление, даже если знаешь, что Клаус – один из самых известных евроскептиков. Да, Чехия воссоединилась со своими западными соседями в рамках единой Европы, но вместо дифирамбов в адрес западной демократии мы слышим от чешского президента слова озабоченности. Перед нами в лице автора предстаёт человек встревоженный, потому что он оказался совсем не в том мире, куда шёл.

В. Клаус. **Где начинается будущее**. – М.: Худлит, 2012. – 223 с. – 3000 экз.

Чего же хотели чехи в начале эпохи демократических преобразований в 1989 году? Точно того же, что и мы. Помимо демократических свобод, либерально-рыночного хозяйства и социальной справедливости чехи хотели, чтобы их страна занимала достойное место в Европе и в мире, а чешская культура была признана как непреходящая ценность.

Удалось ли добиться этого путём перехода на рыночные рельсы и интеграции с остальной Европой? В общем, да. Но чехов ждало немало неожиданных открытий. Например, оказалось, что свободный рынок вовсе не является гарантом качества производимых товаров и услуг. Вацлав Клаус всегда считал низкокачественные товары и услуги одной из главных примет социалистической экономики. Однако вынужден признать, что в современной Чехии, несмотря на все преобразования, сервис в сфере гостиничного бизнеса и транспорта остался на советском уровне.

Что касается достойного места для Чехии в Европе и в мире, то здесь разочарований ещё больше. В структурах Евросоюза, где политику определяют экономические гиганты, Чехию мало замечают, её интересы не учитывают. Именно это заставило чешского президента заговорить о вреде чрезмерной интеграции в ЕС: «Первая кружка пива для утоления жажды необходима, а пятая или девятая? Первоначальное чувство жажды не ответит на этот вопрос». Теперь, когда «первоначальное чувство жажды» интегрироваться в Европу утолено, Клаус склонен считать, что чешской экономике пора стать более закрытой, а государству защищать её от конкурентов.

Что касается чешской национальной культуры, то за её судьбу следует опасаться из-за европейской политики в этой области, «стремящейся стереть натуральные, возникшие в течение веков, различия и особенности народов».

«Жалобы чеха» можно перечислять ещё долго. Главное, что следует вынести из данной книги, это адекватное восприятие «европейского рая». Как говорится, хорошо там, где нас нет.

Светлана ГОЛЬЯНОВА

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Ты делаешь книгу, книга делает тебя»

Андрей Рубанов считает, что хорошую книгу может написать любой человек, готовый потратить на написание несколько лет жизни

«ЛГ»-ДОСЬЕ:

Родился в 1969 году. Среднюю школу окончил в г. Электросталь Московской области. Учился в МГУ на факультете журналистики. Работал репортёром, плотником, шофёром, телохранителем, финансовым директором, пресс-секретарём. Автор книг «Сажайте, и вырастет», «Хлорофилия» и других. Пятикратный номинант лит-премии «Национальный бестселлер», двукратный дипломант премии Аркадия и Бориса Стругацких. Переведён на английский, французский, сербский и болгарский.

– Андрей, вы реалист и при этом считаете себя счастливым человеком. Как такое возможно?

– Не вижу тут противоречия. Наоборот, только реалист и может быть счастлив по-настоящему, поскольку не обманывает себя: умеет принять действительность в совокупности хорошего и дурного. Уж не знаю, хорош ли я как реалист, но я счастлив, это факт. Я это чувствую каждый день.

– Один из самых сильных ваших романов, на мой взгляд, это «Йод». Для него очень подходит пастернаковское: «кусок горячей, дымящейся совести». Почему главному герою для того, чтобы возродиться, обязательно нужно было прибегнуть к саморазрушению?

– Когда я делал «Йод», мне казалось, что количество содержания чего бы то ни было в мире конечно. То есть появление нового происходит только за счёт разрушения старого. Связь между разрушением и созиданием очевидна, и она прямая. Однако сейчас мне ближе идея, выдвинутая Стругацкими в «Диких лебедях»: новое может возникнуть не на обломках старого, а как бы «не мешая» старому, «не обращая внимания» на старое. «Ничего не ломать, только строить» – так у них написано... Конечно, надо понимать, что я не философ, и мои идеи есть не более чем умозаключения дилетанта.

– Странно, что после такого жёсткого и брутального реализма возникла потребность обратиться к фантастике. С чем это связано?

– Мне стало мало реальности. Я обнаружил, что нуждаюсь в метафизике. И ещё – в игре. Пренебрегая игровым началом жизни, я обкрадывал себя. Расслабленный, спокойный и весёлый человек – это игровой человек. Игра и фантазия освобождают нас, поставляют нам положительные эмоции.

– В одном из интервью вы сказали, что, когда пишете, подпитываетесь тёмной энергией и что вера и искусство в принципе несовместимы. Что вы имели в виду?

– Мне кажется, светское искусство служит не Богу, а человеку. Творческое созидание плохо совместимо с верой, поскольку основано на сомнении. Если этого никто не делал, это не значит, что это невозможно; я попробую, а вдруг у меня получится? Были времена, когда вера не только укрепляла искусство, но и хранила его. Художник выживал в храме, и больше нигде. Без Кирилла и Мефодия не было бы христианской Руси. Без печатного станка не было бы Реформации. Но сейчас настали новые времена, – мы понимаем, что есть что-то, кроме Бога, и это не только не мешает писать книги, но и помогает. Мы стали свободнее. Я могу сомневаться в ком угодно. А вдруг Бога нет? А вдруг я – Бог?

– Вы неоднократно признавались в том, что вы человек гордый и самолюбивый, и именно эти черты помогают создавать энергичные, честные книги. А как на ваш взгляд, может ли человек смиренный, не обуянный гордыней написать хорошую книгу?

– Хорошую книгу может написать любой человек, готовый потратить на написание несколько лет жизни. Написание книги не связано с гордыней либо смирением. Делая книгу (или кинокартину, или симфонию, или ракетный двигатель, или единую теорию поля), человек обычно переживает весь спектр эмоций. Впадает то в гнев, то в апатию. То гонит себя вперёд, то просит помощи у высших сил. Ты делаешь книгу, книга делает тебя. Главное – сила эмоции. Смирение тоже может быть деятельным.

– Много говорили о том, как было трудно существовать в 90-е, в нулевые – жаловались на то же самое, да и теперь – не легче. Как вы ощущали себя в эти годы и когда вам больше нравилось жить?

– Мне нравится жить при любой власти, при любой погоде. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Очень люблю эти строки Кушнера.

– Как известно, вы занимаетесь предпринимательской деятельностью. И при этом выдаёте не менее книги в год. Откуда берёте время для литературы?

– Честно говоря, время украл у бизнеса. Писал, а друзья трудились в офисе за себя и за меня. Очень благодарен им за это. Сейчас пишу мало, – пора посвятить какое-то время деловым вопросам. Надо же покупать хлеб и штаны.

– Столько написано сильных книг, но ни мир, ни человек в целом не изменились. Каков для вас главный стимул, заставляющий продолжать писать?

– Кабаков сказал: пишешь, когда устал не писать.

– Вы патриот или можете себя представить гражданином какой-нибудь другой страны, более благополучной?

– Я был во многих странах, и пока современная Россия представляется мне самой благополучной. Здесь бурлит жизнь, здесь происходят перемены. Здесь хорошо. Я тут всех понимаю с полуслова и отлично ориентируюсь, потому что в совершенстве владею языком моего народа. Я ощущаю эмоциональную связь с моей страной. Если это патриотизм – тогда я патриот.

– Верите ли вы в удачу или считаете, что человек должен всего добиваться своим трудом и упорством?

– Можно добиваться, можно не добиваться, – всё самое главное в жизни происходит само собой по воле Провидения. Надо делать то, к чему лежит душа, и по возможности сохранять состояние покоя. Будет день – будет пища.

Беседу вела **Анастасия ЕРМАКОВА**

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Писатель проиграл, но из игры не вышел.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Писатели всегда будут существовать, и писатели всегда будут «властителями дум». Писатель обуздывает сырую энергию жизни. Даже если человек за всю жизнь не прочитал ни строчки, он мыслит образами, которые когда-то придумали писатели. Язык, на котором мы говорим, создала на протяжении двухсот лет группа людей, сравнительно небольшая: Аввакум начал, Пушкин закончил, Набоков довёл до идеального состояния. Разумеется, язык несёт и развивает народ, но чистое вещество языка выделяют всё-таки писатели. В этом смысле они всегда чрезвычайно востребованы. Активный слой общества читает и будет читать. Ответы на многие важные вопросы можно найти только в литературе, и больше вообще нигде. Может быть, через двести-триста лет литература ослабнет и станет салонным искусством, вроде классического балета, но не утратит своего значения.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задала?

– Сейчас у меня нет темы, которая жжёт меня изнутри и рвётся наружу. Если есть идея – я не буду ждать, когда у меня возьмут интервью, а сразу помещу эту идею в текст. Нельзя сказать, что я жду подходящего момента, чтобы начать выкрикивать выстраданные сентенции.

ШТУДИИ

Космическая мысль России

«Русь, Русь?.. <...> Что пророчит сей необъятный простор?» Эти строки из «Мёртвых душ» прозвучали как вопрошание о России, о смысле её тысячелетней истории, о грядущем её назначении. В 1870-е годы знаменитый библиотекарь Румянцевского музея, Московский Сократ Н.Ф. Фёдоров дал свой ответ на вопрошание Гоголя: «Наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига». Сказанное слово оказалось пророческим. Меньше чем через столетие Россия первой из мировых держав вышла в космос.

Каким видел будущее мира и человека этот апостол космической эры, знаменитый библиотекарь Румянцевского музея, собеседник Л.Н. Толстого и В.С. Соловьёва, вбросивший в духовную почву России семена поистине универсальных идей? В его «Философии общего дела» звучит мысль о высоком призвании землян, поприщем дела и творчества которых становится вся Вселенная. Не только *созерцателем мира* – земного пространства, величественной панорамы звёздного неба («Открылась бездна, звезд полна. / Звездам числа нет, бездне – дна» – М.В. Ломоносов) является человек. Он – *деятель* в мироздании, существо, ответственное за бытие во всей его полноте – и за землю, *обитателем* которой он является, и за «ныне бездушные, холодно и как бы печально на нас смотрящие звёздные миры», *правителем* которых должен он сделаться в процессе истории.

Долг управления миром вверен человеку природой, приходящей в его лице к самосознанию, Богом, создающим человека как Своего соработника, дающим ему заповедь «обладания землёй». Это *обладание* противоположно паразитарному *потреблению*, истощающему и поганящему тело земли. Эксплуатации противостоит *регуляция*, обращённая и к разрушительным природным стихиям (землетрясения, наводнения, цунами, эпидемические болезни), и к зловещим плодам неразумной, хищнической активности человека (истощение земли, парниковый эффект, радиация и т.д.), о которых философ всеобщего дела предупреждал ещё 150 лет назад.

Философия русского космизма, которая зачинается с Фёдорова, основана на идее направленности эволюции – ко всё более нервно изощрённым, свободно-личностным и высшим духовным формам. Жизнь и сознание предстают здесь «третьим началом термодинамики»: они противодействуют энтропии, вносят в мир качество «стройности» (Н.А. Умов). По мысли В.И. Вернадского, человеческий разум, нераздельный с нравственным чувством, является «великой геологической, быть может, космической силой», орудием созидания ноосферы, нового, *организованного* состояния биосферы Земли.

Преодоление силы тяготения земного, выход в околоземное, а затем в околосолнечное пространство – эта мечта сближала Фёдорова и К.Э. Циолковского. В юности будущий родоначальник теоретической космонавтики проходил свои университеты в библиотеке Румянцевского музея и потом, уже на склоне лет, называл «Фёдорова необыкновенным человеком, а встречу с ним – счастьем». Впрочем, при общем требовании космической экспансии рода людского, преобразовательной активности человечества, направленной на макрокосм, собственно философские взгляды Фёдорова и Циолковского значительно расходились.

Идеи христианского космизма вслед за Фёдоровым развивали выдающиеся представители религиозно-философской мысли России: В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский. Подобно Умову и Вернадскому, они утверждали негэнтропийное качество жизни, указывали на «Логос, действующий в материи» и влекущий её к совершенству. А рядом с жизнью, как её помощника и агента, рядом с Божественным началом, влагающим в бытие зерна преображения, ставили человека, призванного к гармонизации мира, раскрытию его софийности, дабы «явился в твари её изначальный космос» (Флоренский). В трудах христианских космистов была раскрыта «*онтологическая* и *космологическая* сторона христианства» (Булгаков), развита философия хозяйства и философия творчества. Они намечали благую перспективу истории, настаивая на внесении активно-христианского идеала во все сферы человеческого знания и умения: в культуру, искусство, образование, науку, технику, экономику, социальную жизнь.

Основу космического жизнечувствия составляет любовь. Любовь – как сопричастность всему в бытии, способность вместить в своё сердце и меньшую тварь земли, и светила небесные, и человека. Живое ощущение всеединства не оставляет места отчуждению, разрыву человека и мира, рождающему антропологический и онтологический пессимизм. Оно идёт рука об руку с верой в созидательный смысл бытия и в человека как орудие осуществления этого смысла. Человек здесь не выкидыш, не «пятое колесо в телеге» под названием жизнь, как подчас казалось отчаянным и безверным героям Ф.М. Достоевского, но возлюбленное дитя мира, устремлённое к *совершеннолетию*, а значит – к благому, *совершенному действию*.

Философия космизма пронизана интенцией *восхождения*. От homo sapiens к homo sapiens explorans (Умов) и homo immortalis (В.Ф. Купревич), от человечества к богочеловечеству (Соловьёв, Булгаков, Флоренский), от атомарности и розни ко «всемирному родству», «многоединству» по образу и подобию Божественного Триединства (Фёдоров). Это восхождение иное, чем в религиозных системах Востока, в эзотерической традиции, где дух и душа, проходя разные материальные и иноматериальные сферы, совлекают их как мешающую одежду, сбрасывают, как змея застарелую кожу, как гусеница, ставшая бабочкой, кокон. Венец эволюционного процесса – *человек воскрешающий*, способный восстановить распавшееся в смерти триединство тела, души и духа, сообщая «телу духовному» (1 Кор., 15:44) качество вечности.

ПРОРЫВ ВРЕМЕННОЙ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ФАТАЛЬНОСТИ

Мы и как индивиды, и по нашему местообитанию ограничены во времени и пространстве. Что единственное в нас несёт качество бесконечности? Наш дух, сознание, но спёрто оно со всех сторон фатальностями ограничений. Этот парадокс человека, фундаментальную антиномию его бытия, рождающую нестроения и разрывы во внутреннем мире личности, не раз выражала русская литература: «А я здесь в поте и в пыли / Я царь земли, прирос к земли» (Ф.И. Тютчев); «Страшно подумать, что настанет день, когда я не смогу сказать: *я*! При этой мысли весь мир есть не что иное, как ком грязи» (М.Ю. Лермонтов). Но только мыслители плеяды космизма указали на глубинную взаимосвязь двух фундаментальных *ограниченностей* нашей природы: привязанности к земле и короткодыханности человеческой жизни. Овладение *пространством*, новыми средами обитания, ноосферное освоение и преобразование

Василий ЧЕКРЫГИН

Из серии рисунков «Воскрешение», 1922 г.

земли, этой святой колыбели, *детского очага* сознательной, чувствующей жизни, *совершеннолетне* расширяющейся в космос, невозможно без одновременного овладения биологическим *временем*, без радикального размыкания индивидуальных рамок жизни, сознательного управления процессами жизнедеятельности организма, который должен становиться всё более гибким, пластичным, могущественным, неразрушимо-бессмертным. Выразительно сказал об этом в 1960-е гг. биолог В.Ф. Купревич: «Человек, живущий несколько десятилетий, так же не способен преодолеть межзвёздное пространство, как бабочка-однодневка не может преодолеть океан».

ЛИТЕРАТУРА КАК ВДОХНОВИТЕЛЬНИЦА КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Среди предтеч космизма были выдающиеся творцы культуры. Энциклопедист М.В. Ломоносов, запечатлевший высоким одическим штилем панораму звёздного неба, ставил разум, пытающий естество, на службу Божественному провидению. А.Н. Радищев в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» убеждал своих современников: «вечность не есть мечта». В.Ф. Одоевский провидел глобальные кризисы XX века и выход из них полагал в деятельном синтезе веры, знания и искусства. А знаменитый драматург А.В. Сухово-Кобылин, создатель философского учения «Всемир», указывал: в перспективе истории человеческий род из земной, теллурической стадии развития перейдёт в солнечную, солярную стадию, а затем достигнет и сидеральной (звёздной) стадии, проникнув в глубины космоса.

Русский авангард начала XX века, чаявший перехода от творчества культуры к творчеству жизни, в своих исканиях пересекался с русским космизмом. Ещё Фёдоров выдвинул идею искусства будущего как всеземного, всекосмического художества: в союзе с научным знанием, вдохновляемое религиозным идеалом, оно борется с силами хаоса и разрушения, восстановляет в бытии Божественный первообраз. В эстетике жизнетворчества, которую развивали вслед за Фёдоровым Соловьёв, Бердяев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьёв, В.Н. Чекрыгин, законы художественного творчества, созидающие мир совершенных, прекрасных форм, становятся законами самой реальности. Цель искусства – «организация мировоздействия». Высшим, совершенным художеством может быть только «Преображение Космоса», «Построение Рая».

Мечта о грядущем человечестве, что заселит пространства Вселенной, преодолеет время и смерть, станет соборным художником мироздания, полногласно зазвучала в поэзии: «Царём над жизнью нам селить просторы / Иных миров, иных планет» (В. Брюсов); «Мы – зодчие земель, планет декораторы» (В. Маяковский); «Мы будем человечеством крылатым» (И. Филипченко). В духоподъёмные 1920-е годы образ «вселенского труда», открывающего эру «планетарно-космического» действия, запечатлели поэты «Кузницы», а поэты-биокосмисты выдвинули лозунг «иммортализма» и «интерпланетаризма». Идея восстановления всечеловеческого родства, сыновнего долга живущих, универсальной ответственности разумных существ перед бытием, перед всей тварью, что «совокупно стенает и мучится доныне» (Рим., 8:19), определила философскую тональность творчества В. Хлебникова, Н. Клюева, М. Пришвина, А. Платонова, Н. Заболоцкого...

В такой воздымающей атмосфере формировалась теоретическая мысль пионеров отечественной космонавтики С.П. Королёва, Ф.А. Цандера, В.П. Глушко, Ю.В. Кондратюка. Философия космизма, вдохновившая литературу, явила подлинные духовные корни космического проекта России, его энтелехию (целенаправленность). И к этой философии, и к этому проекту лучше всего применимы слова Андрея Платонова: «Невозможное – невеста человечества и к невозможному летят наши души».

ПОЧЕМУ НАРОД ТАК ОСТЫЛ К КОСМОСУ?

И что же теперь, когда так обесценен оптимистический, максималистский пафос, вообще всяческая героика, которую не может не востребовать такое грандиозное Общее Дело? Когда народ так остыл к космосу, остыл *глубинно*, если не сказать *принципиально*? Раздаются голоса: какой ещё космос – на Земле такой беспорядок, голод в целых регионах, озверение... на кой миллионы сжигать в космосе, если свои пенсионеры еле-еле жалко выживают?.. Почему должен я ради каких-то будущих космических аргонавтов себя урезать в жизненных благах или просто минимуме? Всё равно мало чего внятного из этого космоса выходит.

Да, перед нами очевидный откат, естественная реакция на предыдущую эпоху с её дефектными идеалами и нередко суррогатами героизма. Оглядываясь на прошедшее, мы знаем по историческим зигзагам, психологическим сменам массовых настроений, что неминуем новый накат и подъём – нельзя абсолютизировать нынешнее состояние наших душ и ценностей... и *это пройдёт*... Прорыв человеческого рода за пределы Земли отвечает эволюционным требованиям, логике восходящего развития. В этом смысле *поворота* назад уже не может быть. Не забудем и о принципиальной неотделимости Земли от космоса, о тонкой взаимосвязи происходящего на нашей планете с Целым Вселенной, отмеченной выдающимся учёным, Леонардо да Винчи XX века А.Л. Чижевским. Эффективное решение *планетарных* проблем невозможно в узких земных пределах.

Нынешняя реакция на космос воочию свидетельствует, насколько нельзя отрывать космическую программу, победу над пространством, и программу медико-биологическую: долгожительство, бессмертие, победу над временем. А вот если нераздельно соединить овладение космосом с совершенствованием собственного организма в направлении реального расширения рамок жизни всех и возвращения к новому преображённому бытию уже ушедших, то есть зацепить самый животрепещущий интерес каждого, – тогда только может вновь и уже с гарантией большей *прочности* зафонтанировать былой космический энтузиазм.

Василий ЧЕКРЫГИН

Иллюстрация к трактату «О Соборе Воскрешающего музея». Начало внехрамовой литургии, 1921 г.

ВЫЖИВАНИЕ ИЛИ ВОСХОЖДЕНИЕ?

Космическая эра только началась. Человечество делает в освоении космоса самые первые шаги. Если брать аналогию уже пройденного развития, оно здесь находится на стадии топора и колеса по сравнению с достижениями современной цивилизации, с аэропланами, ракетами и компьютерами. Но уже сейчас можно говорить о колоссальном нравственном и мировоззренческом значении космических программ. Они напоминают нам об универсальных задачах рода людского, о необходимости концентрации сил и энергий, растрачиваемых ныне на пустяки и взаимную борьбу. Космическое мышление прорывает фатум замкнутости земли, учитывает новый фундаментальный фактор развития – разум, новую форму организованности живого – рефлективное сознание.

Нынешние сценарии будущего упираются в предел – ресурсов, возможностей технической, антропогенной нагрузки на природу, одним словом, в истощение биосферы. Отсюда призывы остановиться в безумной индустриально-потребительской гонке, опамятоваться, сократиться численно, ужаться, *по одёжке протягивать ножки*, вернуться к какой-то прежней гармонии с природой, хотя бы до острокризисного сегодняшнего положения, и так потихоньку в некоем гомеостазисе *выжить*. Панически высчитывают соотношение иссякающих природных ресурсов и наличных душ и всё более поддаются на искус «людоедской» демографии: максимально сократить эти души...

Активно-эволюционный, ноосферный подход резко контрастирует с этим кругом идей. Здесь не *выживание*, а *восхождение*, космическая экспансия, умножение населения, да ещё победа над смертью, а христианский космизм в лице Фёдорова говорит и о восстановлении всех когда-либо живших. Да, это представляется чистой фантазией и безумием, но только в плоскости нынешнего фундаментального выбора и уклада, их логики. Как-то Кромвель записал на своей Библии: «Если человек не становится лучше, он перестаёт быть хорошим» – прекрасный эпиграф, приложимый к борьбе за императив *восхождения* против безнадёжно-позорного *выживания*, обрекающего на стагнацию и неизбежную энтропийную деградацию.

Анастасия ГАЧЕВА, Светлана СЕМЁНОВА

ДИСКУССИЯ «ПОСТМОДЕРНИЗМ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»

Ледяные бриллианты постмодернизма, или Трудности перевода

В конце 80-х соцреализм перестал быть официально поддерживаемой творческой философией. Неслучайно конец 1980-х стал для русской литературы поворотным – появилось огромное количество текстов, написанных по новым рецептам. Правда, это никак не помогло нам прорваться на первые места в мировом литпроцессе. Да, в конце 80-х – начале 90-х русскую литературу, что называется, прорвало... Но итоги этого прорыва с последующим затоплением неутешительны.

Нынешнюю литературную ситуацию в России иногда называют «эпохой победившего постмодерна» – отечественный книжный рынок наводнён текстами авторов новой волны. Лишь одно обстоятельство удручает: несмотря на то что эти тексты «переведены на многие языки», спрос на них у западного читателя невелик.

Самым известным постмодернистским произведением русской литературы была и остаётся «Лолита» Набокова, созданная вдалеке от России и задолго до начала эпохи русского постмодерна. Последние 20 лет, в течение которых постмодернизм господствует у нас, русская литература не породила ничего, что произвело бы такой же эффект на западного читателя, как набоковский текст. В чём причина? Неужели современные отечественные авторы так бесталанны? А может, дело в самих правилах литературной игры?

Постмодернизм, провозгласивший своей целью слияние культурных противоположностей в рамках одного текста, производит на свет очень хрупкие художественные конструкции. Нарушить хрупкое равновесие легко. В случае с русскоязычными текстами достаточно перевода на иностранный язык.

Классический русский роман потому и сделал отечественную литературу мировым брендом, что не боялся перевода. Даже бездарный перевод оставит в неприкосновенности самое ценное – сюжетную линию. В нынешнюю эпоху ситуация изменилась. Самым ценным элементом стал не сюжет, а текстовая ткань сама по себе – соединение высокого поэтического стиля с базарной бранью, звукопись как стилистический приём, различные афоризмы...

Переводить ругань всегда тяжело. Звукопись почти не воспроизводима. Афоризмы – тоже головная боль для любого переводчика. А что делать, если в тексте попадается то, что не имеет аналогов в другом языке?

Например, как передать на английском древнерусский стиль плетения словес, используемый в романе Татьяны Толстой «Кысь»? Никак. Вот и получается – запаковали «Кысь» в новую обложку, перевезли через границу, разворачиваем, а под обложкой – обычный фантастический роман с банальнейшим сюжетом, рассказывающий о жизни людей после всемирной катастрофы. Неудивительно, что Татьяну Толстую ценит только русскоязычный читатель, в том числе русская эмиграция, а обычный европейский и американский читатель не ценит.

Получается, как в русских сказках. Приносишь из избушки Деда Мороза бриллианты, а они, оказавшись в тепле, вдруг начинают таять. Находишь в заповедном лесу клад, пересыпаешь в мешок, приносишь домой, но в мешке обнаруживаешь уголь или хуже того – мусор. При перемещении между мирами предмет меняет свои свойства.

По такому же сказочному принципу происходит трансформация целого ряда текстов. У их авторов свойственная постмодернизму ироничность достигает крайней степени, превращаясь в цинизм, но этот цинизм, словно по мановению волшебной палочки, становится патриотизмом, как только книга оказывается за границей.

Удивительно, но факт – постмодернистские фантазии Ерофеева и Сорокина воспринимаются западным читателем примерно так же, как документальные и полудокументальные тексты Солженицына. Неслучайно из книг Сорокина в переводе наиболее востребованы «День Опричника» и «Сахарный Кремль», а у Виктора Ерофеева популярны тексты, в которых он старательно поддерживает устоявшиеся мифы о России – «Русская красавица», «Хороший Сталин», «Энциклопедия русской души»... Перед нами новая «диссидентская литература», но даже диссидентский имидж не обеспечит миллионных тиражей и не поможет русскому постмодерну покорить сердца Нобелевского комитета. Западное общество не настолько политизировано.

За границей переживает трансформации и Пелевин. Если у нас он новатор, то после перевода – автор академичный. Кто на Западе заинтересуется русским романом о культуре Ближнего Востока? А русским романом о вампирах? Студенты, которые изучают русскую литературу XIX и XX веков как иностранную? В довесок к Пелевину западный читатель покупает «Евгения Онегина», «Мёртвые души» и прочую классику, а не постмодерн. Может, поэтому в тексте «S.N.U.F.F.» сильно проявляется сближение с политикой и путь к диссидентству. Надо же хоть как-то расширить аудиторию.

Есть и другая проблема экспорта литературных текстов. В постмодернизме очень важна цитата, сохранившая связь с изначальным контекстом. Именно поэтому совершенно непригодными к экспорту оказались творения такого автора, как Вячеслав Пьецух. Чтобы оценить рассказ «Центрально-Ермолаевская война» или роман «Новая московская философия», необходимо знать русскую историю и русскую классическую литературу хотя бы в рамках отечественной школьной программы.

В Америке и Западной Европе даже студенты не обладают такими глубокими знаниями, но при этом сама идея пародирования классических текстов, которую использует Пьецух, весьма популярна на Западе. Достаточно вспомнить пьесу Стоппарда «Розенкранц и Гильдернстерн мертвы», переведённую, между прочим, И. Бродским, где трагедия Шекспира, увиденная глазами двух придурков, превратилась в площадную комедию. Или «Гордость, предубеждение и зомби» Сета Грэма-Смита в стиле Mashup, объединяющий классический роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение» с элементами зомби – хоррора и восточных единоборств.

Нынешняя ситуация в России сравнима с ситуацией в большинстве европейских стран – там есть своя национальная литература, есть свои известные писатели, но за границей они известны только узкому кругу читателей. Если книга переведена на основные европейские языки, это не делает её мировым бестселлером. Она скромно стоит на полке магазина среди других таких же переводных книг.

Исключения в этом правиле крайне редки, особенно для авторов-постмодернистов. Одним из исключений стал серб Милорад Павич, а ещё – немецкоязычная писательница Эльфрида Елинек, известная за пределами Германии и Австрии главным образом из-за своей книги «Пианистка». Вот, пожалуй, и всё. Есть, конечно, классики постмодернистского жанра – Борхес, Эко, – но они с каждым годом вызывают всё меньше общественного и читательского интереса и престижных премий не получают...

Русская литература за истекшие четверть века не смогла предложить миру даже одного автора, претендующего на звание мирового классика. Почему? Казалось бы, все условия для этого есть. Если опять проводить аналогии с Европой, то полезно вспомнить, что Эко – наследник великой итальянской литературы, Борхес – испанской, даже Эльфрида Елинек возникла не на пустом месте. А мы – тоже наследники великих – не можем ничего предъявить миру. У нас даже Павича своего нет. А ведь до его появления сербская литература ничем не привлекала к себе внимания мирового читателя.

В условиях постмодерна русская литература оказалась в положении заведомо невыгодном. Она стала ещё более загадочной, чем русская душа, и крайне трудной для восприятия. Западный постмодернизм более прост. При всём многообразии западных культурных традиций они очень близки друг к другу – их сблизили века совместного существования. Перевести книгу с одного европейского языка на другой легко. Совсем другое дело – переводить с русского. Слишком уж много смысловых несовпадений.

Правда, в истории русской культуры были долгие периоды, когда её развитие проходило в полной или частичной изоляции. Даже Сербия не была так изолирована, и эпоха соцреализма, вклинившаяся между модерном и постмодерном, была в этой стране короче.

Вероятнее всего, русский постмодерн так и останется продуктом для внутреннего потребления. Посмотрим, что даст следующая эпоха.

Светлана ЛЫЖИНА

ОСТОРОЖНО: СЕНСАЦИЯ!

И Гоголь – тоже Пушкин?

Проблемы авторства А. Пушкина, казалось бы, давно не существует. Всё доказано и проштудировано вдоль и поперёк. Однако, судя по изданию знаменитой сказки, где поп неожиданно стал купцом, это не совсем так. Вот и литературоведы Александр Лацис и Владимир Козаровецкий ещё в минувшем веке выдвинули гипотезу, что сказку «Конёк-Горбунок» написал... Пушкин. А Ершов просто внёс «добавления и изменения», которые вошли во все издания, кроме первого. История долго не имела продолжения. Но в конце марта диалектологи Розалия и Леонид Касаткины выступили с докладом в Институте русского языка, где привели лингвистические доказательства вроде бы затухшей гипотезы. О своих изысканиях Касаткины подробно рассказали в интервью радио «Свобода».

Учёные проанализировали больше ста диалектизмов в текстах первого издания сказки и четвёртого – исправленного, а также многочисленные произведения Пушкина и Ершова и пришли к выводу, что диалектизмы в первом издании были известны в псковских говорах или в диалектной зоне, куда входят эти говоры. Пушкин, с детства бывая в Михайловском, наверняка знал псковский диалект. Кроме того, в той же диалектной зоне родилась Арина Родионовна, главный наставник поэта по части народного языка.

П. Ершов родился в Тобольской губернии, провёл там детство, учился в гимназии в Тобольске, вернулся туда же после окончания Петербургского университета и остался там до конца своих дней. Диалекты Тобольской губернии, по мнению учёных, возникли при переселении крестьян из Вологодской, Вятской и Пермской губерний, где преобладают северорусские говоры. А псковский диалект относится к среднерусским.

Выводы такого рода должны сопровождаться примерами. И Касаткины в изобилии находят их. В первом издании «Конька-Горбунка»:

С сенника дозорный сходит
***И,* обшед избу кругом,**
У дверей стучит кольцом.

В последующих, якобы исправленных Ершовым:

С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
***Стал стучаться* под избой.**

Глагольные формы «ушед», «пришед» и т.п., считают диалектологи, встречаются в северо-западных говорах и, следовательно, не могли быть известны Ершову. А в произведениях Пушкина таких примеров множество: «Вышед из лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери». Или: «Государь-император, обошед соборы, возвратился во дворец».

Или – ещё пример. В первом издании «Конька-Горбунка»:

Братья сеяли пшеницу
да возили* под *столицу.

Вариант Ершова:

Братья сеяли пшеницу
***Да возили* в град-столицу.**

Для Пушкина предложенная конструкция привычна и естественна:

Подъезжая* под *Ижоры,
Я взглянул на небеса...

Короче говоря, Ершов заменил в последующих изданиях всё, что было для него неприемлемо с точки зрения языка. Этот посыл вряд ли делает версию более доказательной, но диалектологи твёрдо стоят на своём: «Диалектизмы, встречающиеся в первом издании сказки «Конёк-Горбунок», в подавляющем большинстве – это или такие же слова, которые мы нашли у Пушкина в более ранних или более поздних текстах, либо это псковские диалектизмы, которые тоже прекрасно могли быть ему известны».

На одном из литературных интернет-форумов, где обсуждалась теория Касаткиных, мы встретили замечание, может быть, и грубоватое по форме, но по содержанию верное: «Вообще, учитывая тот факт, что Пушкин синтезировал новый литературный язык из подножного корма, с уверенностью приписывать ему что бы то ни было – это слишком смело».

Если подумать, то почему, собственно, «побеждённому учителю» Жуковскому можно было исправлять «победителя-ученика», а провинциальному литератору Ершову – нет. При таких темпах литературных открытий вполне возможно скоро выяснится, что Пушкин не просто подарил Гоголю сюжет «Мёртвых душ», но и написал вместо него «Вечера на хуторе близ Диканьки». Ведь многие произведения Александра Сергеевича связаны с Украиной.

Геннадий РУКОЛАДОВ

ЮБИЛЯЦИЯ

Вслушаться в поэта

Вячеслав Ар-Серги родился 5 апреля 1962 года в д. Новая Казмаска Завьяловского района Удмуртской Республики. В 1984 году окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета в Ижевске. Учился на Высших литературных курсах Московского литературного института имени Максима Горького. Работал сценаристом киностудии «Кайрос» (фонд Ролана Быкова). С 1990-х годов – на профессиональной писательской работе.

Произведения автора переведены и опубликованы более чем на двух десятках языков литератур России и европейского зарубежья – ближнего и дальнего, внесены в обязательные программы изучения литературы в школах и гуманитарных факультетах высших учебных заведений Удмуртской Республики.

Авторский вечер народного поэта Удмуртии, лауреата нескольких литературных премий, автора более сорока книг стихов и прозы Вячеслава Ар-Серги, посвящённый 50-летнему юбилею, прошёл на его малой родине – в пригороде Ижевска, в районном центре – селе Завьялово. Завьяловский районный дом культуры в этот вечер был наполнен поклонниками художественной литературы и творчества своего именитого земляка. Юбиляра тепло поздравили руководители Удмуртской Республики, читатели, а школьники декламировали со сцены его стихи. «Конечно же, наш Вячеслав Ар-Серги мог провести этот знаменательный в его творческой и жизненной биографии авторский вечер и в столичных залах, но то, что он сегодня с нами, – это и символично, и, наверное, закономерно. Ведь он уроженец нашего района, здесь его корни, он остаётся верным своей родной земле, где родились сюжеты многих его произведений и по сей день живут люди, ставшие прообразами его книг», – отметил в своём выступлении глава Завьяловского района Андрей Коняшин. На этом же вечере Вячеслав Ар-Серги представил своим землякам свою новую, только что вышедшую из печати книгу «Вслушаться в себя...», куда вошли его стихи, проза, интервью и статьи о творчестве поэта. «Книга получилась с претензией на «Избранное», – пошутил сам герой литературного вечера. В заключительной части мероприятия Вячеслав Ар-Серги прочитал свои ещё неопубликованные стихи – на русском и удмуртском языках, поделился с читателями будущими творческими намётками, ответил на вопросы зала и поблагодарил собравшихся за добрый приём. Завьяловские артисты исполнили несколько любимых песен юбиляра и по просьбе собравшихся – песни на стихи самого поэта.

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТФЕСТИВАЛИ

Ежегодный фестиваль поэзии с 13 до 15 апреля пройдёт в Саратове. Мероприятия включают поэтические чтения, презентации книжных новинок, теоретический коллоквиум по искусству и т.д. В фестивале, проводимом при поддержке гуманитарного фонда «Поколение», примут участие поэты из Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Казани, Рязани и других городов России.

В Кемерове проведён межрегиональный фестиваль книжной моды «Увлекающие чтением». Библиографы разных регионов страны обсуждали проблемы современной рекомендательной библиографии, демонстрировали новые разработки, способствующие поддержке книги и чтения, искали новые формы работы.

ЛИТСОТРУДНИЧЕСТВО

Во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге в рамках партнёрского сотрудничества с Национальным музеем Республики Татарстан открылась выставка «Боратынские в Казани. Век золотой – век Серебряный». Там представлены экспонаты из целого ряда культурных учреждений Казани – музеев, Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, Федерального университета и собственно из петербургских фондов Всероссийского музея Пушкина. Выставка посвящена не только выдающемуся поэту пушкинской эпохи, но и судьбе его потомков, представителей старейшего дворянского рода Боратынских.

ЛИТФОРУМ

Традиционные общегородские Санеевские чтения прошли в Петропавловске, в библиотеке-филиале № 1 имени Н.В. Санеева. Программа включает презентацию новых книг известных камчатских авторов, среди которых А. Смышляев, М. Жилин, С. Гаврилов. Выступят также представители творческой молодёжи и их педагоги.

ЛИТТУРНИР

Поэтический турнир между местным литобъединением «Элегия» и областным литературным клубом «Светунец» прошёл в Еманжелинске. В качестве зрителей и участников съехались поэты из Челябинска, Южноуральска, Коркино, Миасса, посёлков Зауральский и Красногорский. В жюри – руководители объединений-соперников И. Сабиров и О. Павлов, челябинский поэт М. Рудковский и руководитель литобъединения «Лира» из Южноуральска Ю. Елизаров. Командам предстояло прочесть по шесть стихотворений в четырёх номинациях: пейзажная, любовная, социально-гражданская и философская лирика. С переевсом всего в один балл победил «Светунец».

ЛИТЮБИЛЕИ

В Центральной пермской городской библиотеке имени А.С. Пушкина прошёл День поэта, посвящённый 75-летию со дня рождения Алексея Решетова. Работала открытая аудиовидеоплощадка, где звучали стихи поэта, воспоминания друзей и демонстрировался фильм Пермского телевидения «Белый лист» с его единственным телеинтервью. На книжной выставке «Алексей Решетов: интуиция Земли» были представлены все книги стихов и прозы юбиляра.

В Туле, в Доме-музее В.В. Вересаева, открылась выставка, посвящённая 80-летию поэта Виктора Пахомова. На выставке представлены персональные сборники, книги, журналы, в которых опубликованы стихи Пахомова, фотографии, рассказывающие о творческой и общественной жизни юбиляра. На церемонии открытия выступил сам Виктор Фёдорович, а также тульские прозаики и поэты, представители литературных объединений Тулы и области.

ЛИТПРЕМИЯ

В Омске вручена премия имени Павла Васильева, учреждённая губернатором Омской области Леонидом Полежаевым в прошлом году. Лучшим прозаиком признан Евгений Даниленко и его произведение «Море неизбежностей». Валерий Хомяков награждён за книгу «Чудосотворенье. Человек и мир в поэзии Павла Васильева». В номинации «Поэзия» победила Ирина Семёнова. Лучшим дебютом, по мнению экспертов, стали произведения поэтессы Елены Колесниченко.

ЛИТКОНКУРС

В актовом зале Псковской областной универсальной научной библиотеки награждали победителей конкурса на лучшую издательскую продукцию «Псковская книга–2011». В главной номинации по решению жюри победителем стал альбом «Александру Сергеевичу хорошо!» (графические и живописные работы Игоря Шаймарданова) – издание Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

ЛИТУТРАТА

В Благовещенске на 75-м году жизни скончался прозаик Борис Черных. Он был автором «Литературной газеты»; выпускал в Ярославле газету «Очарованный странник», а вернувшись на малую родину – в Приамурье, – газету «Русский берег», входил в редколлегию владивостокского альманаха «Рубеж»; в московских издательствах вышло несколько книг прозы, в том числе двухтомник. Искренне соболезнуем родным и близким Бориса Ивановича.

• Издание книг и их реализация;
• Публикация прозы и поэзии
в журналах «Российская литература»
и «Литературный альманах «Спутник»
Все это предлагает вам издательство «Спутник+»
г. Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
www.sputnikplus.ru E-mail: sputnikplus.ru2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 с 9 до 18 (обед с 14.00 до 15.00)

Издательство «Перо» предлагает:
✓Издание книг, монографий, брошюр, научных трудов
✓Так же Вы можете опубликовать свои произведения в нашем литературном журнале «Современная литература России»
✓Срочные публикации научных статей
г. Москва, 109052, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27 офис 105
www.pero-print.ru pero-print@yandex.ru
Тел. (495) 973-72-28; (495) 665-34-36

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов
Малый зал

16 апреля – Международная ассоциация литературных объединений, ведущая – Олеся Лебедева, начало в **17.00.**

18 апреля – заседание Литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», ведущая – Полина Рожнова, начало в **14.00.**

Клуб прозаиков. Обсуждение мемуарной прозы поэта-прозаика и художника Леонида Рабичева, ведущая – Лариса Румарчук, начало в **18.30.**

Кафе-клуб «Билингва»
Кривоколенный пер., 10, стр. 5

12 апреля – лекция Данилы Давыдова «Традиция Мандельштама в современной поэзии», начало в **19.00**.

Факультет журналистики МГУ
Моховая, 9

18 апреля – юбилейный вечер профессора МГУ и Литературного института им. А.М. Горького, руководителя студии «ЛУЧ» Игоря Волгина, начало в **18.30**.

Государственный музей В.В. Маяковского
Лубянский пр., д. 3/6, стр. 4

14 апреля – день памяти В.В. Маяковского, обширная программа, начало в **11.00**. Поэтический спектакль: В. Маяковский. «Флейта-позвоночник», начало в **20.30**.

16 апреля – V фестиваль молодёжных поэтических объединений и клубов Москвы и Московской области им. В.В. Маяковского, начало в **11.00**.

Клуб «Классики XXI века»
Страстной бульвар, 8

12 апреля – мемориальный вечер прозаика и поэта Михаила Новикова (1958 – 2000), начало в **19.00**.

Новый книжный клуб-магазин «Гиперион»
Рабочая, 38

16 апреля – поэтический вечер, посвящённый финалу конкурса клуба неофутуристов, начало в **18.00**.

Торговый дом «Библио-глобус»
Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1
1-й уровень, зал № 8

12 апреля – презентация книги Алексея Дубаса «Правила аквастопа», начало в **18.30.**

ПОЭЗИЯ

Кто ты, божий человек?

Те, кто помнит стихи Владислава Дрожащих периода первых его книг, кто погружался в последующие и кто прочтёт сегодняшнюю подборку, оценят проделанный им путь. Когда-то Маяковский писал: «Есть ещё хорошие буквы: Эр, Ша, Ща». Дрожащих шагнул от пиршества пастернаковских согласных к полногласию Пушкина и торжественности Державина. Достаточно прочесть хотя бы такие его стихи, как «Нежноглаголанье» и «Терем», и вы услышите оркестровую перекличку великолепных «а», «о», «е», «и», «у». Альт, валторна, флейта, клавесин, труба. Таковым симфоническим оркестром ныне дирижирует мой старинный друг, которому исполнилось 60. Маэстро.

Юрий БЕЛИКОВ

Владислав ДРОЖАЩИХ

ПЕРЕКРЁСТОК

Куличи пасхальные,
принцы привокзальные.
Двор кирпичный, без примет,
сад больничный – всем привет!

За оградой благодать –
на просвет себя видать.
Сад больничный – на просвет,
и креста на теле нет.

Ни огня, ни сигарет,
на просвет, так на просвет.
Перекрёсток от угла
до угла – и все дела.

Шпальная, вокзальная
тьма, светись, пасхальная,
и с крестом и без креста;
и по кругу темнота.

Перекрёсток, перекрёсток –
сверху башенка с напёрсток,
и крест-накрест сволота –
с головы до живота.

РАЗГОВОР

Пламя, сжатое в ладони,
дождь в законе, снег в загоне.
Кто ты, божий человек,
пламя, дождик или снег?

Дождь коленчатый, хромой –
за разлукой, за тюрьмой.
Полупламя, полуснег,
кто ты, божий человек?

За беспутными горами,
за бездомными лучами
буду помнить – кто такой.

Кто ты будешь, дорогой?

ВОЛК В РАЮ

Я походку волчью таю;
опалённое плачет слово
в позапрошлом своём раю
и на звёзды глядит сурово.

Обжигаясь на холодке
первоснежья и скудострастья,
небожителем, налегке
я вернусь до звезды, в ненастье.

Я ни крохи не дам себе,
чтоб о тайном не разглаголить
каменистой своей судьбе.
Знаю, волка не приневолить.

Запропали мои года.
До бровинки повыцвел ельник.
Над погостом дрожит звезда.
Я вернусь до звезды, в сочельник.

Мне не выдохнуть никуда
то, что заживо рвёт на части
или волчьего ждёт суда.
Я вернусь навсегда, в ненастье.

Тёмнорадная мгла стыда
не пожалует чем-то щедрым;
лишь по-волчьи следит звезда –
за скалой с тёмнорунным кедром.

ВОРОНЁНОК

Эх, загулял бы, да нет
злобушки на мясоед!
Эх, повинился бы, да
в сердце клюёт лабуда.
Был бы я первый снежок.
Знал бы свой белый шесток.
С первой разлукой, сестрёнка!
С первым конвоем, браток.
Не зазубри назубок,
не загуби, воронок.
Страшного света воронка,
оборони воронёнка.
Что ж, это пьяный зарок.
Не зарекайся на срок,
Будут другие зароки –
этот зарок не помог.
Душу возьмёт на хапок
сиплый зевун кривобокий –
спи, вампирёнок злоокий,
мой вековой холодок.
Чубчик, голубчик, молчок!
Зубчик надломит снежинка,
свяжет сухая травинка
свой травяной лапоток.
Ангел ли шёл с хворостинкой,
вывернув небо с овчинку,
да обронил узелок.

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Я понял ангельский язык,
когда, сгорая, прикоснулся
свет, неустойчивый на миг,
к изнанке неба; и очнулся

я с той, незримой, стороны,
где веют ангелы перстами,
тьму разделяя над веками
у изголовья тишины.

Прощался кто-то надо мной.
И отраженья трепетали.
И облака не пробегали
по глади слова ледяной.

И с притемнённой стороны
стекла таинственной природы
скользили демоны вины,
кружились ангелы свободы.

Шли целокупной целиной.
И чьи-то тени обретали
покой за скобкой ледяной
и тьму в бездонный свет бросали.

Лучились комья тишины
в горсти у звёздного безмолвья;
и свет стоял у изголовья
среди светильников вины.

И страх, с иголкой ледяной,
всё полагал, что берег лучший
такой же, как и я, заблудший,
прощённый собственной виной.

Но почему не плачешь ты,
не слышишь, что в огне открылось,
как погружаются персты
незрячие во тьму, в немилость.

И приглушая в бездне дрожь
необозримого мерцанья,
ты понял ангельскую ложь,
что не безмолвье, а молчанье.

От нас глухонемая кровь
позор свой прячет сокровенно,
неразделённую любовь –
и та, за кромкою мгновенна.

И нам сродниться суждено
в порывах безглагольной речи
за кромкой молчаливой встречи
с безмолвьем, что глядит в окно.

«Тёплый воздух пытается петь»

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Родилась в Магнитогорске. Автор семи поэтических книг, курса лекций «Поэтика: модели образного мышления» и учебника точной речи «Поэтика: двенадцать тайн», многочисленных поэтических, критических и научных публикаций, лауреат литературных премий имени П.П. Бажова (2001 год) и имени К. Нефедьева. С 2001 года работает как фотохудожник. Выставки прошли в Челябинске, Екатеринбурге, городах Челябинской области. Старший преподаватель сценарного мастерства на кафедре режиссуры театрализованных представлений и празднеств Челябинской государственной академии культуры и искусств, кандидат культурологии.

***

Александру Конопелькину

Окарина окраины, скука
Долгих жалоб на бедность и страх…
Но едва безысходная мука
Умолкает в неловких руках,

Серебро покрывается чернью
И губительной зеленью – медь…
Только в утлом своём заточенье
Тёплый воздух пытается петь

И однажды из слабого праха
Выдыхает себя невзначай…
Остальное – печаль и неправда:
И неправда, а всё же печаль.

***

Не выходя из запоя,
Умер сосед.
В небо, почти голубое,
Бьёт ослепительный свет.

Влагою воздух пропитан,
Дрожь прожигает насквозь.
Ветер по каменным плитам
Льётся в раскрытую горсть.
А на поминках припомнят
Новых свобод торжество:
Лихо напёрстками комнат
Душу гоняло его,

Как на картонке базарной
В круге жулья и зевак…
Кто в этой дури азартной
Сделал решительный шаг?

Близко не ведая правил,
Вышел и бросил: – Постой! –
И не помедлив поставил
На кон свой крест золотой…

* * *

…Издали – как чужая –
Но до мельчайших трат
Я знаю тебя, я знаю,
Как будто прошла стократ

Парадом твоих безумий
В лохмотьях твоей парчи –
В те поры, когда Везувий
Возвысился в палачи

И в жажде не кровной мести,
Но права вершить закон
Облизывал соль созвездий
Пылающим языком…

* * *

И всё равно меня влечёт
В жестокий мир,
под низкий кров,
Пока испуганный сверчок
Поёт любимую, без слов.

Кто одарил тебя? О чём
Он размышляет над строфой,
Вздыхая, словно огорчён,
И повторяя: «Просто – пой…»

Из всех пронзительных утех,
Во всей томительной тщете –
Простая песенка для тех,
Кто умирает в темноте.

Сквозь ледяную скань зимы
Как мы идём на этот зов,
Необъяснимо спасены
Наивной песенкой без слов!

Как будто пить небесный мёд
Счастливо шествуем тропой
Прозрачных полуночных нот,
Легко затверженных тобой.

Виталий ПРЫГУНОВ

***

И только там, где город шаток, где он надтреснут,
Где карусельные лошадки сбегают в бездну,
Откуда змеи тайных трещин на свет крадутся,
Где оглянуться не страшней, чем не оглянуться,

Возможно вычислить иное существованье,
Уже встающее волною над головами.
Возможно даже руки вскинуть в немой защите,
Но трещины стреляют в спину, огнём прошиты.

И только там, где город зыбок, как наважденье,
Видны следы молочных зубок на сладкой лени,
На беззащитном любопытстве, на честном слове,
Что на свету черствеет быстро, как на изломе.

* * *

На туберкулёзном сквозняке предместья
Вспыхнули сирени грозные созвездья,
Ясны, безымянны и неумолимы:
Аромат надежды с привкусом малины.

Май сочится в листья, разъедает стены,
Длинно запевают дальние сирены,
Девочки гуляют, всхлёбывая пиво,
С краешку чужого чумового пира.

Тяжко бремя жизни, очи жизни кротки.
Правая в кармане, лезвие на кнопке,
Молния без грома – молча третий лишний
Прямо в пыль и мусор рассыпает вишни.

Ягода-малина, юная забава,
Что ж у вас за праздник – тёмно да кроваво...
И проходит краем вдоль обиды майской
Женщина под чёрной бесполезной маской.

* * *

Выходя из маршрутки у базара или вокзала,
«Ты высокий как небо», – цыганка ему сказала
И пошла, загребая подолом сухой снежок,
У бродячей судьбы золотой забирать должок.

А водила… Водила до первого поворота
На дорогу глядел и лыбился криворото,
И дышало небо в крутое его плечо
Равнодушно разгневанно, холодно горячо.

Свидание с Саровом

Владимир ШУТОВ

Родился в 1941 году в Уфе. С 1947 по 1966 год жил в Сарове (тогда Арзамас-16), где окончил школу и вечернее отделение МИФИ. Работал редактором в научно-технических изданиях в Москве. Вернулся в Саров, где и живёт.

* * *

Ив. Шмелёву

Не буди меня,
не прерывай этот сон.
Я хочу досмотреть,
и пока не окончился он –
не буди.

Погоди!
Так немного осталось.
Пусть ещё он продлится,
хоть самую малость.

В нём душа так легка
и наполнена светом,
будто чьим-то дыханьем
ответным согрета.

Погоди, не буди!
Дай остаться средь этого лета.

Слышишь, благовест смолк,
только воздух дрожит над закатом.
Только сердца восторг,
только слёзы любви и утраты.

* * *

Новое – чуждо и дико,
старое – пепел и тлен.
Видишь, опять многолико
смотрят портреты со стен.
Слышишь? – Поют или плачут
пьяные над рекой.
Ах, разнесут, рассудачат
эту старинную боль.
Кто ты – чужой или милый?
Милый и снова чужой.
Звук бесконечный, унылый…
Вой.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Обними меня так,
как во сне нелюбимых
любимые обнимают…
Как туман, из низин поднимаясь,
обнимает холмы,
и прощальной свирели мотив
возникает и тает.
Как пустые поля небеса обнимают.
Как последний цветок
обнимает последний цветок.
Как покинутый лог
обнимается с рощей
и ропщет
одинокий на ветке листок,
и дожди моросят
на застывшие воды озёр,
и вороны галдят
над погостами старых церквей…

Обними меня так,
как мрак нелюбви твоей
обнимает меня.

* * *

Последний августовский день,
ещё печалиться мне рано –
ещё московским тротуаром
летит божественная тень!

И ты, птенец, свищи и пой,
пока пруда не стынут воды,
пока возвышенной свободы
даруют нам глоток живой.

А завтра? За какою далью –
не знаю. Заслонив лицо,
сойду на тёмное крыльцо,
чтоб глаз не увидали.

И сыростью или сиротством
пахнёт из глубины колодца.
На дне его звезда забьётся
и на небе замрёт.

* * *

Те же проводы и те же провода.
Ах, российская дорога в никуда.
Что там мелет мельничное колесо?
Спит Емеля, мухи липнут на лицо.

Был народ, и нет народа – извели,
а пройдёшь за огороды – пустыри.
Пустельга кричит,
что будет недород.
Был народ – и был тогда дород.

А дорога вдаль ведёт, ведёт, ведёт.
Закуси-ка полушалком тихий рот.
Закричать бы, только крик
в груди угас.
И куда, кривая, выведешь ты нас?

А надежды, как химеры Нотр-Дама.
Хочешь, дёшево отдам я их, задаром?
Ах, дешёвая продажа – не сезон!
Льётся, льётся колокольный перезвон.

Не сезон, чего уж говорить,
но сезон с тобою горькую запить.
И плывёт пасхальный перезвон:
– Дон-н, дон-н.

СВИДАНИЕ С САРОВОМ

Разлучение наше мнимо:
Я с тобою не разлучима,
Тень моя на стенах твоих.
А. Ахматова

Снова вижу тебя, мой город,
припадаю к тебе без сил,
потому что свой вечный волок
столько лет без тебя тащил.

Неожиданно возвращенье.
Вижу мутной реки теченье,
слышу труб духовое пенье
над безмолвным духом могил.

Возвращенье невыносимо!
Ты налей мне, мой друг, вина.
Вновь покажется, что видна
даль, которая плещет синим!

…На крутом повороте шею
я сверну и под чей-то вой
прошепчу, если успею:
«Отвезите меня домой.
В город мой».

ПАРОДИИ от Евгения МИНИНА

ОФТАЛЬМОЛОГИЧЕСКОЕ

Но я гляжу на Запад и Восток
Не очерёдно, а – одновременно.
Станислав Куняев

Смотрю я вдаль, взобравшись на Парнас,
Объятый поэтической задачей,
И не помеха, что я косоглаз –
Гомер великий вовсе был незрячий.
Со мною все великие умы,
И не о нас ли Блок писал ночами,
Что скифы – мы!
Что азиаты – мы!
Естественно, с раскосыми очами!

ЖЕСТОКОЕ

Швея курила и пила кагор...
.....
Потом швея стояла у двери,
Потом швея стояла у окна…
Но что творилось у швеи внутри
Никто не знал. Особенно она.
Александр Вавилов

Напитка нет опасней, чем кагор,
Лишь полбутылки выпил – быть беде.
А с куревом – известно до сих пор,
Что места не найдёшь потом нигде.
Как бегала по комнатам швея,
Трагичен был её кордебалет,
Но, наблюдая, не сказал ей я,
Где у меня в квартире туалет.

ПОКАЯННОЕ

Когда по родине метель неслась, как сивка-бурка,
Я снял с Башмачкина шинель в потёмках Петербурга.
.....
Шинель вела меня во тьму, в капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму и – мучить Катерину.
Михаил Анищенко

И я ещё предположил, что получилось спьяну,
Когда на рельсы положил рыдающую Анну.
О, как страдаю, видит Бог, покаяться охота –
Болконский князь и Колобок – везде моя работа.
Бессмысленным был тот грабёж в потёмках Петербурга –
Шинель – она не макинтош, не на меху тужурка.
Из книг в живых героев нет, не взять ли в Штаты визу? –
Так думал про себя поэт, в пруд сталкивая Лизу!

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Олег Ермаков. **Арифметика войны.** – М.: Астрель, 2012. – 350 с. – 4000 экз.

Олег Ермаков в 1981–1983 гг. служил в Афганистане. Этим о его прозе уже сказано многое. Новый сборник рассказов: простая арифметика войны – «минус чужой даёт плюс». Ты выжил – значит, ты в плюсе. Даже перенасыщенные событиями, эти рассказы почти бессюжетны, и кажется, что любое действие подавляется, замедляется, растекается под горячим афганским солнцем. Видение солнца сохраняется на сетчатке, мерцает в памяти и потом, после всего, всегда. Хотя Ермаков пишет о самом непоправимом, что может причинить и испытать человек – о смерти, – создаётся впечатление, что это лишь один, поверхностный, пласт повествования. Рассказ – верхушка подводной горы, придушенная несформулированная жалоба, и можно пробиться ниже, глубже, чтобы уловить – о чём она, но и тогда понимаешь обрывочно, на мгновение вправду улавливаешь горячий отблеск на сетчатке и страшишься, почуяв справедливую обиду: непонимание, зачем их посылали умирать так бессмысленно далеко от дома.

ПОЭЗИЯ

Елена Тахо-Годи. **Неподвижное солнце.** – М.: Водолей, 2012. – 192 с. – 500 экз.

Говорят, что литература нынче иронична. Что это примета времени: ирония, поиск неожиданных сочетаний, стремление автора поразить читателя, показать свою оригинальность и способность идти в ногу с XXI веком. А вот Елена Тахо-Годи не идёт в ногу с веком – она стоит на месте об руку с вечностью. В её стихах живут Пенелопа и Афродита. Мифическим героям, древним, как европейская цивилизация, комфортно в стихах Тахо-Годи: она не пытается обрядить их в новые причудливые маски, и кажется, что такие же Дафнис и Хлоя обретаются в стихах поэтов Возрождения... или Серебряного века. Это поэзия вневременная, поэзия женская, исповедально-неоригинальная, потому что она о том, что есть всегда: о любви, одиночестве, смирении перед необратимостью. В ней нет иронии, нет поиска новых форм, но есть то, от чего публика успела отвыкнуть: духовное напряжение, пафос. И поскольку людям до сих пор так и не удалось поймать бога за бороду, никто не доказал, что пафос устарел и не нужен.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Евгений Водолазкин. **Инструмент языка. О людях и словах.** – М.: Астрель, 2012. – 349 с. – 3000 экз.

Неоднородная книга учёного-филолога начинается с анекдотов о буднях Пушкинского Дома и продолжается воспоминаниями о коллегах и родственниках автора. Наиболее интересны воспоминания о Дмитрии Сергеевиче Лихачёве. «Он создавал атмосферу храма, и сами собой обозначались вещи, которые в храме делать неприлично. Их и не делали». Дойдя до третьей части книги, читатель поймёт, какая в этих словах звучит тоска по высокому авторитету Лихачёва – защитника русского языка. Вопреки мнению некоторых либеральных (активно продвигаемых) лингвистов, Водолазкин, вслед за Лихачёвым, уверен: русский язык нуждается в защите. Учёный убедительно объясняет, почему ныне уже нельзя считать язык саморегулирующейся системой, напоминает, как в результате повторения речевой ошибки перед миллионами телезрителей происходит заражение этой ошибкой, а также рассказывает, какие возможности обогащения современной русской речи таят слова, которые мы по недоразумению считаем «мёртвыми».

МЕМУАРЫ

«Сохрани мою печальную историю»: Блокадный дневник Лены Мухиной. – СПб.: Азбука, 2011. – 368 с. – 5000 экз.

Что читать современным подросткам? Почему бы им не читать дневник школьницы Лены Мухиной, который она вела в свои 16 и 17 лет. Дневник девушки, которая мечтала написать «о первой любви, о дружбе... такую книгу, которую бы мы хотели прочесть, но которой, к сожалению, не существует». Лена не написала такой книги. С того времени, как началась блокада Ленинграда, она, много думавшая о любви и воспитании духа, пишет всё больше – и вот уже почти исключительно – о еде. Советская школьница, которая, случалось, мыслила пропагандистскими штампами, она, умирая от голода и холода, вспоминает милостивого Боженьку. Чуть отступает голод – она смотрит в кино американский фильм и отчаянно завидует модам, веселью, красивой жизни в ритме джаза. Всё как всегда, как бывает у людей. Но пресыщенным развлечениями современным школьникам не помешает помнить правду Лены Мухиной: «Если бы можно было немножко побольше кушать, мир стал бы ещё прекраснее».

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Светлана Лаврова. **Занимательная медицина.** – М.: Издательский дом Мещерякова, 2012. – 288 с. – 3000 экз.

Ещё в 30-е годы в Детгизе Самуил Маршак приглашал «в писатели» специалистов разных сфер, чтобы рассказали детям о своём деле. И они рассказывали: моряки и водолазы, железнодорожники и натуралисты, увлекая своим опытом тех, кто мог прийти им на смену. Нейрофизиолог Светлана Лаврова отчасти продолжает эту традицию: её «Занимательная медицина» затрагивает многие системы человеческого организма, но больше – нервную систему. Книга написана легко и с юмором, в доступной форме раскрывается природа физиологических свойств и болезней, симптомы которых нам хорошо знакомы, а вот причины – не очень. Интересно также взглянуть на легенды и сказки глазами врача, который ставит диагноз чудовищам, рассказывает, как мог сформироваться в народном сознании тот или иной образ. У книги есть только один недостаток: широкое привлечение сенсаций, из-за чего некоторые страницы напоминают откровения «британских учёных» в популярной прессе.

Книги предоставлены магазинами «Библиоглобус» и «Фаланстер»

Татьяна ШАБАЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Модель сложной молекулы

Поначалу думаешь, что автор обещает нам «нечто большее», нежели прежде, или вообще «нечто большее», чем может дать нам поэзия как таковая, но в процессе чтения с ужасом обнаруживаешь, что «нечто большее» есть пустота, мчащаяся за героем (автором?), равно как и за всеми остальными. Хаос и абсурд – вот что кроется за столь многообещающим титулом. На протяжении всего пространства книги сталкиваешься с тем, что

ни Богу, ни бесу мы не нужны,
ни даже себе самим.

А через страницу автор ополчается на это им самим заявленное обстоятельство, сражается с ним или бежит от него, увёртываясь, но чувствует, что это «нечто большее», а значит, оно его рано или поздно настигнет

грозно, голодно, неумолимо…
И укрыться возможности нет.

Всё знакомо и вместе с тем ново. Это ощущение сопровождает читателя строчка за строчкой. Не сразу и не во всём с автором соглашаешься. Главное, он умеет обратить внимание на очень тонкие связи. Кому, например, придёт в голову следить за тенями и делать из этого какие-то выводы? А для Яропольского это так естественно, что возникает встречный вопрос: да как же пройти мимо такого загадочного явления?

…Никогда не мог себя заставить
на чужие тени наступать.

Каждый раз думаешь: о чём ещё может поведать Яропольский в очередном сборнике? Но палитра его красок неиссякаема, более того, его образы обладают какой-то мистической визуальностью: вот только протяни руку – и коснёшься живой картины. Немного не по себе от некоторых строк, но это не останавливает. Идёшь с автором дальше, и он не разочаровывает. При всей кажущейся лёгкости, иронии над многим в жизни, над самим собой всё пронизано неизбывной болью, и пишет поэт только о том, о чём молчать невозможно.

В первой части сборника, озаглавленной «Игра в жмурки», герою то и дело удаётся прикинуться, что ему всё нипочём, однако к концу читатель попадает в водоворот «малого свода абсурдов», где за мнимой шутливостью является поистине страшное прозрение:

Потерян рай, не стало ада,
нас не накажут, не спасут;
одна теперь у нас отрада –
благословенный наш абсурд.

Отсюда – прямой ход к поэме-трактату «Потерянный ад». Людская скверна настолько превысила все пороги, что «и сам Вельзевул отвернулся, заперев перед нами свой ад». Эта корневая мысль обыгрывается со всех сторон, и в неё, как в воронку, втягиваются многие и многие исторические подробности, свидетельства о глобальных преступлениях XX века. Появляющийся под конец поэмы «вьюнош», говорящий *странное*, видимо, должен восприниматься как намёк на нечто иное, чем то, что уготовано простой логикой. Намёк, однако, остаётся лишь намёком, равно как «пёс, которого знал Питер Брейгель», и в итоге

по никем не расчисленной трассе
шпарит шарик
в холодном пространстве,
и язык, что немыслим был раньше,
сам себя из раздолья творит.

Захлопнув за собой дверь из поэмы, герой (или автор?) принимается лить «крокодиловы слёзы»: сожалеть о не содеянном, каяться в упущениях... Но диссонансом ли звучит заявка:

и всё же я зову его героем –
лишь потому, что он почти не врёт?

Думается, нет: герой (автор?), испытывая брезгливость ко всякого рода притворству, настолько не верит в искренность душевных движений, что, даже лья настоящие слёзы, сомневается в их подлинности (этакий толстовский многослойный психоанализ собственных чувств: дескать, вот я раскаиваюсь, и, значит, я хороший, а поверх этого: ты любуешься тем, что тебе стыдно, следовательно, ты гадок!).

Книга, естественно, ходит многими путями, да и читатель, несмотря на приверженность Яропольского к выстраиванию композиции, не проходит через сборник страница за страницей, а прыгает то туда, то сюда, и композиций получается великое множество.

Георгий Яропольский. **Нечто большее:** Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 200 с. – 3000 экз.

Однако в каждой из них обнаруживается странная цельность: как будто одну и ту же модель сложной молекулы рассматриваешь с разных сторон. Что же связывает её атомы в единое целое? Во-первых, техника стихосложения. Во-вторых, трагикомичность описываемых ситуаций. В-третьих, упомянутая выше ирония, не исключающая из своего поля ничего, в том числе и автора. Но ирония эта – лишь защитная плёнка, под которой – любовь.

А вот выход из книги, стих «Откровение», где герой (автор?) говорит:

вижу небесный город,
что отражён во мне, –
это действительно выход.

И конечная сентенция: *время расставить точки / мне над своими «i»* – даёт основание ожидать чего-то и в самом деле большего и нового.

Потому что видишь (помнишь?), как движется он сквозь равнодушную толпу к тому, что выше всего на свете:

Пусть, кто хочет, вослед
мне пролает,
я на лай даже не обернусь…
Сумасшедшее солнце пылает –
вот к нему-то всю жизнь и тянусь!

И хочется жить, жить и жить... Невзирая ни на что.

Лариса ШАДУЕВА

ЛИТПРОЗЕКТОР

Раскоряченное спасение

Есть в истории христианства такие сюжеты, простые и пронзительные одновременно, такие «истории любви», которые не могут быть воплощены средствами светского искусства. Житие великой угодницы Божией Святой Блаженной Ксении Петербургской начинается с обыкновенной человеческой любви, с женского семейного счастья, которое было разрушено в один миг внезапной смертью любимого человека. Простая человеческая любовь, которая оказалась сильна как смерть, открыла 26-летней женщине путь не к новому замужеству, а к великому подвигу юродства Христа ради. Да, земная привязанность обернулась светом вечной Божественной любви. Великий сюжет для великой книги.

Ничего этого нет в книге Елены Крюковой «Юродивая», хотя главная героиня этого опуса тоже носит имя Ксения, тоже теряет мужа (правда, не венчанного, но кого это волнует в начале XXI века). Есть и другие частные совпадения биографий: как и св. Ксения, героиня романа Крюковой после смерти мужа носит его одежду и откликается на его имя. Нельзя сказать, что на этом сходство заканчивается. Сходство даже не начиналось.

Есть мнение, что сила воздействия текста прямо пропорциональна количеству греховных страстей, разлитых в повествовании. Роман Елены Крюковой – яркий пример обратного положения вещей: глумление над святыми именами оборачивается полным литературным провалом. И здесь опять-таки нет никакого мистического возмездия. Всё дело в образе мира и образе человека. Несмотря на то, что текст переполнен церковнославянизмами и различными псевдомолитвенными восклицаниями, к христианству он не имеет никакого отношения. Мировоззренческие истоки его вполне прозрачны и ничуть не оригинальны – это гностические ереси IV века, для которых характерно представление о мире как о творении дьявола, темнице для души и юдоли страданий.

Для христианина мир лежит во зле, но мир не есть зло. Для гностиков мир – темница души, которую нужно покинуть как можно скорее. Темница же эта преисполнена всякой мерзости и не заслуживает ни любви, ни сострадания. Именно так видит мир Ксения, именно таким изображает его автор этого опуса. «Юродивая» – это не вполне роман, но не потому, что он перерос рамки жанра, а потому, что он до этих рамок недорос. В «романе» Крюковой отсутствует форма, потому что форма – это способ отношения с миром, но от мира автор брезгливо отстраняется, как от кучи мусора.

Этот текст по-своему уникален. Его можно начинать читать с любой страницы и остановиться в любой момент. Можно читать его от начала к концу или наоборот, перескакивая через страницы в любой последовательности. Ничего не изменится, потому что ничего не происходит. Нет, формально там много всего: смерти, рождения, воскресения, распятия, любови, клятвенные заверения и хождения по воде. Но при этом ровно ничего не происходит ни с героиней, ни с миром, который силится описать автор, ни с читателем, который силится всё это понять. С первой до последней страницы (а страниц там много!) Крюкова выдерживает одну и ту же унылую ноту экзальтированного голошения. Героиня может родиться, умереть, воскреснуть, переспать с первым встречным, не меняя ни тона повествования, ни выражения лица. То же касается и других героев этого вроде бы романа. Все они – шофёр, монах, царь Давид, художник Юхан (художник Рембрандт) – неотличимы друг от друга, все они нужны автору только для того, чтобы ещё и ещё раз показать читателю небывалую красоту и сексуальную привлекательность главной героини.

Однако система в этом безумии, безусловно, есть. Вся эта книга – бесконечная песня (само)обожествления, которое прямо противоположно христианскому идеалу – обожению. Главная и единственная героиня романа «Юродивая» наделена даром ясновидения и чудотворения, она запросто беседует с ангелами и Богом, воскрешает мёртвых налево и направо, обладает вполне реальной физической властью карать грешников, может в буквальном смысле слова испепелить их. Кроме того, она потрясающе красива, несмотря на то, что ходит в рванине, через которые просвечивают её «прелести». Нет никого, кто встретился бы на её пути и не захотел бы «поять» её, как «изысканно» выражается автор романа. Ксения ощущает себя то идолом, то иконой и если не Богородицей, то уж точно владычицей мира.

Что же она сделала, чтобы стяжать эти «дары»? А ничего. Она такая от рождения. Избранная. В тексте описывается её чудесное таинственное рождение, кощунственно пародирующее Рождество, её странствия, и чудотворения, и смерть во искупление всего мира, конечно же, на кресте. Ксения – это фактически бог, «Христос в юбке», как не постеснялась сказать сама Крюкова. Этот «бог» может понравиться неоязычникам и феминисткам. Но Тот, кто родился в вертепе и умер на кресте, согласно православному богословию, был одновременно совершенным Богом и совершенным Человеком. И именно это даёт возможность человеку подражать Его святости. Обожение – это и есть идеал святости, норма, которая стала чудом в реальности падшего мира.

Но секулярное сознание не понимает, что такое чудо святости, подменяя его фантастической экзотикой. Крюкова пытается изобразить в образе Ксении бога, но реально не может изобразить даже человека. Ксения – не человек, потому что в ней нет ни настоящей боли, ни настоящей любви. Она – морок, недотыкомка серая с золотыми волосами. Да, она может ходить босиком по снегу, легко переносит физические и нравственные издевательства. С чего бы ей унывать, если после смерти она воскресает, а насильники и мучители падают пред ней на колени, предлагая ей руку и сердце? Этакое фэнтези из жизни бомжей. А если нет? А если насильник выбил бы ей парочку зубов и заразил скверной болезнью? Писатель не обязан быть реалистом, а жёсткий натурализм – не самый лучший способ описания страданий. Но любая, самая смелая фантазия не отменяет того факта, что боль – это страшно, насилие – мерзко, а катастрофа не имеет ничего общего с марлезонским балетом. Как описать боль? Прежде всего для этого нужно чувство такта. Елена Крюкова демонстрирует запредельную бестактность по отношению к любой трагедии.

Образ «святости», который предлагает нам Крюкова, доказывает только одно: что нельзя жить в обществе и быть свободным от его заблуждений. Как бы ни старалась писательница изобразить свою героиню существом не от мира сего, её религия проста как пять копеек: освобождение человека от «пут зла» означает сексуальную вседозволенность. Обливаясь просветлёнными слезами, героиня просто-напросто отдаётся каждому встречному, и это в понимании Крюковой и есть снисхождение благодати. Есть в этой, с позволения сказать, «вести» какой-то глухой отзвук хлыстовства. Но те же символисты, к примеру, отдавшие дань хлыстовским мотивам, чувствовали их смертельную опасность интуицией художника. Крюкова не знает сомнений. Что нужно сделать, чтобы спасти мир? А «раскорячить ноги» (так в тексте!) – и вся недолга!

«Надо просто Богу своему молиться и белый свет любить?» Да ничего подобного! Прежде всего Крюкова не любит людей, это видно хотя бы потому, что в её тексте нет ни одного нормального человеческого лица, не искажённого ненавистью или похотью. Но хуже всего того, что этот адский котёл совокупляющихся фигур автор пытается залить тошнотворным сиропом слащавых слов. Особенно невыносимы её любовные излияния, адресованные Христу. Да, среди многочисленных любовников Ксении мелькает герой, носящий это имя. Их многословные диалоги достойны пера Козьмы Пруткова.

«– Видишь, какие мы с тобой одинаковые. Как одна мама родила.

– Брат с сестрой, что ли?.. – скривился он, и внезапно его улыбка из волчьего оскала снова стала сгустком света.

– Брат с сестрой, – выдохнула Ксения.

– Или муж с женой?.. – Нежность его голоса обволокла Ксению с ног до головы».

Дальше будет именно то, о чём вы подумали, но я обрываю цитату, дабы не тиражировать мерзости. Если Бога нет, то всё позволено.

Но совершенно неожиданно эротические всхлипы сменяются другой интонацией – интонацией обвинения. И обвинения эти обращены, конечно, не к ряженому, а к настоящему Христу: «Где высокий суд Твой!.. Как Ты судишь их, бедных, болезных, плачущих, дерзких еретиков, наглых торговцев, кровожадных убийц, бессердечных палачей... А у палача сердце есть?!. И так везде, Исса!.. И так во всём!.. И Ты небезгрешен, выходит?!.» Вот чего хочет от Бога «простой» обыватель эпохи потребления. Он хочет, чтобы Бог назвал его грех святостью, а мерзость – любовью. Но грех и мерзость, как их ни назови, остаются грехом и мерзостью.

Святая Блаженная Ксения Петербургская, прости нас!

Екатерина ИВАНОВА,
САРАТОВ

Елена Крюкова. **Юродивая.** – М.: Эксмо, 2011. –384 с. – 2100 экз.

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА – 75

Вкус родимой речи

Надежда КОНДАКОВА

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

В 1962 году при горячем содействии П.Г. Антокольского была издана первая книга Беллы Ахмадулиной «Струна». В посвящённом ученице стихотворении Антокольский писал:

Здравствуй, Чудо по имени Белла,
Ахмадулина, птенчик орла!

Потом был «Озноб», вышедший в эмигрантском издательстве «Посев», «Уроки музыки», «Стихи», «Свеча», «Сны о Грузии», «Метель», «Избранное» и многие другие книги. Ахмадулина никогда не понижала планку творчества и никогда не следовала поэтической моде. И её читатель оставался так же верен Белле, как и она – ему. Иосиф Бродский считал Ахмадулину «несомненной наследницей Лермонтовско-Пастернаковской линии в русской поэзии».

Белла Ахмадулина. **Полное собрание сочинений в одном томе.** – М.: Альфа-книга, 2012. – 586 с. – 6000 экз.

Белла Ахмадулина успела подержать в руках и собственный четырёхтомник, и прекрасный трёхтомник, где были собраны стихи, проза, переводы, детские произведения, статьи и рецензии, предисловия, воспоминания, редкие фото из фонда Б. Мессерера напоминали читателю и автору эпоху, неотъемлемой частью которой была прекрасная Белла, которая в эти дни могла бы праздновать с любимыми друзьями своё 75-летие.

И вот теперь, когда Ахмадулиной уже нет с нами, всё поэтическое и прозаическое наследие одной из самых проникновенных русских поэтесс собрано в одном томе. Издан том в серии, уже представленной именами Некрасова и Бальмонта, Маяковского и Гумилёва, Высоцкого и Андрея Белого. Белла в этом ряду – равная среди равных.

Она говорила в одном из интервью: «Я не лукаво, как умею, буду продолжать служить русскому слову, русской словесности. Я другой такой же драгоценности на белом свете не знаю». Эти слова – лучшая эпитафия большому поэту и лучшая аннотация к новому изданию. Читатель не расстаётся с любимыми. И, впитывая строки Беллы, заново почувствует, как

…нежный вкус родимой речи
Так чисто губы холодит.

Памяти Беллы

В глухой тоске семидесятых
как я любила их, троих
(в разладе бывших),
вместе взятых,
усыновивших русский стих!

Как я дружила с ними – порознь!
Но больше всех её свирель
нас утешала – будет поросль
средь волю любящих зверей.

И был ещё один, отдельный,
любимый ею – младший брат,
кульбит свой русский,
свой смертельный,
уже избравший наугад.

В России, псевдоним носившей,
в мать-мачехиной той стране
остались все… Но свет тот,
бывший,
он до сих пор живёт во мне.

…Троих уж нет.
И только жженье
тоски немыслимой – в груди:
почти без слов, почти что…
Женя,
хоть ты побудь… не уходи…

3 декабря 2010 года

ОТЗВУКИ

Озорство о розе

Комическая опера Рихарда Штрауса в Большом театре и восторг от неё частного зрителя

Наконец-то! Ещё недавно настроенный к режиссёрским экспериментам на главной оперной площадке России скептически, пристрастный зритель нашёл произведение, на которое ему захотелось сходить вновь. Вышло это отчасти случайно, но и элемент закономерности здесь присутствует. Звёзды сошлись во всех смыслах, прежде всего – в прямом: команда «Кавалера розы» оказалась профессиональной и сыгранной, а сам автор Der Rosenkavalier уверенно числится среди великих композиторов. И если приязнь к Рихарду Штраусу не зависит от художественного руководства ГАБТ, то удачу коллектива, создавшего сценическую версию оперы о матримониальной коммерции, следует закрепить.

Заняв кресло на балконе 4-го яруса, в первом ряду, справа, там, где лучше всего видна люстра, я дивился необычности ракурса, но по-настоящему ошеломлён был, когда через четыре с половиной часа обнаружил себя аплодирующим на этом же, очевидно неудобном, месте.

Оркестр сыграл вступление, на сцене появились Мелани Динер и Анна Стефани. С минуту дирижёр искал баланс между вокалом и инструментами, а когда гармония была достигнута, это вызвало восторг: теперь я любил исполнительниц главных ролей, я любил Василия Синайского, стоящего за пультом. Место над оркестром позволило не только хорошо слышать певцов и музыкантов одновременно, но и наблюдать за начальной в опере альковной сценой с такого угла, с которого миловидность лица меццо-сопрано Анны Стефани пусть, скорее, угадывалась, нежели осознавалась, зато красивые ножки певицы были очевидностью. В травестийной роли юноши Кенкена она осталась привлекательной дамой, что, однако, не пошло во вред образу.

Впрочем, в оперу мы ходим не только за женскими ножками. Главное там – всё же музыка. А музыка Рихарда Штрауса хотя проста в сравнении с записными авангардистами XX века, мелодичной вряд ли может быть названа. Гармоничный мир австрийского композитора чужд бедности единственного навязчивого мотивчика. Он сложен и густонаселён, его основу составляют характеры и события простые, но собранные в причудливый узор, в котором есть всё: и удивление прозрачностью неба с его непостижимой святостью, и улыбка от горькой до доброй над несовершенством условно пригодной действительности. Музыка «Кавалера розы», собственно, и есть мир, окружавший композитора в 1911 году, когда состоялась премьера опуса. Удивительно, но этот мир не изменился и через сто лет, а если вспомнить, что действие «Кавалера» происходит в XVIII веке, то придётся признать, что и в ту пору не было ничего такого, о чём бы не ведал гениальный австриец.

Дамир ЮСУПОВ / Большой театр

Барон Лерхенау – Стивен Ричардсон, Маршальша – Мелани Динер

Василий Серафимович Синайский оказался способным раскрыть тончайшие оттенки партитуры, сохранив при этом торжественность звучания, значительность которой проистекает не столько из пафоса, сколько из напряжённого спокойствия Рихарда Штрауса. Голоса вплелись в музыкальную ткань так же, как вплетается судьба падающего с крыши в формулировку закона всемирного тяготения. Эту особенность поэтики Штрауса дирижёр если и не осознал verbatim, то почувствовал и воспроизвёл ясно: исполнение данной оперы оставило лучшее впечатление, чем исполнение «Электры» и «Женщины без тени» Мариинским театром.

Точная работа музыкального руководителя Василия Синайского была дополнена и «режиссурой прямого действия» Стивена Лоулесса.

Фабула проста. Аристократ продаёт своё происхождение даме третьего сословия, а буржуазная семья из «нового дворянства» с радостью покупает вместе с брачным контрактом титул для дочери. Союз денег и крови возник раньше, чем в XVIII веке, но к XX веку не исчез. Мезальянс нелеп, но бывает смешным из-за участников интриги. Особенно если возникает неразбериха, в которой Эрот упраздняет чины, звания и степени родства.

Стивен Лоулесс не стал умничать, а создал вместе со Сью Вилмингтон произведение костюмное, в красивых и точных декорациях Бенуа Дугардина. Каждое действие разделил столетием. Начав со «времени повествования» и завершив всё «временем создания», режиссёр замкнул два темпоральных ряда, которые имплицитно или явно присутствуют в любом произведении. Лоулесс не только показал универсальную с некоторых пор коллизию, но и прочно пришил её к узнаваемым эпохам.

Первый акт. Кринолины и парики, эхо галантной эпохи, вырождения больше, чем возрождения, однако на сцене – пусть грубые, но воины! Нарочитость постановочных эффектов бьёт в точку. Интересно жили в XVIII веке!

Акт второй. Австрия XIX века. Бидермайер, пышные юбки, пышные бюсты. Уютно жила буржуазия, хотя при случае била посуду в сердцах.

Третий акт – начало XX века. Претензии титулов сродни серьёзности «Луна-парка». Он и воспроизведён на сцене. Всё маскарад, но наивно думать, что Гуго фон Гофмансталь и Рихард Штраус хоронят дворян, которые по-прежнему суть главный движитель истории. Ведь и Кенкен-Октавиан, Der Rosenkavalier, указан авторами как «юный аристократ».

Режиссёру вкус изменил лишь раз, когда в заключительном акте место игры занял реализм полицейских с собаками и арестами. Это выглядело не насилием над бароном Оксом ауф Лерхенау, которого блестяще исполнил Стивен Ричардсон, но насилием над эстетикой.

Отчёт не будет полным, умолчи я об иронически-метафизической завершённости события: роль «богача, новоиспечённого дворянина» фон Фаниналя исполнил сэр Томас Аллен, «испечённый» в 1999 году рыцарь.

Смотреть многократно!

Евгений МАЛИКОВ

ПРЕМЬЕРА

Человеческие истории

«Госпожа министерша» и «Элинор и её мужчины» в ЦАТРА

В сезоне 2011/2012 афишу Центрального академического театра Российской армии пополнили два названия: «Госпожа министерша» и «Элинор и её мужчины». «Госпожа министерша» вошла в репертуар основной, Большой игровой площадки ЦАТРА, «Элинор...» – в перечень спектаклей его Малой сцены.

Вероятно, их появление на армейских подмостках связано не с одними лишь чисто формальными «привязками» к бенефисам исполнительниц центральных ролей – Ольги Богдановой и Людмилы Чурсиной, которые летом 2011-го отметили свои юбилеи. Но ещё и с тем, что «Госпожа министерша» сербского драматурга Бронислава Нушича и «Элинор и её мужчины» американского автора Джеймса Голдмена (а «Элинор...» – это очередная театральная версия очень популярной в мире, не раз экранизированной пьесы «Лев зимой») чётко попадают в болевые точки нынешней действительности. И – одновременно остаются историями вечными, «на все времена».

Потому что «в фокусе» внимания Нушича и Голдмена оказываются женщины. А, как правило, тяготы наших дней, трудности былых эпох, большинство насущных и давних проблем приходится и раньше не раз приходилось нести на своих плечах и с наименьшими потерями решать именно представительницам прекрасного пола. Пола прекрасного, но, как это нередко на поверку выходит, отнюдь не слабого.

И в самом деле, энергии Живки – Ольги Богдановой из «Госпожи министерши» и цельности натуры, силе воли, мудрости Элинор Аквитанской – Людмилы Чурсиной способен позавидовать любой мужчина. Позавидовать и, может быть, вопреки заданным Нушичем и Голдменом зачастую негативным «предлагаемым обстоятельствам» восхититься этими героинями.

Ольга Богданова в спектакле «Госпожа министерша»

Как, собственно, и поступили художественный руководитель ЦАТРА, режиссёр «Госпожи министерши» Борис Морозов и поставивший «Элинор...» Александр Бурдонский, решившие не осудить, а попробовать разобраться в характерах Живки и Элинор.

И это естественно для Морозова и Бурдонского – приверженцев традиционной, предполагающей подробность разбора текстов режиссёрской школы, от которых к тому же было бы странно ждать каких-либо радикальных сценических решений. Или – нарочитой актуализации уже ставших классическими («Госпожа министерша» датирована 1929 годом, а пьеса Голдмена – 1966-м) сюжетов. Вот и сейчас оба они предпочитают идти прежде всего от сути драматургического материала. Солидарны Морозов и Бурдонский и в том, что выбирают условный принцип оформления своих спектаклей. Первый вместе с художником Михаилом Смирновым «помещает» персонажей Нушича в некое огромное, едва ли не космическое пространство с минимумом мебели и иных бытовых деталей. Второй при помощи сценографа Валерия Фомина слегка обозначает мрачные интерьеры Шинонского замка, где разворачивается действие, отсылающего нас к далёкому, XI веку спектакля, к тому же и Андрей Климов одевает его действующих лиц не в исторические, а в чуть стилизованные «под старину» костюмы.

Всё это обеспечивает зрителям свободу восприятия и спектакля Бориса Морозова, и спектакля Александра Бурдонского, за что, судя по их реакциям, зрители Большого и Малого залов ЦАТРА режиссёрам благодарны.

Благодарны за возможность думать и мысленно проводить сугубо личные параллели с сегодняшней реальностью, когда, как у Нушича, к примеру, каждый третий норовит, подобно Живке, прорваться в высший свет . Благодарны за шанс в соответствии со, скажем, обозначенным в программке «Госпожи...» комедийным жанром от души посмеяться над попытками Живки – Богдановой освоить с подачи доктора Нинковича (Артём Каминский) правила хорошего тона. Благодарны за неожиданные метаморфозы, которые происходят в натуре Живки, из крикливой мещанки по ходу спектакля постепенно превращающейся в сердобольную особу, искренне желающую помочь многочисленным родственникам, а в финале (кстати, целиком придуманном Морозовым) и вовсе отказывающуюся от своих бредовых идей в пользу ранее чуждых ей нематериальных ценностей. Наблюдая же за жестокими конфликтами, раздирающими семью короля Англии Генриха II (Сергей Колесников), иной зритель может сравнить эти практически «бои местного значения» со сложной ситуацией в его семействе. И – на мгновение содрогнуться от осознания того, что с веками человечество не меняется, вследствие чего родные по крови существа по-прежнему продолжают мучить друг друга. «По Бурдонскому», остановить этот зловещий круговорот под силу только любви. Её каким-то чудом удаётся сохранить Элинор Аквитанской – Чурсиной, которая в критическую для мужа-тирана минуту всё-таки встаёт на его сторону...

Людмила Чурсина в спектакле «Элинор и её мужчины»

Впрочем, кому-то все эти выводы покажутся скучными. А сами спектакли – несовременными, повествующими о торжестве не слишком почитаемых сейчас категориях нравственного порядка. Вдобавок в данных постановках нет и никакой так называемой фиги в кармане. Но, видимо, это – позиция Театра Российской армии, сознательно предпочитающего жить отдельной от столичного театрального контекста жизнью и выпускать такие вот подчёркнуто старомодные, но по-хорошему ясные спектакли (в которых, кстати, бенефисный посыл не мешает ансамблевости). Спектакли для широкой публики, идущей в театр не за трактовками, а за эмоциями.

Да и критикам ничто человеческое не чуждо. Просто они тщательно это скрывают.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН

РАЗГОВОР НА ФОНЕ НОВОЙ КНИГИ

Священное пространство русской живописи

В спорах традиционалистов и модернистов уже более века одерживают верх последние. Эпоха постмодерна и вовсе стремится уравнять и обезразличить эти две позиции. Однако священная составляющая искусства, появившись однажды, никуда не исчезает. На материале русской живописи XIX века это убедительно доказывает доктор искусствоведения, научный сотрудник отдела живописи XVIII – первой половины XIX веков Государственной Третьяковской галереи Светлана Степанова.

– Светлана Степановна, вы пишете, что Александр Иванов в отличие от Карла Брюллова был лишён лёгкости выражения творческой мысли, поэтому его путь – пример «самосозидательного процесса, направленного не только на расширение профессионального кругозора, но и на развитие собственного, свободного духовного смотрения на мир». Что имеется в виду под этим развитием?

– Прежде всего скажу, что сама книга – следствие многолетней работы по осмыслению творчества Иванова и Брюллова. В 2006 году проходила юбилейная выставка Александра Иванова, для каталога которой я готовила раздел по хронике жизни этого художника. В 2009-м вышел диск «Александр Иванов. Живопись», где впервые собраны все живописные работы из собрания Третьяковской галереи и Русского музея. По сути – получилась мини-энциклопедия о художнике со статьями и подробным комментарием. И вот когда я, изучая материалы, углубилась в его бумаги – бесконечные гроссбухи, куда он заносил черновые варианты писем, по многу раз их переписывая, – то постепенно начала понимать, что это личность, далеко нам не известная. За шумом повседневности в его записях вставал совсем не героический человек: мнительный, боязливый, бесконечно выпрашивающий деньги на своё содержание, – а он провёл в Италии почти 30 лет, работая над картиной «Явление Мессии», которую так и не закончил, – ревнивый к чужой славе, в чём-то хитрый и непростой. Однако не стоит ждать от творцов, чтобы они оказались ангелами. Важно другое: что они делают со своей человеческой природой. Александр Иванов, безусловно, постоянно пребывал в борении с собственной плотью, характером. Казалось бы, некрупный по человеческим меркам художник – мечущийся, переживающий из-за своей греховной природы, – он искал для картины всемирный сюжет и воплотил в итоге замысел нечеловеческих масштабов. Надо сказать, это очень русский пафос – найти главное, абсолютное, ту точку, вокруг которой вращается мироздание. Иванов, прожив много лет за границей, не стал человеком мира, он остался русским художником – в том числе по непомерной высоте задач и по той попытке воспитать себя, которую он предпринял: своим примером показав, что можно из малого вырастить великое.

Степанова С.С. **Русская живопись эпохи Карла Брюллова и Александра Иванова:** Личность и художественный процесс. – СПб.: Искусство, 2011. – 288 с.: цв. ил. – 2000 экз.

– В книге вы вводите категорию «сакрального» и отходите от привычного рассмотрения искусства через эволюцию стилей – классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм. Чем это вызвано?

– Ощущением, что в искусстве всё непросто и что нельзя объяснить изменение художественного сознания только господствующим стилем или социальными обстоятельствами. Искусству эпохи Иванова и Брюллова, с одной стороны, свойственен процесс десакрализации, а с другой – мы видим у того же Иванова попытку сохранить отношение к искусству как к высшей сфере: для него это не развлечение и не забава. Но само понятие сакрального, введённое в искусствоведческий анализ, вызывало много споров. Ведь если ты пишешь произведение на религиозный сюжет, это не означает, что ты поднимаешься на ступеньку выше: возможно, берясь за тему, ты внутренне переходишь на иной уровень, но при этом не факт, что сможешь найти адекватную органичную форму для выражения подобной идеи. В связи с проблемой органичной формы я касаюсь также понятия почвенничества. Дело в том, что мистичность не очень присуща русской культуре: у нас нет визионерской традиции, примеры которой можно было, например, увидеть на недавней выставке Уильяма Блейка в Москве. Для нас характерна укоренённость в земле, в телесной природе человека, в человеческой форме осмысления нематериальных проблем. Отрываться от земли и от почвы – непродуктивно в творческом плане. Иванов, находясь в Италии, 20 лет писал с натуры, постигая сакральное внутри материи, которая оказалась способна выразить заложенный в ней дух – нужно было только найти способы его раскрыть. Его пейзажные этюды при всей точности не являются «ботаническим атласом». Вы понимаете, что это море, скалы, определённые породы деревьев. Но когда вглядываетесь, видите, что всё многообразие предметных форм творчески переосмыслено, приведено к той степени обобщения, в которой проявляется архетипичность конкретного и неповторимого. И возникает ощущение, что и вода, и небо, и камень, и листва – та самая единая Богосотворённая материя, которая хранит свою первозданность «от века». По-моему, Иванов больший почвенник, чем, например, его отец, который мог творить, не имея никаких точек соприкосновения с реальностью. Его можно было запереть в стенах Академии художеств, дать мешок красок и кучу холстов – и он бы писал замечательные вещи. А Иванов так не мог: живя в Риме, он постепенно врастал в эту почву – и в культурном плане, совершив в своём творчестве синтез европейского и русского искусства, и в житейском, – недаром его называли «синьор Алессандро», а не форестьеро, то есть иностранец. И, обретя там почву, он вырос в большого, известного нам художника.

– В книге вы пишете, что Иванов во многом повлиял на то, что магистральным для русской живописи XIX века оставался поиск сакрального, извечной сущности в конкретности и единичности предмета. Сохранилось ли это стремление у современных художников?

– Вопрос о преемственности и традиции – один из самых непростых. У Иванова не было учеников. Найденный им стиль я бы назвала «сакральным реализмом». В этом плане его «преемником» стал Василий Суриков. К поиску органичной формы, проникнутой сакральностью, но сохраняющей живую связь с предметом, стремился и Кузьма Петров-Водкин.

Не думаю, что сейчас всё потеряно. У графика Мюда Мечева есть потрясающие работы на библейские сюжеты. Для меня открытием также стала публикация акварелей Аркадия Пластова, на которых изображены храмы, церковная служба. В советское время эта сторона его творчества нам не была известна, а теперь думаешь: может быть, у него получались такие серьёзные, осмысленные образы крестьян именно потому, что он знал что-то важное про землю и человека?

У многих сегодняшних студентов я вижу попытки взяться за серьёзные темы. Другое дело, что им не хватает мастерства, умения отобрать главное. Современные живописцы часто ударяются в декоративную сторону, в художественное многословие или интересуются мистическими моментами, но у меня есть ощущение, что сегодня идёт накопление, поиск сакрального, пусть и пока ещё на таком уровне – интереса к необычному. «Отечество земное и небесное» – так называется мой лекционный цикл в Третьяковской галерее. Думается, что в индивидуальном художественном осмыслении этой извечной связи – пути и цели отечественного искусства.

Беседовала
Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

ЗНАЙ НАШИХ!

Бонч-Бруевич. Далеко от Москвы

Свой прошлый юбилей он встретил на Бали, наивно думая, что таким образом скроется от поздравлений. Но мы нашего коллегу, ветерана «ЛГ», Владимира Бонч-Бруевича где угодно найдём и слова самые добрые скажем. 75-й день рождения он, как всегда, вместе со своей замечательной женой (золотую свадьбу уже отгуляли!) отмечает традиционно далеко от Москвы – на сей раз в Объединённых Арабских Эмиратах. Мы этому, несомненно, рады. Во-первых, здоровья хватает на такие неблизкие перелёты (дай Бог, чтобы хватало ещё много лет), во-вторых, возможности летать имеются, и, в-третьих, жажда новых впечатлений не проходит, чему можно только позавидовать.

Владимир Владимирович никогда не бывает без дела. То книгу уникальную готовит для Союза журналистов Москвы, то занят благородным делом установки мемориальной доски самому знаменитому после Пушкина главному редактору «ЛГ» А. Чаковскому, то о своих бывших собкорах хлопочет (от собрания сочинений Зория Балаяна до публикации Павла Шестакова). А ведь ещё и дочь, и внуки, и зять знаменитый... И всем он нужен.

С юбилеем, дорогой наш Бонч! Ценим Вашу доброту, отзывчивость, непременную обязательность и – как утверждают женщины «ЛГ» – постоянную элегантность.

Ваши литгазетовцы

Неугодный

Пётр Аркадьевич Столыпин возглавил российское правительство в июле 1906 года – исключительно сложное для России время.

Только что закончилась поражением России война с Японией. Народное хозяйство подорвано, финансы расстроены, уничтожен Военно-морской флот. Требовались огромные средства на ликвидацию последствий войны. Чтобы вывести страну из кризиса, нужно было устранить экономические и социальные противоречия: достаточно развитая, крупная промышленность и полукрепостническое, неэффективное сельское хозяйство; высокий уровень науки и искусства и безграмотность большинства населения. Привилегированные сословия из-за боязни потерять власть, а значительная часть народной массы в силу инертности и забитости не хотели никаких изменений. В то же время радикально настроенные элементы стремились к полному разрушению государства и возведению на его обломках утопического общества, образы которого выстраивались в их воспалённом воображении. Россия была охвачена восстаниями и уголовным беспределом.

Столыпин заявлял, что «сначала успокоение, а потом реформа», пришлось заниматься тем и другим одновременно.

Он отвечал депутатам Думы, обвинявшим его в жестокости: «Мы слышали тут, что у правительства руки в крови, что для России стыд и позор – военно-полевые суды. Но государство, находясь в опасности, обязано принимать исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. ...кровавому бреду террора нельзя дать естественный ход, а противопоставить силу. Россия сумеет отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных хирургов».

Россия являлась в основном крестьянской страной, и именно из взбунтовавшейся деревни шла наибольшая опасность.

Столыпин, работавший сначала в западных губерниях (Ковенская и Гродненская), где крестьяне жили хуторами, а затем в Саратовской, имевшей общинную систему землепользования, говорил: «Развитие личной земельной собственности среди крестьян, устранение важнейших недостатков их земледелия... всемерное содействие крестьянам в расселении хуторами или мелкими посёлками, – таковы ближайшие землеустроительные задачи правительства... Лишь создание многочисленного класса мелких земельных собственников, лишь развитие среди крестьян инстинкта собственности... лишь освобождение наиболее энергичных и предприимчивых крестьян от гнёта мира... могут поднять, наконец, нашу деревню и упрочить её благосостояние...»

В результате реформ общий объём производства сельскохозяйственной продукции за пять лет (1908–1913 гг.) вырос в полтора раза. В несколько раз увеличился выпуск минеральных удобрений и завоз их из-за границы. Открывались сельскохозяйственные учебные заведения и научно-исследовательские учреждения. Создавались опытные поля и станции. Началось бурное развитие крестьянской кооперации... Успех реформы стал следствием того, что на её проведение была направлена вся экономическая мощь государства, все его институты – силовые, правовые, экономические, пропагандистские.

Составной частью реформы стало массовое (добровольное) переселение крестьян в восточные районы страны. Столыпин считал, что переселение крестьян на восток приведёт к освоению обширных территорий, природных богатств, а главное – к закреплению края за Россией. Пустые территории могли стать добычей других государств. Не случись в те годы столь интенсивного заселения Сибири, трудно сказать, сыграла бы она свою роль в годы Великой Отечественной войны.

По существу именно Столыпин стал создателем парламентаризма в России. Можно по-разному оценивать роспуск I и II Государственных Дум, но Столыпин не допустил прекращения деятельности Думы вообще, как того требовали правые. Пока в России шла, по существу, гражданская война, Столыпина терпела правящая верхушка, видя в нём своего спасителя. Когда страна стала успокаиваться, отношение к нему изменилось.

Правые обвиняли премьера в сговоре с Думой, левые – в капитуляции перед царём и правыми. Поносили и восхваляли за одно и то же.

По сути, Столыпин вёл государственный корабль между реакционными силами, желавшими консервации отсталых институтов, и революционерами, стремившимися к «великим потрясениям». Тем самым он обрёк себя на удары с обеих сторон.

Столыпин удержал страну от войны на Балканах после оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины (1903 г.), пригрозив отставкой. Он предлагал создать международный парламент с наделением его функциями, близкими к тем, которые выполняет сейчас ООН. Искал стратегического союза с США, собирался поехать туда во главе представительной делегации. Подготовил меморандум о сокращении армий ведущими державами, с которым царь должен был выступить.

Столыпин не был святым, совершал ошибки. Но никто не смог бы упрекнуть его в том, что он нечестно выполнял свои обязанности.

Увы, нынешние реформаторы не пошли столыпинским путём, развивая фермерский уклад. Государство поддерживает крупные хозяйственные образования, а в последние годы вообще создаются земельные латифундии площадями в несколько сот тысяч гектаров на одну семью.

Столыпин стремился плотнее заселить восточные районы страны, чтобы никто не мог на них позариться. А сейчас оттуда идёт отток населения. И уже раздаются голоса отдельных зарубежных деятелей о том, чтобы мы поделились богатствами Сибири, в том числе сельскохозяйственными землями, коль скоро не можем обрабатывать их сами.

Коррупция парализовала общество, и, если с ней не справиться, ни о каком развитии России не может быть речи. Столыпин, будучи сам кристально честным человеком, не позволял никому в своём окружении заниматься поборами. А если такое случалось, жестоко карал. Сейчас не так.

А ведь в трудные для страны времена необходимо использовать авторитет и идеи людей такого калибра.

Владимир КАЗАРЕЗОВ

Отпор революции, покровительство эволюции

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) – общественно-политический деятель, писатель, публицист, один из лидеров Всероссийского национального союза (ВНС), депутат II – IV Государственных дум. Этот человек стоял у истоков Белого движения, был ярким публицистом русского зарубежья, заключённым Владимирского централа, гостем XXII съезда КПСС. Он, проживший более 98 насыщенных событиями лет. В Столыпине Шульгин видел «самого трагически-великолепного, всероссийского реформатора».

Программу Столыпина он считал предначертанным, единственно правильным путём для спасения России и её дальнейшего эволюционного развития.

По мнению Шульгина, «Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушителен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства... Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она, проникая через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России. Это очень подходило к человеку, который если не «сел на царский трон», то при известных обстоятельствах был бы достоин его занять. Словом, в его манере и облике сквозил всероссийский диктатор. Однако диктатор такой породы, которому не свойственны были грубые выпады».

Столыпин казнил революционеров, но «ни к одному из них он не чувствовал злобы, личной злобы <...> Тут такая же разница, как между ножом врача и кинжалом. Оба режут, но кинжал убивает, а скальпель – целит... Иной правитель казнит, содрогаясь от скорби: этот может быть святым. Другой казнит, смакуя, бахвалясь, – он гнусный убийца». Шульгину импонировало, что Столыпин «выдвинул как программу действий правительства борьбу с насилием революционным, с одной стороны, и борьбу с косностью – с другой. Отпор революции, покровительство эволюции – таков был его лозунг». Но «эволюции не хотели ни слева, ни справа. Левые ответили на эволюцию бомбами...»

У Столыпина, замечал Шульгин, «была двуединая система: в одной руке – пулемёт, в другой – плуг. Залпами он отпугивал осмелевших коршунов: но мерами органического характера он стремился настолько усилить русское национальное тело, чтобы оно своей слабостью не вводило во искушение шакалов...»

Если бы Столыпин дожил до Первой мировой, полагал Шульгин, то «во главе русского правительства, вместо малозначащих людей, стоял бы человек масштаба Клемансо и Ллойд Джорджа. И, разумеется, первое, что сделал бы этот большой человек, – он осуществил бы идею «внутреннего парламентского мира» с оппозицией. Единоличную собственность на землю Шульгин рассматривал как гарантию от «опасных неурожаев», так как в условиях частной собственности могут быть обеспечены значительные хлебные запасы. Он верил, что проведение и реализация реформы собственности в столыпинском духе – это длительный, но необходимый процесс.

Свои идеи о столыпинской России Шульгин отстаивал и в лекциях, которые читал, находясь в эмиграции. В качестве политика, достойного подражания, в них фигурировал Столыпин. Новая Россия представлялась Василию Витальевичу великой «в столыпинском смысле», и он неоднократно утверждал о безальтернативности «превращения русских крестьян в собственников по примеру Запада». Он полагал, что «собственность – вот тот Сезам, который отпирает все запоры».

По мнению Шульгина, аграрная реформа Столыпина могла бы способствовать перестройке земледелия России на европейский лад: «Реформа Столыпина вдохновлялась изречением английского экономиста: «Дайте собственнику бесплодную скалу, и он превратит её в цветущий сад!» Пример Западной Европы подтверждал эту мысль. Бесхозной земле надо дать хозяина!.. Реформа Столыпина, энергично проводимая, прошла успешно. Война 1914 года похоронила реформу Столыпина. В 1917 году произошла революция, и вместо реформы Столыпина Россия получила реформу Ленина».

По мнению Шульгина, «Столыпин по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам – националист благородной, «пушкинской», складки; по дарованиям и темпераменту – природный «верховный главнокомандующий», хотя он и не носил генеральских погон. Столыпин, как мощный волнорез, двуединой системой казней и либеральных реформ разделил мятущуюся стихию на два потока. Правда, за Столыпина стало меньшинство интеллигенции, но уже с этой поддержкой, а главное, черпая свои силы в сознании моральной своей правоты, Столыпин раздавил первую русскую революцию».

Столыпин для Шульгина представлял «русского дуче», который «не отступит, его не испугаешь ничем. То, что он делает из России, он делает из убеждения, что так надо. Он свободен от всяческого страха, если нужно так или иначе повернуть руль, то он это сделает; и никто не посмеет его заподозрить, что он чего-либо испугался. Если прибавить к этому, что Столыпин погиб, никогда не изменив самому себе, после девяти неудавшихся покушений, то легко восстановить в памяти эту бронзовую фигуру последнего русского вельможи. Пусть памятник ему снесён: образ его бережно хранится в сердцах его знавших и любивших, и они донесут этот образ до иных времён, более благодарных и менее несправедливых».

Шульгин искренне считал, что курс Столыпина был единственной возможностью не допустить в России революцию: «Пока был жив Столыпин, власть не дрожала... властитель излучал духовную силу, правителям необходимую. Главная особенность этой особой силы – бесстрашие».

Шульгин отстаивал идеи Столыпина и в 1960-е годы в СССР в своих записках и воспоминаниях. Вероятно, он надеялся, что столыпинский опыт заинтересует тех представителей советской системы и спецслужб, кто читал его тексты. Но этого не произошло.

Есть воля, но каковы цели?

Взаимоотношения Столыпина и Льва Тихомирова, бывшего народовольца, ставшего одним из крупнейших консервативных мыслителей России, представляют особый интерес.

История их сближения берёт своё начало в 1906 году. К этому времени публикации по рабочему вопросу создали Тихомирову репутацию знатока данной проблемы.

24 сентября 1906 года Тихомиров пишет А.С. Суворину: «Надо бы мне когда-нибудь повидать П. Столыпина. Всё, что слышу, рисует у него редкое качество – *волю*, но каковы его *цели*, думаю, никто не знает, а может быть, он и сам не определил вполне».

Тихомиров оставил Столыпину записку «О способах улучшения наших законов» и позже выслал ему из Москвы свою фундаментальную книгу «Монархическая государственность» с сопроводительным письмом. Нуждавшийся в неординарных людях, Столыпин пригласил Тихомирова на государственную службу в Петербург, но тот выразил свои сомнения, и тогда в ответном письме от 4 сентября Столыпин пояснил: «Я не скрываю, что прочность того положения, которое я для вас создаю, находится в зависимости от моей прочности: если я буду убит или заменён другим лицом, то вы окажетесь в зависимости от нового лица, стоящего у руля... Я предполагал воспользоваться вами для разработки отдельных вопросов, так что служба вас не заест и у вас останется время для литературного труда».

Тихомиров немедленно ответил согласием, но эти события совпали со смертью редактора «Московских ведомостей» Грингмута. Несмотря на возможность занять пост редактора, Тихомиров предпочёл пойти на государственную службу. В одной из своих речей Тихомиров сказал, что он хочет видеть в премьере национального вождя, который «должен сомкнуть около себя товарищей, проникнутых тем же новым духом, и сразу систематически двинуть работу возрождения России». Столыпин в ответ заметил, что «верит в бога... имеет... «мистическую» уверенность, что Россия *воскреснет*. Он – русский, любит Россию кровно и живёт для неё... *знает и уверен, что сделает то, что угодно допустить богу*».

10 февраля 1908 года Столыпин принял Тихомирова, сказав о намерении назначить его членом Главного управления по делам печати: «Я буду, по крайней мере, спокоен, что не испортил вашей жизни». Верный своему обещанию, Столыпин посылает царю доклад о даровании Тихомирову чина статского советника, в котором даёт бывшему революционеру, отрёкшемуся от революции, лестную характеристику.

15 июня 1908 года Тихомиров был принят Столыпиным и сделал доклад по рабочему вопросу: «Министр слушал *очень* внимательно. Просил... приготовить ему материал по рабочему вопросу, который... он проштудирует...». 8 сентября Столыпин опять принял Тихомирова, который зачитал свой доклад о рабочем вопросе, отметив позже в дневнике, что «Столыпин может схватывать *идею*, но страшно мало осведомлён по рабочему вопросу (что сам прекрасно знает)...».

Однако разрабатываемые Тихомировым проекты государственных реформ (в отличие от предложений по рабочему вопросу) не воспринимались Столыпиным всерьёз, что огорчало честолюбивого Льва Александровича. 5 июля 1911 года он обратился со страниц «Московских ведомостей» к Столыпину с письмом, в котором призывал пересмотреть основные законы 1906 года. Текст пометки, сделанной премьером на обращении Тихомирова, гласил: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции».

Имя Столыпина часто встречается в дневнике Тихомирова. Для него премьер был образцом волевого и целеустремлённого государственного деятеля: «Я очень любил и высоко уважал Столыпина, и *по типу* своему он мне виделся именно таким госуд[арственным] человеком, какой нужен. Это был человек идейный, человек, думавший об общественном благе. Всё остальное – он сам, его карьера, Царь, народное представительство – всё у него подчинялось высшему критериуму – *благо России*. Но он многого не знал, и особенно много сравнительно с величием своих целей. Поэтому я не могу считаться «столыпинцем», ибо я постоянно не соглашался с ним и старался его перетянуть, переубедить. Однако это был *мой* человек, никого другого я не видел, и в этом смысле я был «столыпинцем».

13 мая 1911 года Столыпин последний раз принял Тихомирова и на высказанные им опасения, что положение в стране обостряется, а умиротворение отсутствует, ответил, что верит в Россию, и если бы не имел этой веры, то и был бы не в состоянии что-то делать.

Подготовил **Александр РЕПНИКОВ,** *доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории*

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Зоны особого внимания

Комитет по архитектуре и градостроительству Москвы опубликовал график разработки и согласования проектов планировки столичных промышленных зон. Промышленность в городе останется. Только то производство, которое появится в Москве, больше не будет навевать воспоминания о фильме «Сталкер», являя собой бессистемное нагромождение ангаров, заброшенных строек и всем своим видом олицетворяя крайнюю степень запустения.

Планы по модернизации промзон тесно связаны с реализацией городской пятилетней подпрограммы «Реструктуризация и стимулирование развития промышленности». В её рамках предполагается развитие 200 промпредприятий, находящихся в пределах столицы. Обеспечение подпрограммы оценивается в сумму 72 млрд. рублей, из которых большая часть (58 млрд.) – это средства из внебюджетных источников.

Московское правительство планирует создать режим экономического благоприятствования для промышленного производства города: снизить налоги, предоставить льготы по аренде и активно стимулировать спрос через городской заказ.

По поручению Департамента науки, промышленной политики и предпринимательства Москвы Научно-исследовательский и проектный институт Генплана провёл обследование имеющихся в городе промышленных зон. Проектировщики выявили около 1022 га территориальных резервов – незастроенных, неоформленных участков, использующихся под временные цели вроде рынков или открытых стоянок и часто создающих санитарную опасность для соседних объектов. На них предлагается создать специализированные зоны промышленного и инновационного развития – технологические и индустриальные парки. На этих территориях могли бы разместиться крупные компании, кампусы двадцати вузов, наукоёмкие производства и офисы.

Важно учитывать и то, что в столице не добавится никаких площадок с тяжёлым производством, город станет развивать высокотехнологичные и экологичные направления, к примеру фармацевтику, информационные технологии.

Использование при решении таких задач высококонкурентных новых технологий – это один из тех шагов, которые необходимо предпринять, чтобы в Москве стали развиваться действительно штучные, уникальные производства.

Вот как оценивает ситуацию с промзонами Алексей Комиссаров, руководитель Департамента науки, промышленной политики и предпринимательства: «Действительно, к сожалению, большая часть этих территорий занята, ну, скажем так, совсем не производством. Что-то сдаётся в аренду, где-то просто какие-то свалки, где-то пустыри непонятные. Поэтому задача заключается в том, чтобы понять, где территории используются по назначению, где – не по назначению, и после этого принимать решения о том, что делать в дальнейшем. В Москве всего 209 промзон. 7,7 тысячи гектаров. Конечно, это мощный ресурс, и главная задача – использовать его максимально правильно для города».

Город нацелен на серьёзную работу, ведь для каждой отдельной промзоны необходимо разрабатывать свои законодательные акты, так что с точки зрения правового регулирования каждая из таких территорий будет уникальной. Инвесторы, в свою очередь, должны быть уверены в устойчивости развития своего бизнеса.

Москве выгодно, чтобы на месте промзон создавались именно инфраструктурные объекты. И задача города – убедить инвесторов в том, что им это стало выгодно. Другого выхода просто нет, оставить то количество промышленных зон, существующих сейчас, да ещё в том состоянии, в котором они находятся, было бы верхом бесхозяйственности.

Лицо «России»

Египетские пирамиды и висячие сады, огромное колесо обозрения и сеть венецианских каналов – что-то из этого вполне может появиться в центре Москвы, на месте бывшей гостиницы «Россия». Творческий конкурс на застройку объявлен, проекты вынесены на суд общественности.

РАЗДУМЬЯ НА ПУСТЫРЕ

Работы из Москвы и регионов, из Испании, Франции, Литвы, Украины – всего 116 проектов можно увидеть сейчас в архитектурно-строительном центре «Дом на Брестской». А также на сайте Москомархитектуры, где посетители виртуальной выставки могут проголосовать и повлиять на исход конкурса – зрительские симпатии также будут учитываться.

– Это творческий конкурс, проводится перед архитектурно-строительным, и участие в нём мог принять любой желающий, не только специалисты, – поясняют в Москомархитектуре. – Устроен он именно для того, чтобы учесть мнение общественности относительно площадки, которую раньше занимала «Россия».

Напомним, идеи застройки Зарядья будоражили умы чиновников, архитекторов и инвесторов с 2004 года, когда приняли решение о сносе «России». С этого момента заинтересованные лица решали, что же делать с лакомым куском земли под стенами Кремля. Подумывали строить здесь Парламентский центр. Собирались возвести «многофункциональный» торгово-офисный центр. В итоге судьбу площадки волевым решением определил лишь недавно председатель правительства РФ Владимир Путин. Посетив пустырь вместе с мэром Москвы Собяниным в январе, премьер предложил разбить на этом месте огромный парк. Резонно заметив, что зелень в центре Москвы в большом дефиците.

В феврале Москомархитектура объявила творческий конкурс, и присланные на него работы – как раз те, что выставлены сейчас в «Доме на Брестской». Разнообразие проектов поражает и зрителей, и специалистов.

– Многие архитекторы просто разучились работать с общественными пространствами, – сетует глава экспертной группы, вице-президент Союза архитекторов России Виктор Логвинов. – Ведь долгие годы мы под давлением обстоятельств и бизнеса проектировали лишь коммерческие здания, творческие конкурсы были заменены на торги подрядов. Лишь теперь начали расчищать публичные места и отдавать их городу для гулянья и отдыха.

ТВОРЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Профессионалам виднее, но глаз обывателя всё равно радуют красочные эскизы и оригинальные проекты. Часть конкурсантов предложила вовсе отказаться от построек и устроить в центре Москвы сады Семирамиды или парк «с подогревом», где царило бы вечное средиземноморское лето. Есть проекты по устройству в районе Зарядья лодочных каналов наподобие венецианских, с гаванью для прогулочных катеров.

Другие работы предполагают появление на территории нового концертного зала и других построек музейно-культурного назначения. Зал представляют то огромным колоколом, то стеклянным кубом, египетской пирамидой, плоской бетонной щайбой и даже в виде циклопического яйца.

Много предложений устроить здесь новодел под старину, вплоть до того, чтобы заново обнести парк китайгородскими стенами, разрушенными ещё в 30-х годах. Кто-то уверен, что в парке непременно должен быть Музей строительства БАМа. Или самое высокое в мире колесо обозрения. Или вовсе копия собора Василия Блаженного. Любители этнографии предлагают устроить тут «город мастеров» с кожевенными мастерскими или восстановить облик старых посадских улочек Зарядья.

Конкурс не должен стать формальной игрой в демократию на публику, когда в итоге решать всё будут узким кружком избранных. Победители творческого состязания должны быть допущены до профессионально-архитектурного конкурса, который состоится в августе.

Итоговый проект будет утверждён к концу этого года, и уже в 2015-м на месте снесённой «России» появится прообраз будущей культурно-парковой зоны. И надо понимать, что новый облик Зарядья станет «лицом города» наравне с комплексом Кремля и Красной площадью.

Мария ПАВЛОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 11–17 апреля 2012 г. № 15 (6365)

ТЕЛЕСПОРЫ

Александр НЕВЗОРОВ: Бесплатно политикой не занимаюсь

От Александра Невзорова сегодня одни в восхищении, другие – в содрогании. Он самый, пожалуй, скандальный и противоречивый репортёр XX века. Он человек-загадка. По его же собственному признанию, он – телевизионный киллер, военный, криминальный репортёр, политик и провокатор, которого сегодня не каждый рискнёт пригласить в эфир или на страницы печатного издания. И всё-таки, кто он?

– Александр Глебович, как вам удавалось одновременно быть автором знаменитой брутальной телепрограммы «600 секунд» и снимать, и, более того, добиваться показа фильма о вильнюсском и рижском ОМОНе «Наши», который ужасно диссонировал с главенствующими в то время умонастроениями идеологов перестройки, да и значительной части либерально настроенной интеллигенции?

– Во-первых, не надо разделять эти вещи и говорить, что я одной рукой снимал программу «600 секунд», а другой – снимал фильм «Наши». А во-вторых, всё это делал один и тот же Александр Невзоров. Если я репортёрствовал и фиксировал в «600 секундах» происходящее, это абсолютно не значило, что у меня не могли, в том числе и под влиянием увиденного мною, эволюционировать взгляды.

Взгляды – это такая вещь, которую в не эволюционирующем состоянии представить очень сложно. Если внешняя среда, внешние условия на вас не влияют и не заставляют пересматривать идеалы, то, я бы так сказал, – это примета аутизма по меньшей мере.

В ту пору мне довелось достаточно хорошо узнать Россию и узнать жизнь. Причём у меня была уникальная возможность, которой не было ни у кого. Передо мной были открыты все двери. Потому-то и началась эволюция моих взглядов. Появление в тот момент фильма «Наши» было закономерным ответом всему тому разложению и маразму, который сопутствовал развалу и гибели Советского Союза.

– Ваш фильм «Ад» о первой чеченской войне, когда подавляющее большинство ваших телеколлег (или не коллег) сладострастно громило на центральных каналах Российскую армию, а высшие руководители государства армию откровенно подставляли и предавали, если угодно, звучал как набат. Как вам удавалось в этом откровенном и сладострастном погроме говорить нечто диаметрально противоположное?

– Вернёмся немного назад. Фильм «Наши» был снят на Ленинградском телевидении в положенное «секундовское» время – это была моя программа и мой эфир, в которых я делал всё, что хотел. Мне ничего не надо было продвигать и ни с кем не надо было согласовывать. У меня в кабинете на стене висели «сушёные головы» председателей Телерадиокомитета, уволенных за конфликт со мной. Поэтому у меня не было ни командиров, ни руководства, и для меня в то время авторитеты просто не существовали.

Итак, фильм «Наши» вышел на Ленинградском телевидении, которое тогда было всесоюзным. Тиражировать и повторять этот фильм Москва стала уже потом. В Москве, как оказалось, тоже были люди, которые понимали, что распад Союза – величайшая историческая трагедия нашего народа. И они тоже, как и я, не верили, что страна сможет из этой ямы выкарабкаться.

И вдруг оказалось, что и в прессе, даже среди самых свирепых вольнодумцев, у этих немногих понимающих и неравнодушных к судьбе страны есть союзники. И многие тогда офигели. И я, признаюсь, тоже.

Я же до событий в Вильнюсе, Риге и далее везде не был знаком с представителями Министерства обороны и другими вершителями судеб страны. Наша дружба началась именно после фильма «Наши».

И такая же история была с Чечнёй. Но тут уже Б. Ельцин, с которым у меня были абсолютно сложные отношения, в какой-то момент сообразив, что остался совсем один и оказался лицом к лицу с бунташной, бушующей, маргинальной, насквозь прочеченской прессой, стал каким-то звериным чутьём, буквально на ощупь искать хоть каких-нибудь союзников.

Я в то время политикой уже не занимался – мне всё это стало неинтересно. И случилось нечто. Ну совсем как в неком дурном голливудском боевике: к забытому отставнику Невзорову приезжают очень большие люди и начинают его уговаривать сделать – ну в последний разочек – нечто нужное и важное для страны.

Собрался и поехал в Чечню, естественно, без всяких указующих напутствий. Я всегда доверяю своим ощущениям и впечатлениям. И сделал именно то, что в тот момент хотел сделать. А дальше всё прошло само собой.

Лидия НЕВЗОРОВА

– А как же другие? Вы ведь, надеюсь, не забыли пламенных журналисток в рядах гордых горских мужчин. Согласитесь, что для вас это было тогда небезопасно.

– Я их всех прекрасно помню. Помню и то, чем это всё для них кончилось.

А что касается моей смелости... Я бы это смелостью не стал называть. Я ведь и каскадёром работал не ради острых ощущений, а ради денег. Зарабатывать надо было на жизнь.

Я бы назвал своё тогдашнее поведение полным безразличием к мнению других людей. Это качество у меня есть. При этом я никому не навязывал и не навязываю своего мнения. Вы спрашиваете – я отвечаю.

– А к собственной жизни и судьбе вы также безразличны?

– В известной степени... Просто мне всё время нужно с кем-нибудь воевать. При этом я не особенное значение придаю факту собственной жизни, а также личной целости, благополучию и всем сопутствующим этому деяниям и последствиям. Можете это называть на выбор – храбростью или глупостью.

В то время был очень силён антирусский, антироссийский, антивсякий накал в прессе. Но я, повторюсь, делал только то, что хотел. Меня тогда совершенно не волновало, надеюсь, не будет волновать и впредь, общественное мнение. Как правило, когда об этом говорят, то это не что иное, как кокетство. Но у меня есть определённого рода доказательство своего, если можно так сказать, некокетства – у меня выработался абсолютный иммунитет за «секундовские» годы.

В то время на меня обвалилось такое количество славы, публикаций, оценок, что я поневоле адаптировался, и чужое мнение для меня перестало иметь значение.

– Вы сказали, что по природе своей эволюционист. В этой ли плоскости лежит ваша эволюция от певчего в церковном хоре до убеждённого атеиста? Вы даже стали доверенным лицом кандидата в президенты В. Путина, чем вызвали большое неудовольствие в церковных кругах, и не только в них.

– Меня это нисколько не смущает. Мне известны высказывания и пресс-секретаря патриархии, и С. Говорухина по моему поводу.

С. Говорухин – прелестный человек и замечательный режиссёр. Я отношусь к нему с нежностью и уважением. Его агрессия в мой адрес заключается в нежелании предоставить кому-то право думать иначе, чем он сам.

А разговоры о том, что кто-то где-то недоглядел, – это в пользу бедных. Прежде чем я стал доверенным лицом кандидата в президенты, со мной проводили многочисленные и долгие беседы по поводу моих взглядов и по поводу совместимости их со взглядами кандидата в президенты. Я сказал, что мне абсолютно безразличны взгляды кандидата на религию. Как мне кажется, его вводят в заблуждение представители черносотенного лобби, которому для обеспечения собственного благополучия и собственного бизнеса нужно максимально приближать Церковь к государству. Православная церковь не может существовать без государственной власти, без её покровительства, пропагандистских и карательных возможностей.

При этом в стране живёт более 30 миллионов атеистов, которые дискриминированы, унижены и которые вынуждены мириться с разгулом чуждой для них идеологии. А с этими людьми тоже надо считаться. Если бы я был один, то можно было бы просто обсудить размер клетки, в которой я буду сидеть, а также маршрут, по которому меня будут возить и показывать на потеху православным людям.

Я дал согласие выступить доверенным лицом кандидата в президенты В. Путина по одной причине: он, несмотря на свои недостатки, может уважать мою свободу и свободу каждого человека. Он знает страну и точен в своих социальных расчётах. И самое главное – он, как разведчик, действует предельно осторожно.

– В одном из ваших фильмов о лошадях, которых вы сняли с большой любовью, некий мудрец отдаёт свои глаза лошади, потому что не может смириться с её слепотой. Это не про вас?

– Это красивая легенда, которая уместна в отличном от нашего жанре. Я же никому ничего не жертвовал, поскольку являюсь не большим любителем и «умителем» жертвовать.

– Вы всё время говорите, что свободны в своих мыслях и поступках. А где кончается ваша свобода?

– Я свободен ровно настолько, насколько биологическое существо вообще может быть свободным.

К примеру, я не знаю, насколько представители некой панк-группы, устроившие недавно пляски в храме Христа Спасителя, считают территорию храма территорией своей свободы. Они, как я понял, люди верующие, поскольку произносили, обращаясь к божеству, некие ритуальные слова. Они, пусть по-своему, совершали некий молитвенный обряд.

Я же не имею никакого права в это вмешиваться или это оценивать. Если бы это были некие воинствующие атеисты, написавшие некие бранные слова на иконах, я бы, возможно, как-то по этому поводу высказался. И вообще я не имею ничего против ни этой группы, ни истинно верующих православных христиан.

Но мне абсолютно непонятно, почему христиане гневаются, если их Бог молчит? У этих девиц даже диареи не случилось...

– Ваша свобода зиждется на атеизме?

– Я – атеист. Это как раз та самая моя свобода. Но если я требую этой свободы для себя, то я соответственно должен признавать и право любого другого на его личную свободу. Мне бы никогда в голову не пришло прийти в чей-то молитвенный дом и вести там атеистическую пропаганду. Я признаю право за любым человеком верить в то, во что ему хочется. Меня это не касается. Каждый делает свой выбор. И я на этот выбор никогда посягать не буду. Для меня атеизм – это полная свобода и торжество этой свободы. Это моё право на критическое отношение абсолютно ко всему.

– Вы как-то сказали, что нынешнее телевидение вас не интересует.

– Я по природе своей завоеватель. Мне нечего завоёвывать на телевидении. Я прошёл это пространство «от моря до моря», и пусть теперь на этом пространстве селятся «земледельцы», строятся дома культуры и т.д.

Мне сказочно повезло. Я пришёл на телепространство, когда существовавшее в Европе окультуренное информационное поле в России было абсолютно глухим лесом, в котором обитали страшные идеологические чудовища, а из-под коряг шипели работники райкомов. Я прошёл это пространство огнем и мечом, очистив дорогу для созидателей.

– Значит, вы созидателем себя не считаете?

– Я занимался информационным разбоем и грабежом, я не был созидателем. Сейчас другие законы информационного и идеологического приличия. Если бы я тогда пытался вести себя скромно и хорошо, это было бы никому не нужно. Мне на телевидении сейчас делать нечего.

– А те, кто пришёл за вами, – созидатели?

– Мне это уже неинтересно. Я никогда не интересуюсь тем, что произошло после меня. Вот сейчас все кричат о неком фильме, показанном на НТВ. Что-то о какой-то оппозиции... Я его не смотрел и смотреть не буду, поскольку я и так знаю, кто это такие...

– Вы разочаровались в политике?

– Нет. Я просто ею бесплатно не занимаюсь. А что касается всей этой так называемой общественности, которая любит ходить на митинги, я признаю за ними право понимать и чувствовать то, чего я не чувствую.

Я подобных ребят видел в выборную ночь в разных предвыборных штабах. Меня, как пасынка, чтобы я не испортил своей атеистической рожей телекартинку, бросили на радио «Коммерсант» в пасть либеральной интеллигенции. Я понаблюдал этих людей. Они весьма забавны. Я им сказал, что восхищён их нежными и ранимыми душами, чуткими к любой несправедливости. Но никто из них не смог мне ответить на вопрос: где они были, когда в октябре 1993 года по мне и мне подобным в центре Москвы в упор били из танковых пушек.

– А что, если сейчас?

– Вся эта гниль разбежится по домам задолго до того. У неё не только обострённое чувство к мифической несправедливости, но и патологическая трусость, отягощённая любовью к игре на публику.

Среди них всё-таки есть паратройка сильных, опасных, задорных, пассионарных ребят, но это и всё. А остальные не то что при первом выстреле сольются, а даже от хлопка в ладоши... При этом не только по кухням разбегутся, но ещё и от страха забьются между столешницей и клеёнкой. Я эту публику всерьёз воспринимать не могу.

– Совсем недавно вся программа «НТВшники» была посвящена М. Ходорковскому. К примеру, режиссёр П. Лунгин, заявивший о своём выдающемся вкладе в возрождение духовности России, открыто призывал немедленно сего узника совести освободить...

– Во-первых, я не видел ни одного фильма П. Лунгина, мне он неинтересен. А во-вторых, я не совсем понимаю, что означает слово «духовность». И я абсолютно уверен в том, что фильмы П. Лунгина от моего невнимания не пострадают.

Что же касается М. Ходорковского, то, чтобы делать по его поводу какие-либо заявления, мне как минимум нужно потратить несколько месяцев для изучения его уголовного дела. Но у меня нет времени на подобное. И вообще я занимаюсь только тем, что мне интересно и что касается лично меня и моих близких. И вообще заботу о всеобщем благе или чьём-либо абстрактном благе считаю вопиющей глупостью.

И потому считаю верхом подлости собирать в студии людей, не знающих истинную природу того или иного дела, и побуждать их играть по своим шулерским правилам. И вообще телевидение никого не делает лучше – ни тех, кто его смотрит, ни тех, кто его делает.

– Вы не чувствуете своей ответственности за нынешнее состояние телевидения?

– Ни в коей мере. Я несу ответственность лишь за свои мысли и деяния.

– Вы о чём-нибудь жалеете?

– Конечно, жалею. Я жалею о том, что, находясь на вершине славы и известности, не воспользовался своим тогдашним положением и не обеспечил себе долгосрочного режима достижения максимального благосостояния.

Но я в то время был совершенно иным человеком. Сейчас бы я поступил совсем иначе.

– Одиночество – благо?

– Наивысшее наслаждение, которое может испытать человек, это то, что ты становишься один против всех. Это самое классное чувство. Стоит ради этого многим пожертвовать, на это стоит идти.

– Как вы относитесь к идее создания общественного телевидения?

– У нас телевидения, которое не зависело бы от власти, нет и быть не может по определению. У нас могут создать не общественное, а такое телевидение, которое поставит своей целью укрепление так называемой государственности. Иными словами, соберётся каста людей, которая будет пытаться учить других. Как нужно думать и чувствовать, чтобы это было удобно для власти.

– А разве нынешнее эту роль не выполняет?

– У нас есть уже вроде бы все виды телевидения, и вроде бы все степени стыдливости и бесстыдства представлены на них. Переименование же обычного канала в общественный будет таким же занятным процессом, как переименование милиции в полицию.

– Вы как-то сказали, что телевидение должно быть лживым и тенденциозным, так как в этом его предназначение. А как же свобода слова?

– Свобода слова – это правда, а для правды существуют культура, искусство, поэзия, литература, кинематограф, то есть всё то, куда вкладывается душа и что требует высокого интеллектуального уровня тех, кто эту продукцию производит. По-моему, предельно ясно.

Беседу вёл
Владимир ШЕМШУЧЕНКО,
собкор «ЛГ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Два мира

На днях в гости к молодым ведущим программы **«Hard Day's Night»** телеканала «Дождь» пришёл великий учёный Жорес Алфёров. И пожалел, что пришёл, о чём не раз сказал в эфире. Поразила пропасть между уровнем тем, которые поднимал нобелевский лауреат, и вопросов, которые ему задавали юные журналисты. Кстати, неюного Павла Лобкова академик вынужден был жёстко прерывать, так как тот тупо пытался свести встречу к пошлейшему политическому стёбу. К серьёзному разговору о наукоградах, Сколково, Академии наук и т.д. не был готов никто из популярных у офисного планктона ведущих. Почему этим самовлюблённым пустышкам отдан эфир? Где они учились и чему? Что это за четвёртая власть и куда она может завести?

Только в болото.

Куда блестяще привели эфир более опытные **НТВшники.** Некому было их поставить на место в той суматохе, которую они ловко сконструировали. Обсудить проблемы падения нравственности в последнем выпуске они позвали многих гостей. Среди них – протоиерей Всеволод Чаплин, монахиня Ольга Гобзева, поэт Андрей Дементьев, писатель Юрий Поляков, актриса Наталья Селезнёва и многие другие уважаемые люди, но также и неуважаемые, как, например, некий представленный как режиссёр человек с говорящей фамилией Понасенков, который нагло обрывал выступавшую монахиню. Были среди гостей и другие провокаторы, они в союзе с НТВшниками перевернули всё с ног на голову. Призывы простить кощунствующих в храмах очень скоро переросли в резкие нападки на Церковь, её представителей и государство. Такова логика болота: чтобы ни произошло, всё надо обернуть против страны.

Алексей СОКОЛОВ

Тарковский – 80

В связи с этой датой телевидение России оказалось в сложном положении. Настолько уродлива и страшна эфирная картина мира, что на её фоне всякое упоминание о великом режиссёре начинает казаться неуместным, фальшивым. И рассказ о Тарковском в формате документального фильма, и демонстрация его удивительного кино, всё это само по себе – доказательный приговор суетливости, пошлости и абсолютной никчёмности современного ТВ.

Пожалуй, исключение составляет канал **«Культура».** В границах этого пространства четыре серии исследования «Тарковские. Осколки зеркала» воспринимались как должное. История семьи глазами сестры режиссёра показалась самой приемлемой формой юбилейного повествования. Именно так, неторопливо и тщательно подбирая слова, стоит говорить о столь противоречивом, сложном и уникальном художнике.

Удивило, однако, что «Культура» из всей фильмографии Андрея Тарковского выбрала для показа «Ностальгию» и «Жертвоприношение». Именно те картины, что сделаны в новом, трагическом, навязанном режиссёру статусе – гражданина мира. Картины, которые являются эталоном изобразительной культуры, но при этом обладающие какой-то странной и пугающей стерильностью...

Что бы ни рассказывали о свирепствовании цензуры во «времена тоталитаризма», Тарковский был для соотечественников успешным советским, русским режиссёром... И дома, горящие в «Зеркале» и «Жертвоприношении», похожи для нас лишь формально. Пожары эти почему-то производят совершенно разные впечатления – заграничный выглядит бутафорским. И вода в «Андрее Рублёве» как будто та же стихия, что и в «Ностальгии», но почему-то только наша имеет небесное происхождение, а не водопроводное.

Кажется, этот эффект ощущал и Андрей Арсеньевич. Вот в чём трагедия.

Вадим ПОПОВ

ТЕЛЕПРЕМЬЕРА

От Гайдая до Германики

Впечатления от сериала «Краткий курс счастливой жизни» можно описать с помощью старого украинского анекдота: «Дивчина зьила зэмляную жабу, подывылась на сэбэ у дзэркало и подумала: «Всэ ж такы, якись витамины в ней есть...»

Попробуем разобраться, можно ли извлечь из потреблённого телепродукта какую-либо пользу? И для начала определим контекст, в котором появился фильм Валерии Гай Германики. Скажем прямо: образы современниц, которые ТВ предъявляет зрителю, тотально фальшивы и, что гораздо хуже, совершенно неинтересны. Даже мифические спецагентки модельной внешности, оснащённые невиданными криминалистическими технологиями и кодексом чести средневекового рыцаря. Даже робкие селянки, способные очаровать случайно заехавшего в тмутаракань менеджера высшего звена и перековать его в благотворителя...

Именно поэтому публика с особым нетерпением ожидала от проекта Первого канала свежих идей. Репутация режиссёра, фирменным стилем которого является гиперреализм, не позволяла сомневаться – нам представят жестокий портрет времени. Либеральным почитателям творчества Германики не терпелось столкнуться с очистительной силой правды, ибо только она и ничего кроме неё не вылечит язвы общества, а если и это не поможет, значит уж точно пора валить. Недоброжелатели готовились подсчитывать убыток нравственному здоровью зрителей, вспоминая, какие фокусы показывали в детское время персонажи нашумевшей «Школы».

Однако сериал оправдал надежды обеих сторон лишь по формальным признакам. Свободная камера на операторском плече имитировала правду жизни, актёры то и дело имитировали порок, в то время как Германика в многочисленных интервью имитировала сарказм. Одну недоумевающую журналистку режиссёр вполне заслуженно отбрила так:

«Мне кажется, вам надо брать интервью не у меня, а у директора зоопарка». Спрашивали следующее: «Тот мир, который вы снимаете, вызывает у вас какие-то эмоции?» Или: «Как вы сами видите настроение этого фильма?»...

Но как может отвечать на подобные вопросы режиссёр, сделавший фильм в комедийном жанре? Ведь «Краткий курс счастливой жизни» – это почти хрестоматийный пример комедии положений. Это даже не комедия нравов. Сюжет фильма держится на совпадениях, начинается с нарочитой «случайности», и далее весь фильм одна нелепая ситуация сменяет другую.

Жанровое кино в версии Германики – визуально, интонационно – похоже на что-то натуралистично-серьёзное, что создаёт дополнительный комический эффект и заставляет вспомнить об эстетике Вуди Аллена. А «лирические сцены» указывают на уважительное отношение автора к отечественной традиции. Так, например, гротескная псевдофилософичность диалогов, безусловно, роднит фильм Германики с комедиями Гайдая.

Фильм населён множеством домашних животных, наверное, для того, чтобы доказать несправедливость театральной аксиомы о невозможности переиграть кошку. Фильм наполнен медиаперсонами, роли которых придуманы как будто нарочно, чтобы сбить с них спесь. «Звёзды» у Германики соревнуются со зверями. Так, китайская хохлатая Моня выглядит убедительнее Ксении Собчак, хотя последняя сыграла, безусловно, ярче двух безымянных королевских пуделей.

Что касается литературной основы, тут следует процитировать недавнее интервью Анны Козловой «ЛГ»: «Когда я писала сценарий, ко мне приезжали подруги и я говорила: «Девки, рассказывайте ваши истории. Самые дикие, самые позорные!» Согласитесь, автор сценария воспользовался методом, с помощью которого можно создать исключительно комедию положений...

Итак, продюсеры сериала (Константин Эрнст, Денис Евстигнеев) в этот раз использовали Германику в мирных целях. В дуле скорострельного орудия красуется букет полевых цветов. Дело сделано: провокативность затеи, звучность имён позволили обеспечить рейтинг. Режиссёр получила деньги и новый опыт. Зрители (те, что решили смотреть) тоже не остались внакладе – посмеялись от души.

Жаль только, что фильм, сконструированный продюсерами и снятый Германикой в обычной небрежной манере, живёт коротко. Такое кино, со всеми его находками, деталями, невозможно смотреть повторно. Оно навсегда умирает после первого же просмотра... Впрочем, в рамках готической субкультуры, столь близкой Валерии Гай Германике, это обстоятельство можно воспринимать и со знаком плюс, как самую короткую дорогу к бессмертию.

Олег ПУХНАВЦЕВ

ПОЛЕМИКА: «КАК НЕ ПОПАСТЬ В ЛОВУШКУ БЕССМЫСЛИЦЫ?»

Пространство для экспансии

Смысл жизни – вопрос сытого человека. И сегодня он крайне обострился во всех странах, достигших базового материального довольства простых людей.

В развитых странах это произошло в 60–70-х годах XX века. И тут же возникли проблемы. Именно тогда в обиход западного общества вошли наркотики и антидепрессанты – с чего бы вдруг? Хиппи, дети-цветы и все их дальнейшие клоны задавали вполне законный вопрос: зачем? Зачем добиваться буржуазного успеха, делать карьеру, «интегрироваться в систему», как они выражались?

Сытость настигла простого человека, прямо сказать, в неподходящий момент. От традиционных религий он к этому времени практически совсем отошёл, а новой религии не нашёл. В коммунизме, как замене религии, тоже к тому времени массово разочаровались.

Проницательные люди ещё в позапрошлом веке предрекали это обострение. Достоевский в «Подростке» пророчил: наестся человек и спросит: «А дальше что?»

Вопрос не повис в воздухе, вопрос был перехвачен глобальным бизнесом. Именно он создал и успешно внедрил в сознание растерянного человека *религию радикального гедонизма*. Правильнее, наверное, назвать её идеологией: помесь философии с религией, предназначенная для массового употребления. Её символ веры: «*Бери от жизни всё*». Непрерывно наслаждаться – не только право, но и обязанность современного человека, иначе он отстал от жизни навсегда. Разумеется, глобальный бизнес действовал строго в своих интересах, как он и всегда действует. Он сам попал как кур в ощип в очередной кризис, из которого, надо признать, с блеском вывернулся.

В этот самый период было *окончательно исчерпано пространство для экспансии*. А бизнес не может жить без расширения – это имманентное свойство капитализма. А куда расширяться? Нормальные, разумные потребности людей были в основном удовлетворены, их платёжеспособный спрос исчерпан. Рынки сбыта могли расти только с ростом населения, которое в этот период как назло почти перестало расти.

И капитализм нашёл пространство для экспансии не за морем, не на Луне. Он нашёл его в душах людей.

Уже не спрос рождал предложение, а совсем наоборот. Бизнес активно создавал потребности, чтобы затем триумфально их удовлетворить. Именно в этот период поднял голову маркетинг – учение о том, как впарить покупателю-потребителю ненужное и излишнее. Почему маркетинга не было, положим, в XIX веке? Потому что тогда удовлетворялись истинные потребности, а теперь стали удовлетворяться ложные. Маркетологи полны профессиональной гордости: *мы не удовлетворяем потребности – мы их создаём*. Так оно и есть. Сотовые операторы создали потребность непрерывно болтать по телефону, фармацевтические корпорации – непрестанно глотать таблетки, производители одежды – менять её каждый сезон.

Известный философ А. Зиновьев верно сказал, что идеал человека потребительского общества – это труба, в которую с одного конца закачиваются товары, а из другого они со свистом вылетают на свалку. Вот в этом и состоит цель жизни человека согласно современной обиходной философии. А нужно это современному капитализму, производящему все эти горы барахла, которые надо куда-то девать.

При этом спрашивать о какой-то глобальной и всеобщей цели жизни – нельзя, неприлично. Цель жизни – сама жизнь, – учит современная расхожая философия. Следует смаковать каждое мгновение, не забывая окружать себя милыми пустяками.

Жить надлежит *в отрезке сегодняшнего дня*. Все несчастья от того, что некоторые неправильные граждане живут в прошлом или в будущем, а надо – строго в настоящем. Называется эта мудрость «*жить здесь и сейчас*».

Получила необычайное распространение фраза из «Унесённых ветром»: «Я подумаю об этом завтра». Это правильно: всё неприятное надо откладывать на завтра, а сегодня порадовать себя... ну хоть шоколадкой; я как-то встретила брошюрку, излагающую современную житейскую философию, она так и называлась: «Шоколадка для души».

Автор статьи в «ЛГ» (№ 1–2, 2012) Вилен Чудновский рассказывает об исследовании сочинений школьников, которое показало, что дети не видят будущего. И немудрено! Почитайте наши государственные планы – хоть бы и предвыборные. Они же тупиковые, в них отсутствует будущее! Это свидетельствует о том, что и школьники, и государственные мужи вполне усвоили современную философию: живи сегодня.

Министр Фурсенко в неизбывной простоте своей проболтался: целью образования является воспитание грамотных потребителей.

Помните, художник из чеховского «Дома с мезонином» говорил: «Как иногда мужики миром починяют дорогу, так и мы все, сообща, миром искали бы правды и смысла жизни, и – я уверен в этом – правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти, и даже от самой смерти».

Но этого глобальному бизнесу не нужно! Каждый должен быть сам по себе. Тогда с ним легче управляться. Вот почему насаждается философия предельного индивидуализма и эгоизма. Так формируются стада неотличимых друг от друга индивидуальностей, для которых шопинг – лучший допинг. Эгоист – это уже не ругательство, как было когда-то, – это высшая похвала. Журнал даже такой выпускался, так и назывался – «Эгоист» (для гламурных и продвинутых).

Я спросила у одной современной дамы, в чём, на её взгляд, смысл жизни.

– Ну у каждого он свой, – уклонилась дама.

– А общий есть?

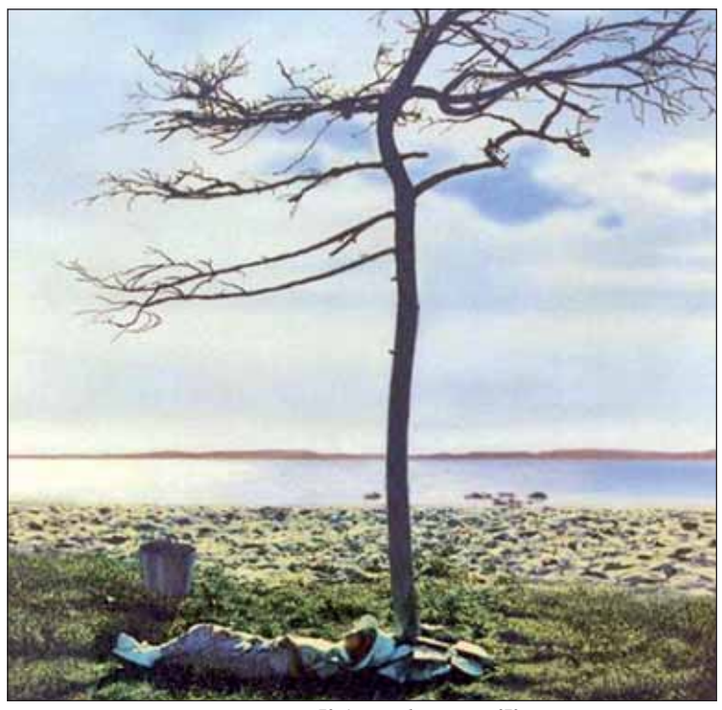
– Наверное, чтобы у каждой спальни был свой санузел, – серьёзно ответила дама. – Это – цивилизация.

Татьяна ВОЕВОДИНА

Магия самообмана

Насчёт разума *(статья Вилена Чудновского «Коварство разума». – «ЛГ», № 1–2)*. Так и слышится отзвук проклятий в адрес эпохи, которая тщилась перестроить жизнь человечества на разумных началах, а угодила в кровавую чехарду мировых войн. Как тут не дать ещё один пинок интеллекту, чьё коварство оказалось куда опаснее глупости, похвалу которой отыграл Эразм Роттердамский на пороге эпохи Возрождения!

Так мы где сейчас находимся? При финале этого Возрождения? Какой век за плечами? Может, *дольше века* длился этот *сон Разума*, наплодивший столько коварных химер?



Кадр из фильма «Жертвоприношение»

Да, в истории был век Разума, был век Просвещения, а в противовес ему – тёмные века Средневековья, где не столько разум, сколько чувство веры диктовало истории смысл.

Так ведь смысл обнаруживается постфактум, при оглядке в прошлое. А пока век шествует путём своим железным, смысл этот дробится. Хотя интуитивно и ощущается, причём люди его или не формулируют, или формулируют превратно. А проясняется всё задним числом.

Задним числом можно и древние эпохи расчислить. У греков – эмоции и гармония души-тела, у римлян – юридическая истина и её разумные пределы. Пока идёт собственно жизнь, такие определения только зреют. А реально работают и чувства, и разум. Вместе. Даже так: если силу забирает разум, рядом начинает стонать чувство. Если же ход событий определяют эмоции, как правило, это вера, – немедленно обнаруживается разум и гвоздит веру со всей дурацкой беспощадностью. И не вдруг определишь, в какой век ты попал.

У нас сейчас – что? Не знаю. То ли разум продолжает своё триумфальное шествие, то ли вера собирает сторонников, проклиная в храмах коварство разума.

Вот бы навигатор такой изобрести и поставить, чтобы человечество знало, куда сворачивать: где смысл, а где нету, тупик.

Да когда же это витязь на распутье думал о смысле? Он соображал, где его с коня скинут, а где и вовсе порешат, – смысл обнаруживался бог знает когда, на пиру у Красна Солнышка, где певец какой-нибудь баял о подвигах старыми словесами.

На каком же мы сейчас распутье? Где Россия? Кто виноват в происшедшем? И что делать нам – в ситуации, когда грядущее темно и непредсказуемо? Где теперь «весь мир», который должен был идти за нами в светлое будущее? Центры силы переопределяются, угрозы меняют направления. Непонятно, чем должно заниматься работающее человечество в наступившем тысячелетии: чем кормиться, как энергетически обеспечиваться? То ли нефть спасёт, то ли нефть иссякнет, а спасёт мир атомная энергетика, то ли и её отправят в утиль от страха, оставшегося после Чернобыля и Фукусимы. То ли прокормятся наконец семь миллиардов едоков, то ли начнут с голодухи очередной передел пространств. А если сытыми станут эти семь миллиардов в ходе *зелёных революций*, так не полезут ли во вселенскую драку от избытка сытой энергии и непредсказуемой дури? От жажды какой-нибудь очередной революции, оранжевой или ещё какой.

Как-то даже неловко разглагольствовать о смысле существования на этом вертящемся шарике. Рассуждают о смысле либо профессионалы-философы, либо чудаки вроде нас с Чудновским. Реально же не смысл определяет действия людей и государств, партий и обществ, а насущные нужды, грозящие опасности, неотложные задачи: куда бросить средства, как утихомирить страсти, чем обезопасить массы людей от их же собственных безумств, чем эти массы занять, если люди, бросив дела (не найдя себе занятий со смыслом), ищут место, где бы собраться и заявить, что они *против*?

Против чего? А смысл выяснится задним числом. Или отсутствие смысла. И никакой навигатор не спасёт. И никакой Интернет не объяснит, «зачем». Хотя и поможет собраться в одном месте – покричать, погрозить кулаками небу, то есть власти (*которая из этих же людей навербована*).

Смысл существования – на моей памяти и в моей жизни – сменился один раз. От мечты о всечеловеческом устроении – к тревоге за мою страну. Моя страна – это, конечно, теперь далеко не весь мир. Мы-то верили, что весь мир пойдёт за нашей страной. А теперь наша страна никак не решит, где её место в мире, который идёт не поймёшь куда.

Кто виноват? Светильники разума, наследовавшие идеи Возрождения, Просвещения и мирового Интеллекта, запудрили всем мозги? Да полно, они сами – лишь вестники неизбежного. Призраки бродили по Европе, а теоретики только прописывали их пути в манифестах.

Потом призраки объединились в интернациональные бригады, в национальные армии, в народные ополчения, в профессиональные системы, и демократия канула в омуты диктатур. Опять искать виноватых? Кто придумал ГУЛАГ?

Отвечаю: мировая война придумала. Великая Отечественная война вынудила. Гибель заставила искать меньшее зло. Отступила гибель – сначала из горячей войны в холодную, потом в мирное сосуществование – стала и у нас прорастать демократия. Мировой рынок распростёр нам свои объятия. Кончилось военное время.

Оглядываюсь и спрашиваю: откуда же взялась эта напасть мировых войн, сделавшая XX век из светозарного проклятым?

Не знаю. Всё ещё не вижу смысла.

Знаю только, что пути спасения не выбирают. А смысл жизни (и смысл миллионных жертв ради спасения) обнаружится потом. Не такой, как видится из гущи схватки. Или не совсем такой. Или совсем никакого. В зависимости от того, кто о смысле спрашивает.

Что делать нам с молодым поколением, которое мы потеряли в перестроечной эйфории? (Говорят даже, что два поколения потеряли.)

Как «что делать»? Учить уму-разуму и вниманию души по программам, которые и обновлять по ситуации. По возникающим нуждам. То ли читать школьникам «Слово о полку...», то ли сопромат. И православие включать в непременный диалог с другими верованиями – с какими? Жизнь подскажет. А смысл обнаружится задним числом. По законам разума. И по благодати чувств...

Второе нам, кажется, ближе. Разум-то коварен, вон куда завёл...

Самообман всё это. Русским – по тысячелетнему опыту истории – без разума было бы не прожить. И не возникнуть. В пору, когда по чистому полю скакали туда-сюда богатыри с целью помериться силами с первым встречным, потом возникали государства, неизбежно пёстрые в этом безграничье, где надо было или сплачиваться, или исчезать. Разумные расчёты пахли коварством, честные чувства казались ловушками. Выжить можно было, выйдя из этого междоусобия единым и неделимым народом. С бездной вариантов, остающихся в заднем уме. Как и возникли русские.

Жить в таком народе – необъяснимое счастье.

Управлять таким народом – невыносимый крест.

Что противостоит в наших душах коварному разуму? Глупость? Как бы не так! Глупости сроду не было у русских. А была и есть – дурь. Святость блаженства, мистический схрон тайного ума, несоизмеримого с коварством повседневных дел и искренностью праздничного показного безделья.

Отсюда – весёлая магия обмана. Не обманешь – не продашь. Не согрешишь – не спасёшься.

Так это же нечестно?!

О да.

На Руси, как известно, честных нет. Но все – святые.

(*...Готовя статью, я решил перепроверить это великое изречение. Полез в Интернет. Высветил источник: «Владимир Соловьёв». И рядом – вопрос какого-то юзера: «Философ или телеведущий?» Поздравляю телеведущего с этим вопросом. Смысл жизни всё-таки брезжит в наших экранных поединках.*)

Заканчиваю. У меня нет другого народа, и я не хочу другого. Хочу с этим решать неразрешимые вопросы. Смысл пусть обнаружится. Потом.

Лев АННИНСКИЙ

СОБЫТИЕ

Мать попечительнейшая

11 апреля в Иоанно-Предтеченском соборе г. Зарайска Московской области состоится передача останков Марии Фёдоровны Достоевской, матери великого писателя, Русской православной церкви для последующего погребения на погосте Свято-Духовского храма села Моногарова Зарайского района.

Мария Фёдоровна скоропостижно скончалась от чахотки в Москве и была похоронена на Лазаревском кладбище при Свято-Духовском храме. На памятнике были высечены слова: «Другу милому, незабвенному, супруге нежной, матери попечительнейшей. Покойся, милый прах, до радостного утра».

Во второй половине 1930-х годов Лазаревское кладбище было уничтожено, а останки М.Ф. Достоевской эксгумированы и переданы для исследования в НИИ и Музей антропологии МГУ. В рамках долгосрочного проекта «Память» по инициативе некоммерческого партнёрства «Заповедное Даровое» и при участии Московского государственного областного социально-гуманитарного института была достигнута договорённость с руководством НИИ Музея антропологии и Московского государственного университета о передаче останков Марии Фёдоровны. Это событие произойдёт с согласия потомков Ф.М. Достоевского и по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия.

Благотворительную помощь мероприятию оказывают коломенские организации: МУП «Контур» (директор К. Львов) и Автоколонна 1417 (директор Н. Сиделёв).

Соб. инф.

ФОРУМ

Скоро лето, скоро фестиваль

Неумолимо приближается лето, а вместе с ним и желание снова отправиться на уже Четвёртый международный фестиваль литературы и культуры «Славянские традиции–2012», который традиционно пройдёт в последнюю неделю августа в Крыму, на мысе Казантип. С этого года фестиваль проходит в трёх странах: России, Чехии и Украине.

А осенью победители и финалисты будут приглашены на фестиваль в Прагу, чтобы затем зимой в Москве собраться ещё раз на презентацию итогового сборника фестиваля – литературного альманаха «ЛитЭра». В этом году в ЦДЛ состоялась презентация шестого номера альманаха, который был составлен по итогам фестиваля «Славянские традиции–2011». В книге кроме произведений участников помещены и цветные фото победителей, баннер «Литературной газеты» – информационного спонсора и соучредителя фестиваля, рисунки поэтов, сделанные в своеобразной манере Ольгой Лебединской. На презентацию приехали участники из многих городов России, Украины и Белоруссии. Зал был полон поэтами, критиками, да и просто теми, кому не безразличны русская культура и литература.

Для объединения литераторов всех стран, участвующих в фестивале, и чёткой организации мероприятий в ноябре прошлого года в Праге был создан Европейский конгресс литераторов, председателем правления которого была избрана Ирина Силецкая, а почётным председателем – Владимир Костров. Как и в прежние годы, председателем жюри фестиваля 2012 года будет главный редактор «ЛГ» Юрий Поляков, а в жюри – известные писатели всех стран, участвовавших в фестивалях прошлых лет.

Сейчас в Интернете проходит литературный конкурс «Славянских традиций» в номинациях: «Поэзия», «Стихотворение о любви», «Юмористическая поэзия», «Малая проза», «Драматургия» и «Литературный перевод». Работы принимаются до 1 мая 2012 года, после чего жюри приступит к работе. Условия конкурса размещены на сайте **http://slavtraditions.ucoz.ru/**. Финалисты будут приглашены на фестиваль, где примут участие в мастер-классах, которые будут вести Юрий Поляков, Владимир Костров, Константин Кедров и другие, посетят литературные места Феодосии, Старого Крыма, Коктебеля, Керчи и выступят перед любителями поэзии этих городов, отдохнут на ласковом Азовском побережье Крыма.

Что ж, осталось немного подождать – и вновь встретиться на гостеприимном Казантипе. Пишите, присылайте, побеждайте!

Ирина СИЛЕЦКАЯ

ЭПИТАФИЯ

За железным силуэтом танка

3 апреля 2012 года ушла из жизни **Галина Фроловна Чикова**, директор музейно-мемориального комплекса «История танка Т-34», кандидат философских наук, член-корреспондент Академии российской словесности, победитель московского городского конкурса «Женщина – директор года».

Особое место в жизни и работе Галины Фроловны занимала издательская деятельность. Это её усилиями, в бытность Чиковой генеральным директором региональной культурно-просветительской организации «Атлантида XIX век», появился на свет журнал нового типа с одноимённым названием и были созданы уникальные книги, задуманные ею вместе с Галиной Семёновой, Ларисой Васильевой, Людмилой Швецовой: «Парад парадов», «Душа Москвы», «Христос на Руси». Эти и другие произведения были по достоинству оценены прессой, грамотами и премиями.

В течение 10 лет Галина Чикова возглавляла журнал «Московская школа. Вчера, сегодня, завтра».

Добрая, скромная душа Галины Чиковой была самоотверженно распахнута навстречу людям. Ей отвечали любовью и верностью.

Для всех, кто знал Галину Фроловну, её смерть – тяжелейший удар судьбы. Утрата невосполнима.

Родные, друзья, коллеги, единомышленники

Вся история создания уникального музейно-мемориального комплекса «История танка Т-34» – плод совместного труда Ларисы Васильевой и Галины Чиковой, огромного энтузиазма, гражданского служения, искренней любви и признательности к людям, давшим жизнь одной из лучших боевых машин времён Великой Отечественной войны – танка Т-34.

Галина Фроловна отличалась удивительной скромностью, ответственностью при выполнении своего профессионального и гражданского долга, принципиальностью и честностью.

Она являла собой образ тихого и малоприметного историка, журналиста, исследователя, но за всем этим неизменно стояли её колоссальная внутренняя сила, пламенность, горячая убеждённость в правоте своего дела, вера в торжество Добра и Правды.

Невозможна и невыносима сама мысль о том, что Галины Фроловны Чиковой больше нет, что мы все навеки потеряли родного и близкого для нас человека, что утешением остаётся только светлая память о ней. Но приходит полнейшая уверенность, что всем нам, кто дружил с Галей долгие годы, отныне и навсегда за железным многотонным силуэтом танка будет видеться хрупкая, несгибаемая фигура нашей любимой и единственной Галочки. Женщины, сумевшей поднять грозную машину на своих плечах над забвением времени и водрузить на пьедестал отечественной истории.

Вечная память вам, дорогая Галина Фроловна! Прости нас!

Искренне скорблю!

Людмила ШВЕЦОВА,
заместитель председателя Государственной Думы

Почти двадцать лет каждый день вместе... Общая работа. Задумываю книгу – Галина исполняет. Задумываю музей – исполняем вместе. Счастливые и суровые дни.

Не могу...

Сегодня слов нет. Слёз нет. Пустота.

Однако музей, наш общий с нею маленький ребёнок, растёт. Требует внимания. Пересиливаю себя. Верю, она будет светить мне Оттуда.

Прощай? До свидания.

Лариса ВАСИЛЬЕВА,
президент музейно-мемориального комплекса «История танка Т-34»

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Гоголь. Римские каникулы

В канун дня рождения Николая Васильевича Гоголя мне в Риме вдруг в голову пришла идея: а не прогуляться ли с классиком по Вечному городу, в котором он прожил десять лет? С ним наверняка найдётся, о чём вспомнить. Недаром же говорят, что новое – это хорошо забытое старое.

Короче, рискну, нагряну к нему, а там посмотрим, что из этого получится!

...Я ехал к Николаю Васильевичу Гоголю на виа (улицу) Систина и краем уха слушал в машине по радио Адриано Челентано. Он пел что-то про любовь, а я с тоской думал о парковке – на узеньких улочках в историческом центре Рима скорее найдёшь бриллиантовое кольцо, предательски соскользнувшее с дамского пальчика, чем свободное место для автомобиля.

«Душа моя не слышит, поскольку много света...» – пел Челентано из динамиков. А что, довольно похоже на Гоголя. Не он ли говорил в письмах про Италию: «Чья рука вырвет меня отсюда? Что за небо! Что за дни! Лето – не лето, весна – не весна, но лучше весны и лета, какие бывают в других углах мира. Что за воздух! Пью – не напьюсь, гляжу – не нагляжусь. В душе небо и рай. У меня теперь в Риме мало знакомых, или, лучше, почти никого. Но никогда я не был так весел, так доволен жизнью».

Да, Николай Васильевич, это вы замечательно подметили, подумал я и тут же, опустив боковое стекло, шумно покрыл непарламентскими выражениями нахальных владельцев мотороллеров, рискованно, не соблюдая никаких правил, шныряющих густой стаей мальков между машинами.

«Порка вакка (римское ругательство)! Ведь все зеркала так расколотят!»

А вот наконец и виа Систина. Кстати, сам Гоголь, проживший на этой улице долгие годы на третьем этаже дома номер 126, такой улицы не знал, поскольку в его времена она называлась по-другому – виа Феличе, что можно перевести на русский как Счастливая.

Ну так что, виа Феличе – Систина, парковку предоставишь? Конечно, губы раскатал! Зря всё-таки на метро не поехал.

Однако после сорока минут скитаний по близлежащим переулкам мне повезло. Нашёл-таки свободное место напротив маленького закрытого магазинчика. А было оно не занято только потому, что очерчено жёлтым квадратом и с табличкой «Скарика мерче» («Разгрузка товаров»), и вставать сюда посторонним автомобилям просто не положено. Но была – не была. Тем более сегодня – воскресенье. В общем, бросил на опасном месте машину и отправился к Николаю Васильевичу.

Вот он, дом номер 126, вот дубовая дверь в подъезд, а вон и окна гоголевской квартиры на третьем этаже. К слову, во времена Гоголя это была даже не квартира, а одна просторная комната с двумя окнами, в которой рядом с дверью стояла кровать, посередине большой круглый стол, у одной стены возле книжного шкафа находился узкий соломенный диван, а у противоположной стены помещалось высокое письменное бюро, за которым Гоголь работал стоя. За этим бюро он и написал последний том «Мёртвых душ», а потом тут же, как предполагают учёные мужи-литературоведы, сжёг в небольшой изразцовой печке.

Получается, что рукописи всё-таки горят, хотя Воланд утверждал обратное! А жаль, что

Мессир ошибся. Или всё-таки не ошибся? Может, эта рукопись когда-нибудь чудесным образом обнаружится?

По бокам бюро располагались стулья, в беспорядке заваленные книгами и бельём. Никаких украшений, не считая изящного древнего масляного ночника на подоконнике – римской лампы, горевшей по вечерам и заменявшей писателю свечи. На каменном мозаичном полу – два коврика.

Именно из окон этой комнаты литератор любил частенько подглядывать за римскими обитателями. Он сам об этом рассказывал. Например, про двух водоносов, остановившихся под его окнами.

«Я целый час подсматривал за ними из окна и конца не дождался. Смех не умолкал, прозвища, насмешки и рассказы так и летели, и ничего водевильного тут не было; только сердечное веселие да потребность поделиться друг с другом обилием жизни».

Без сомнения, всё, что болтали эти двое, Николай Васильевич прекрасно понимал, поскольку итальянский был для него почти что русский. Более того, писатель чуть ли не в совершенстве владел именно римским диалектом, который даже не всем коренным жителям Апеннин по силам. Не зря же он запоем читал сонеты римского поэта Джоакино Белли, сочинявшего исключительно на римском говоре, и был даже знаком с ним лично. Интересно, Николай Васильевич сразу запомнил полное имя итальянского литератора, звучащее для русского слуха, согласитесь, весьма сложновато – Джузеппе Франческо Антонио Мария Джоакино или всё-таки ему некоторое время пришлось помучиться?

Виа Систина довольно коротенькая, одним концом спускается к площади Барберини, а другим поднимается на холм Пинчо, который ныне облюбовали лавочники и уличные художники и с которого вниз, к площади Испании и виа Кондотти, ведёт знаменитая Испанская лестница. И если выйти из подъезда дома Гоголя, то к Барберини надо идти налево, а к Испании – направо.

Так куда пойдём, Николай Васильевич? В гору или с горы? Ну, конечно же, в гору, на холм Пинчо, к художникам, а потом сойдём по лестнице на площадь Испании и выйдем на виа Кондотти. Я-то понимаю, почему вас туда тянет. Вы ведь большой любитель вкусно поесть и именно там находилась траттория «Лепре» («Заяц»), в которой вы с удовольствием обычно заказывали макароны «аль денте» (переводится, как «на зуб», то есть чуть недоваренные) и молодого барашка. Бывало, правда, и местный ризотто с курочкой пробовали. Да и от хорошего белого вина, как любой добропорядочный христианин, никогда не отказывались. Вы ведь больше всех других вин римские белые уважали. Я знаю. И даже остроумно называли их «добрыми распорядителями желудка». А коктейль из козьего молока с ромом, который вы смешно окрестили «гоголь-моголь», не забыли?

Кстати, помните, это было уже тогда, когда вы вернулись в Санкт-Петербург, как своим друзьям готовили «недоваренные» макароны? Помилуйте, разве возможно было это делать! Они вряд ли могли оценить угощенье, не понимая, что итальянские макароны надо есть только «аль денте» и никак по-другому. Даже сейчас, почти через два столетия, туристы из России строят недовольные физиономии и требуют их доварить! Сам неоднократно был тому свидетелем.

Впрочем, говоря откровенно, и вы, Николай Васильевич, изрядно привередливы бывали. В той же «Лепре» официантов гоняли за милую душу. Порой раза по два блюдо с рисом заставляли менять, находя его то переваренным, то недоваренным, и всякий раз прислужник менял блюдо с добродушной улыбкой как человек, привыкший к странностям иностранца, которого уважительно называл синьором Николо.

Но надо отдать вам должное. Откушав, вы приходили в хорошее расположение духа, откидывались на спинку стула, становились весёлым и начинали шутить с официантом, которого ещё минуту назад костерили почём зря. И обязательно одаривали его разумными чаевыми.

Однако, увы, теперь славной траттории «Лепре» не существует, исчез и другой ваш любимый ресторан «Иль Фальконе» («Ястреб»), что был рядом с Пантеоном. Припоминаете такой? Зато на виа Кондотти осталось «Антико кафе Греко», в котором вы были завсегдатаем. Может, заглянем туда? Ведь кроме разнообразных лакомств там, в глубине кафе, есть ваш миниатюрный портрет и исписанный листок бумаги под стеклом со строчками из письма к Плетнёву от 17 марта 1842 года. Не забыли, что тогда ему сообщали? Впрочем, ежели запамятовали – не беда, сейчас подскажу: «О России я могу писать только в Риме, только там она предстаёт мне вся во всей своей громаде...»

А после кафе можем отправиться к фонтану Треви, к дому, который снимала княгиня Зинаида Волконская, прежде чем купить себе виллу. У неё вы нередко бывали. Там же встречались и с поэтом Белли. И даже на одном благотворительном вечере, который устроила княгиня, соблаговолили читать публике своего «Ревизора».

Или доберёмся до площади Святого Петра, где вы частенько гуляли и любили наблюдать закат? Или нет, лучше пойдём на улицу Сант-Изидоро, 17. Она неподалёку от виа Систина, на полпути к виа Венето. Зачем? Неужто вылетело из головы? Ведь в марте 1837 года, когда вы изволили впервые пожаловать в Рим, то поселились именно по этому адресу. Это потом, чуть позже, поменяли квартиру, перебравшись на виа Феличе – Систина, в которой прожили до 1842 года и где писали, а потом, явно погорячившись, спалили последний том «Мёртвых душ».

В общей сложности ваши римские каникулы длились почти десять лет – окончательно в Россию вы уехали в 1847 году – и за это время успели пожить ещё в одних апартаментах в доме польского магната Понятовского на виа Кроче, 81, что примыкает к площади Испании и тянется параллельно виа Кондотти. Не так ли?

Ну что, Николай Васильевич, пойдёмте гулять по Риму, подышим им. Не вы ль столь восторженно говорили о воздухе Рима: «Верите, что часто приходит неистовое желание превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше – ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа, у которого бы ноздри были величиною в добрые вёдра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны... Что за воздух! Кажется, как потянешь носом, то,

Фото автора

по крайней мере, семьсот ангелов влетают в носовые ноздри».

Сейчас, правда, Николай Васильевич, с воздухом надо быть поаккуратнее. С тех пор изменился он прилично. И вместо ангелов в ноздри могут влететь демоны из выхлопных автомобильных труб. Но зато красота тут осталась практически нетронутой, прежней. Её в Риме с тех пор никто не сносил, не перекраивал, не поджигал, точечно не калечил. И ваше восхищение Италией и Вечным городом разделяю на все сто. Ведь это же вы сказали: «Вот моё мнение! Кто был в Италии, тот скажи «прости» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю. Словом, Европа в сравнении с Италией всё равно, что день пасмурный в сравнении с днём солнечным».

Да, Рим образовался, жил, развивался, завоёвывал пространства и процветал ещё за семь с половиной столетий до появления на свет младенца под именем Иисус. И не будем спорить о том, что главнее: камни Древнего Рима или колыбель Бога. И то и другое не противоречат друг другу.

Вам честно признаюсь: по Риму не надо ездить ни на конной повозке, ни на машине. По нему надо бродить пешком. Не спеша. Заглядывая во все переулки, рассматривая стены, кованые решётки, балконы, двери, арки, акведуки, античные развалины и камни. Надо слушать его фонтаны и заходить в маленькие бары выпить крохотную чашечку крепкого кофе. Надо по глотку пить густой аромат Вечного города, который аккумулировал в себе культурную энергию почти трёх тысячелетий. Поверьте, залпом Рим не выпить. В противном случае его богатейшего вкуса не распробуешь.

Словом, давайте, теперь покажите мне Рим вы, как в былые времена, когда сами проводили экскурсии по Вечному городу приезжим знакомым соотечественникам. Помните, эти свои экскурсии вы обязательно начинали от Колизея и заканчивали в Ватикане перед собором Святого Петра. Не хуже нынешних гидов умели водить и рассказывать.

Не против? Тогда пошли, Николай Васильевич...

Никита БАРАШЕВ,
собкор «ЛГ», РИМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА представляет: книжная коллекция

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Узнай все тайны первым!

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Новый том — в продаже каждую среду!

Соберите всю коллекцию из 45 томов!
Подробности на www.lgz.ru

Дорогие читатели,
если вы не успели купить нужный вам том в киосках печати, то вы можете приобрести его по адресу:
г. Москва, ул. Щепкина, д.47, стр. 1
Телефон для справок: (495) 688-80-78

с 11 апреля

Врата Шамбалы
Н.Х. Ахметшин
Легендарная твердыня света буддийских преданий Центральной Азии, сокрытая от будничного и жестокого мира страна — Шамбала... Никто из путешественников и паломников не утверждает, что побывал там, в лучезарной обители святых; это доступно, согласно древним тибетским текстам, лишь тем, кому предназначена особая миссия на земле. Но и в преддверие чудесной страны попасть не так-то просто, ведь даже предгорья Гималаев выше и труднодоступнее Альп и Кавказа...

с 18 апреля

Пустыня Наска. Следы иного разума
А.Т. Белоконь
Нечасто бывает, что книга автором не просто написана, но выстрадана, выношена, как ребенок матерью, которая заботится и думает о нем, где бы она ни находилась. Именно такая судьба, редкая и счастливая, — у книги Аллы Тарасовны Белоконь, которую она создавала около тридцати лет, посвятив ее одной из величайших загадок древней истории Земли. В далеком Перу, в Андах, на пустынном, безжизненном плато Наска расположено множество геоглифов...

Реклама

*Рекомендуемая цена во всех киосках печати Москвы и Московской области

Литературная газета

Всемирное русское слово

Выпуск 6

Совместный проект Московского центра международного сотрудничества и «ЛГ»

По большому нравственному счёту

Сейчас, когда над нами не довлеют идеологические рамки и творческая личность предоставлена самой себе, нас снова выручают те корни, из которых мы происходим. И конечно, наше становление в недавнем прошлом проходило под знаком державы, имя которой – Советский Союз. На мой взгляд, этого не надо стыдиться, потому что с этой страной связано наше детство, юность, и мы дорожим своими воспоминаниями, своими друзьями того периода, своим становлением, своими творческими открытиями.

Поэтому необходимость налаживать старые творческие связи и контакты возникла сразу же после распада Союза, а если по большому нравственному счёту, то представители литературы и культуры многонационального Казахстана никогда их и не порывали.

Литература, в данном историческом случае, русская и русскоязычная – это, на мой взгляд, форма речи, которая и оформляет разговор по душам и разговор с душой. Сменяются исторические условия, социальные положения, а душа остаётся.

Всё это сопрягается и с принципами и идеями Евразийского союза, декларация которого недавно была подписана в Москве Белоруссией, Казахстаном и Россией.

И не только в экономической и социальной сфере. Государственная программа «Культурное наследие» вот уже десять лет приносит добрые плоды во имя становления нового поколения – поколения XXI столетия.

А библиотечная серия этой широкомасштабной Государственной программы издаётся по инициативе Первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева.

Всех нас объединяет язык великой русской литературы как инструмент выражения своего национального восприятия. Если отбросить все политические и идеологические каноны и постулаты прошлого, то сейчас мы находимся в процессе ренессанса. Нам необходимо это живительное культурное пространство. Оно было, оно есть, оно будет. Оно заложено в нас генетически. Мы воспитаны не только на Абае и Махамбете, Рудаки, Омаре Хайяме и Хафизе, но и на Пушкине, Марине Цветаевой, Андрее Платонове. Через восприятие русской литературы мы узнавали и европейскую. Мосты этой культуры нам необходимо свести и, как атлантам, держать это небо нашего единого культурного пространства для нас и будущих поколений.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ,
заслуженный деятель Республики Казахстан

Русская литература Казахстана

Фрагмент статьи-исследования

В современном литературном процессе Казахстана жанровые границы размываются, и именно на стыке жанров документальной прозы, воспоминаний, мемуаров рождаются, как правило, интересные вещи. Роман исторический («Лобное место» Николая Корсунова), роман-эссе («Эффект неприсутствия» Константина Гайворонского), эссе («Не надо грустить, господа офицеры...» Владислава Владимирова), дневник («Дневник» Геннадия Доронина), фантастическая повесть («Свет земной» Геннадия Доронина), повесть в рассказах («Великие скитания» Надежды Черновой), филологическая проза («Пролётная птица» Веры Савельевой), произведения Николая Верёвочкина, Ольги Марк, Виктора Мосолова и многих других. Широко известно поэтическое творчество Валерия Михайлова, Владимира Гундарева, Надежды Черновой, Любови Шашковой и т.д.

Яркие представители казахской русскоязычной литературы предпринимают попытки осмысления художественными средствами новой действительности, воссоздают картины истории, далёкой (трагическая судьба военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия) и не столь отдалённой, в том числе героические и трагические страницы афганской войны. Творчество крупных мастеров Казахстана получило широкое признание далеко за пределами родины – в США, России, Канаде и т.д.

Национальное своеобразие поэтики Олжаса Сулейменова выявляет Бахытжан Канапьянов: «Он может буквально одной строфой обозначить свою сыновью причастность к казахскому фольклору, казахскому эпосу и вновь, следуя принципу «от частного к общему», предстать сыном человечества...»

Определяя место О. Сулейменова в евразийском и мировом литературном пространстве, профессор Колумбийского университета (США) Рафиз Абазов особо акцентирует внимание на великолепном знании «писателем-интеллектуалом» национальной, региональной и мировой культуры. Он характеризует поэта как «великого писателя, тонко подмечающего детали, любящего жизнь, имеющего свой характерный и совершенно локализованный стиль письма».

Для прозы Роллана Сейсенбаева, Сатимжана Санбаева, Аслана Жаксылыкова, Дидара Амантая, Дюсенбека Накипова характерны расширение тематики, углубление психологизма и драматизма. Прошлое, настоящее и будущее, картины реальной жизни и вымысел, фантастические сюжеты и образы соседствуют с вполне современными героями. В прозе современных авторов раскрыты эволюция чувств, мыслей и переживаний героев, напряжённая внутренняя жизнь. (...)

Светлана АНАНЬЕВА,
заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, кандидат филологических наук, доцент

ПОЭЗИЯ КАЗАХСТАНА

«Каждому из нас дано быть ближним»

Каждому из нас придётся это
испытать,
на то мы и поэты,
чтобы мерить мир единой мерой –
образом своим,
как время – эрой.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

АЛМА-АТА ПЯТИДЕСЯТЫХ
Из лирики прошлых лет

ГАДАЛКА

Зайди в мой дом,
со мною подыши.
Открой себя, как открываешь двери,
сними одежды пыльные с души,
доверься так, чтобы тебе доверить.
Если плясун, зачем стоять?
Спляши!
Пусть рухнет балка
над моей гадальней.
Если поэт –
прочти мне для души
дастан Саади о дороге дальней.
Ты возбуди во сне угасший дух,
зачем огонь моих огромных окон?!
Где жив один,
найдётся жизнь для двух,
не обойди тот дом, где одиноко.

ШЁПОТ

О, восходы какие
Над великим Египтом!
Тают лица нагие
Под прозрачной накидкой.
Над пустыней,
Над миром.
– Для чего?
– Так, для вида.
Словно девичьи груди,
Плывут пирамиды…

– Караван-баши…
Караван-баши…
Плавно тают в тени верблюды…
Кто идёт?
Паломники?
Торгаши?
Кто идёт караваном?
– Люди…

По песку многоточий
К колодцу ответов…

ЖАРА

Ах, какая женщина,
Руки раскидав,
Спит под пыльной яблоней.
Чуть журчит вода.
В клевере помятом сытый шмель гудит.
Солнечные пятна бродят по груди.

Вдоль арыка тихо еду я в седле.
Ох, какая женщина! Косы по земле!
В сторону смущённо
Смотрит старый конь.
Солнечные пятна
Шириной в ладонь.

***

Что такое лишние?
Попробуйте
постоять на кромке
горной пропасти.
Каждому из нас
дано быть ближним,
не оценишь,
если не был лишним.

Татьяна ФРОЛОВСКАЯ

НАСТРОЕНИЕ

Настройщик, настройщик,
настрой мои струны,
настрой мои жилы, настрой мои мысли.
Запенились гребни, барашки, буруны,
и тёмные тучи безмолвно нависли.

Нет музыки прежней: ни бреда, ни блажи,
и чувства, и думы, и страсти убоги,
небесный судья недостаточно страшен,
страшней, что отца не признала я в Боге.

И вот сиротой без любви и без страха
кукую над белым безмерным
пространством,
а что там – виднеется крест или плаха,
сума, иль тюрьма, или нищенство
странствий?

А что там чернеется? Чёрная речка?
Куда там! И этого мы не заслужим.
Стреляешь – осечка, стреляют – осечка,
не ворон – воробушек жалобный кружит.

Отец ли родимый, судья ли гонимый,
певец ли – соперник весны соловьиной,
а вдруг – соглядатай, вдруг – бес анонимный –
и все над моей головою повинной.
По штилю в беззвучие я отплываю.
Настройщик, настрой, натяни мои нервы.
Кругом пустота – на тебя уповаю,
единственный встреченный,
встреченный первый!

ХВОЙНЫЙ ЛЕС

Вершинами в тучах лиловых…
В дремучести веток еловых –
явленье сакральных глубин.
Простуженный голос кукушки
пророчит в кустах на опушке
влюблённым, безлюбым, любым.

Явившись в сей мир путешествий,
я беженец – жертва нашествий
на душу поэзий и проз –
под музыку бледной подделки –
пастушьей, кукушьей сопелки –
за миг до безудержных слёз.

Репьи в маскарадном отрепье,
вяжусь паутиновой крепью,
осталось мгновений в обрез.
Чудит кораблём сухопутным,
качается с ветром попутным
стотысячемáчтовый лес.

Не скучно в дремучем безлюдье:
в беззвучье взведённых орудий
и вахтенный сказочно спит,
одна атлантистка-артистка,
земель и морей пародистка
шпионские карты кропит.

ИТАР-ТАСС

Не будет побед, поражений,
кровавых и дымных сражений,
не будет резни и стрельбы…
Останется праздная вечность,
и смеха и слёз бесконечность,
и лес для любви и гульбы.

Любовь ШАШКОВА

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Валерию Михайлову

Яблоки, яблоки рви про запас!
Август пришёл. А с ним Яблочный Спас.

Яблоки в детском лежат подоле.
Счастья-то сколько на отчей земле!

Яблоки падают в Березину,
И не догнать мне воровку-волну.

Ах, далеко утекает река,
Еле видна она издалека…

Яблок с тех пор я вкусила вполне,
Тайна их терпкая ведома мне.

Тайна реки приоткрылася в срок, –
Жизни моей это первоисток.

Тайна же Света с Фаворской горы
Непостижима до сей мне поры.

Не потому ли бредущим во мгле
Горя-то сколько на отчей земле.

Преображенье коснётся ли нас?
Яблоки, яблоки… Яблочный Спас.

СТЕПЬ

Акиму Тарази

Какой глубокий горизонт
Зимою под Карагандою.
Небесной меряный верстою,
Чтоб даже взор достать не мог.

Чтоб даже птице долететь,
Чтоб даже всаднику домчаться
Не в силах было. Оказаться
В степи зимою – та же смерть.

И здесь жила моя душа.
В безбрежности носима ветром,
Влекома к дальним миражам,
Не отторгаемая степью…

За неприметною Нурой,
Затерянной за снежной пылью,
Совсем, совсем иной порой
Здесь те же горизонты плыли.

А поезд мчится наугад
Стальной дорогой от вокзала,
От той меня, что век назад
Свою колейку не узнала.

Небесной меряный верстой
Не нами путь наш обозначен.
Гляжу на степь во мгле пустой.
И узнаю её. И плачу.

Валерий МИХАЙЛОВ

***

Ветром рассеянные облака,
Тонкою высью разворошённые,
Неба касающиеся слегка,
От всего-то уже отрешённые…
Чайка ли, чая, сронила перо,
Ящерка ль в пекле песка печётся,
Солнце ль, волну пробивая остро,
Ровной полоскою света несётся
Чуть впереди…
На земле пестро,
Как в небесах…
И всё это добро
В прах поразвеется, порассосётся,
Паром растает, переведётся;
Всё, что ни молодо, то и старо.
Только душа, может быть, спасётся.
Где же ей там без меня куковать –
Знает, наверно, про то и не зная,
Что по-над морем хохочет опять
Чайка безумная и заводная.

***

Вот ангел, свивающий небо
в дымящийся свиток,
Земля, обнажённая пред ослепительной
бездной,
Черней слепота этой бездны,
чем чёрные дыры,
Куда провалилось пространство,
где времени нет…
Последний земной человек, что
ты зришь напоследок?
Как с небом свиваются в темь
непроглядную звёзды?..
Как чёрным потопом встаёт
непомерная стужа?..
Как ангел уносится к Свету с твоею душой?..

Владимир ГУНДАРЕВ

ОДА ВОРОБЬЯМ

Воробьи – как евреи – бытуют везде,
На широтах любых, до полярного круга.
Если туго, то так же поддержат друг друга,
Ни за что не оставят беднягу в беде.
Воробьи – неунывы, их нрав незлобив,
Дружно держатся вместе весёлой ватагой.
На обидчика кинутся с дерзкой отвагой,
По-мужски опекают своих воробьих.
Увлекутся, как дети, вдруг шумной игрой.
К ним напрасно относятся люди предвзято.
Если даже слегка озоруют порой, –
Но ведь это у них от избытка азарта.
Обитатели самых суровых краёв,
Терпеливо зимуют в предчувствии лета.
…Я чем дольше живу в мире суетном этом,
Тем всё больше и больше люблю воробьёв.

НАКАЗ ДЕДА

Напутствовал дед хитроватый,
Мне пальцем с остраткой грозя:
«Откладывать дело на завтра,
А девок на старость – нельзя».

Всё время я помнил об этом,
И всё же – досадный пробел:
Я справился с первым заветом,
А вот со вторым – не успел.

***

Мои враги, свой пыл умерьте,
Мои друзья, всегда я с вами.
Я буду жить до самой смерти,
Хотя она не за горами.
Пока наполнен жгучей кровью, –
Тяну упорно воз с поклажей.
Сказать вам, как моё здоровье? –
Так это вскрытие покажет.

ПРОЗА КАЗАХСТАНА

За хлебом

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Поэт, писатель, кинодраматург. Автор более тридцати книг поэзии и прозы, вышедших в Казахстане, России, США, Украине, Малайзии, Южной Корее. Лауреат ряда международных литературных премий. Живёт в Казахстане.

I

Мальчика послали за хлебом.

Обычно в магазин за продуктами, а значит, и за хлебом отправляли его сестёр или старшего брата, подчёркивая тем самым, что у мальчика последнее свободное от домашних поручений лето перед школой, ибо мальчик этой осенью должен идти в первый класс. «Успеется ещё ему помогать по дому», – ласково бурчала нянька, поручая купить молоко и хлеб кому-то другому, кто старше, но не мальчику, который с раннего утра только ему понятным чувством исследовал и постигал пространство широкого двора и огорода.

В тёмном сарае он видел, как солнечный луч, пробившись сквозь небольшое оконце, разделял сарай на видимую и невидимую части, светящимся прозрачным снопом ложился на земляной пол, вбирая в себя бесчисленное множество мелких былинок, которые невесомо плыли в пятнах льющегося света.

Петух, охраняя хохлаток в отсеке курятника, следил своим круглым неподвижным глазом за движениями мальчика. Алый гребень слегка свисал на его голове, готовый в любой момент воспрянуть в полутёмном царстве сарая.

Мальчик вышел из сарая и направился к огороду, где в дальнем углу был колодец, в который опускали бидон с молоком, и поэтому молоко всегда было прохладным и вкусным. Горловину бидона покрывали марлей, а сам бидон с только что купленным молоком помещали в большое, широкое ведро на цепи. И это ведро, но уже с бидоном осторожно опускали почти до воды колодца. Мальчик помогал домашним поднимать и опускать это ведро с молоком, крутя рукоять и наблюдая, как цепь ровными кольцами огибает бревно подъёма, стянутое по краям железными ободами. Самым захватывающим было, когда мальчик вглядывался в тёмный сруб колодца и из его мрака, из прохладной глубины проступила зеркальная поверхность колодезной воды, и кто-то, похожий на него, мальчика, смотрел снизу вверх, отвечая на его возглас глубинным эхом:

– А-а-а-а!

– Вот ты где! – подошла к мальчику нянька. – Дома, как всегда, никого, а к ужину хлеба ни крошки. Вот тебе деньги, купишь буханку белого и буханку чёрного. Далеко не ходи, только в ларёк, что через квартал.

Мальчик, обрадовавшись такому поручению, взял синюю пятирублёвку, сетку-авоську в крупную клетку и потопал к воротам двора.

– Сдачу не забудь взять, – крикнула ему вдогонку нянька.

– Ладно!

Боковая дверь больших деревянных ворот со скрипом открылась и выпустила мальчика на улицу.

II

Улица имела название – Первого мая. Дома были все в один этаж, каркасно-камышитовые, саманные и деревянные, только там, вдали улицы, едва виднелись двух- и трёхэтажные постройки, а здесь дома все были с палисадниками, в которых росли клёны и акации, закрывая своей листвой окна со ставнями. У каждого дома ставни имели свой цвет. У кого-то синие с белыми вырезами, у кого-то зелёные, а у некоторых домов и вовсе неокрашенные, имели деревянный, серый цвет.

Мальчик уже умел немного читать, правда, не вникая в смысл прочитанного. В его комнате висела большая географическая карта, старший брат показывал на карте ту или иную страну, а также острова, реки и моря. И называл их, заставляя мальчика повторять эти названия, а затем показывать на карте. Так мальчик научился переносить по буквам эти названия с карты на бумагу. Первым таким словом было слово «Мадагаскар», которое он по буквам перенёс на бумагу. Во-первых, этот остров очень легко было найти на карте, а во-вторых, он горделиво сопел носом, когда сёстры хвалили его, что в этом слове целых десять букв и все их мальчик перенёс на бумагу.

Первая, перекрёстная – была улица Розы Люксембург. Мальчик остановился на перекрёстке. Как его учил старший брат, оглянулся налево, а затем, дойдя до середины, оглянулся направо, машин, мотоциклов и запряжённых телег не было, и мальчик спокойно перешёл перекрёсток. Справа от него был большой бревенчатый дом. Там было общество глухонемых, и по вечерам они собирались со всего города здесь, в этом доме, общаясь между собой жестами и мимикой. В этот дом два раза в неделю привозили кино. Для глухонемых, но со звуком. Это был единственный на всю округу своеобразный кинотеатр, который посещали и жители близлежащих домов. Мальчик в сопровождении брата также ходил. Правда, было тесно, не то что в настоящем кинотеатре, в «Ударнике» или в «Колосе», всем мест не хватало, и ему приходилось сидеть на деревянном полу рядом со своими погодками, которые, как и он, пойдут этой осенью в школу.

Подойдя к ларьку, мальчик постучал в окошко. Оно открылось, и тётя-продавец, считая на счётах, спросила:

– Тебе чего, мальчик?

– Мне одну буханку белого и одну буханку чёрного, – поднимаясь на цыпочки, чтобы дотянуться до окошка, произнёс мальчик.

– Хлеб только чёрный, и то чёрствый, вчерашний, – отозвалась тётя-продавец.

– А что мне делать? – растерянно промолвил мальчик. – Мне сказали купить чёрный и белый.

– Не знаю, мальчик, не знаю, – отмахнулась от него тётя-продавец. – Сходи на улицу Толстого. Туда должны завезти вечерний, свежий.

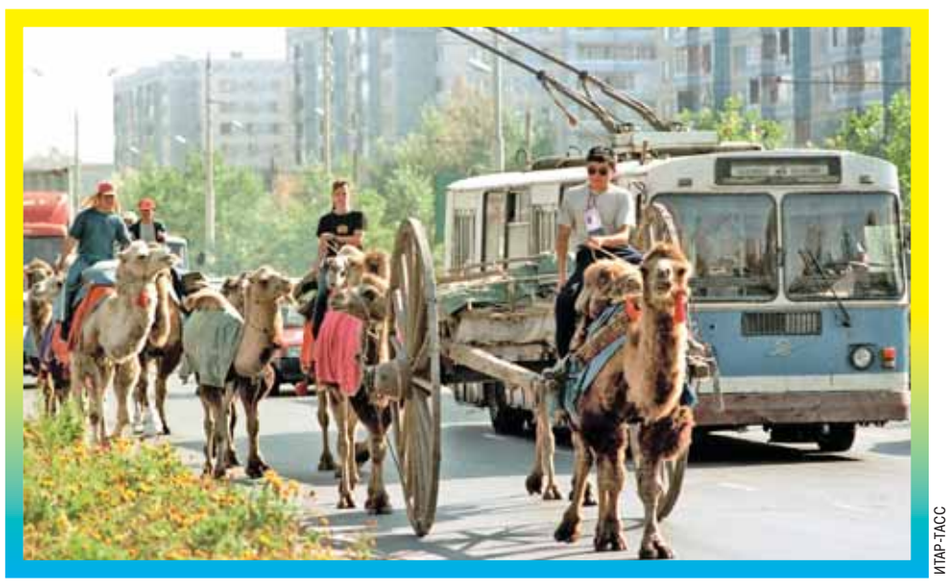
Окошко захлопнулось. И мальчик оглянулся по сторонам, не зная, что делать.

Идти обратно: тогда на ужин в доме не будет хлеба. Пойти на улицу Толстого, конечно, можно. Это в двух кварталах отсюда, но нянька сказала – сходить только к ларьку.

Мальчик, размышляя, сам не заметил, что направляется туда, куда указала тётя-продавец.

Пройдя улицу Максима Горького, он увидел, как мулла в чалме, поднявшись на деревянный минарет мечети, окрашенный в голубой цвет, громко произносит какие-то слова, обходя кругом верхнюю площадку минарета-башни. При этом поднимает обе руки вверх, словно приветствует небо и солнце, которое уже стало клониться далеко за Иртыш.

Мечеть находилась на углу улиц Достоевского и Первого мая. Мальчик знал названия этих улиц потому, что не раз ходил с сёстрами и братом в школу, где работала мама, на новогодний утренник, а также в кинотеатр «Ударник», чтобы не только посмотреть новый детский фильм, но и до сеанса полакомиться эскимо-мороженым.



ИТАР-ТАСС

Школа, где работали родители, как раз и была на улице Толстого, куда должны привезти в хлебный магазин вечерний хлеб.

Проходя мимо мечети, мальчик оглянулся на закрытые наглухо ворота. Мальчик вспомнил, что по улице Первого мая на этот самый праздник, в честь которого и названа улица, всегда вывешивались красные флаги, которые крепились к деревянным воротам домов. Брат объяснял мальчику, что больше всех флагов развевается именно на нашей улице потому, что она и называется улицей Первого мая. А отец этой весной впервые взял мальчика на демонстрацию. Мама надела на него матроску и в руки дала красный бумажный цветок. Когда мальчик с отцом проходили мимо этой мечети, то повстречали несколько стариков, с каждым из которых отец поздоровался, протягивая две руки. Тогда на воротах мечети также развевался красный флаг.

Отец, улыбаясь, попросил позвать самого главного муллу этой мечети. Вышел высокий, худой старик с седой бородой, в халате и в чалме, похожий на старика Хоттабыча. Отец, показывая на развевающийся флаг, стал что-то объяснять старику. Старик утвердительно кивал головой, прикладывая две руки к груди. А когда мальчик возвращался с отцом после первомайской демонстрации, то развевающегося флага на воротах мечети уже не было. На вопрос мальчика, почему сняли флаг, отец, чему-то улыбаясь, ответил:

– Так надо, сынок...

Следующей после улицы Достоевского и была улица Толстого. А за этой улицей был базар, а дальше горсад, где были различные аттракционы – карусели, качели и киоски с морсом, мороженым и пирожными.

А на улице Толстого, напротив хлебного магазина, была парикмахерская, куда водили его усатые дядьки, приехавшие в их дом из далёкого степного аула. Они, конечно, брали его на базар, где долго ходили вместе с ним по торговым рядам и закусочным, но заходили, весело смеясь в усы, и в эту самую парикмахерскую, и брили наголо свои головы, и силком усаживали его, мальчика, в кресло, держа за руки, он кричал и ревел, когда суровый парикмахер ручной машинкой стриг его жёсткие волосы.

Правда, это было один только раз, но мальчик запомнил это навсегда и больше не стригся, несмотря ни на какие уговоры. А нянька пригрозила, что перед школой его обязательно постригут. Даже не постригут, сказала она, а обязательно обреют!

Ну до школы ещё далеко, и мальчик, помахивая сеткой-авоськой, направился в сторону хлебного магазина.

– Ай, мұғалім баласы, отыр!*

Мальчик оглянулся.

Сосед Есентай, сидя на телеге, кнутом подзывал к себе мальчика. Лошадь, фыркнув, понуро остановилась. Мальчик кивком головы поздоровался с соседом Есентаем, улыбаясь, подбежал к телеге и, держась за заднее колесо, вскарабкался и сел позади возничего.

Сосед Есентай дёрнул одной рукой вожжи, а другой чуть хлестнул кнутом коня:

– Чу!

Телега, поднимая пыль, покатила в сторону базара.

Деревянная нога Есентая удобно покоилась вдоль телеги. Мальчик знал из рассказов родителей и соседей, что сосед Есентай воевал и там, на войне, потерял ногу. Он единственный во всей округе имел лошадь и телегу и по вечерам, к концу базарного дня, привозил к себе во двор какие-то мешки, то с мукой, то с картошкой.

Мальчик, весело помахивая сеткой-авоськой и болтая ногами, глядел на проплывающие мимо дома, прислушиваясь к скрипу тележных колёс, которые сливались с тактом ровной ходьбы лошади.

– Қайда бара жатырсың? – спросил по-казахски сосед Есентай, дымя папиросой, и, кивая на сетку-авоську, добавил: – Нанға?**

Мальчик утвердительно кивнул головой и, видя, что одна его сандалия слетела с ноги, попросил остановиться.

Сосед Есентай остановил коня и, усмехаясь в усы, стал наблюдать, как мальчик, держась за колесо, пытается спрыгнуть с телеги. Наконец это ему удалось, и он надел свою сандалию.

– Спасибо!

– Ай, қазақша сөйле, рақмет де!***

– Рахмет, дядя Есентай, – бойко ответил мальчик и помахал рукой.

III

Хлеб ещё не привезли. Несколько человек стояли у входа в магазин в ожидании вечернего привоза хлеба.

Мальчик занял очередь за пожилой женщиной, которая о чём-то толковала с мужчиной. Она кивнула и сказала:

– Я крайняя. Будешь за мной. Только никуда не отходи, дождись, чтобы за тобой заняли.

И добавила с улыбкой:

– Такой маленький, а уже помощник в доме.

Мальчик вздохнул, вспомнив наказ няньки, и уставился в буквы витрины – «Нан – хлеб», словно ища незнакомые буквы, но все они были известны мальчику. Он уже знал со слов старшего брата, что чёрточка означает начало перевода слова на русский язык и наоборот, а значит «Нан» – это хлеб по-казахски.

За мальчиком заняла очередь молодая женщина, он ответил ей, что стоит за той женщиной, которая разговаривает с мужчиной. И тут мальчик почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Мальчик оглянулся и увидел отца, который, улыбаясь, долго смотрел на него из-под слегка надвинутой на глаза шляпы.

Мальчик подбежал к отцу и, обняв его за ноги, стал торопливо рассказывать, почему и зачем он здесь.

Отец держал какой-то свёрток в руке и, продолжая улыбаться, остановил нескончаемый поток слов мальчика:

– Начни с того, что вначале вышел из дома. Как я тебя учил.

– Да, вначале я вышел из дома. Нет, вначале няня сказала, чтобы я купил в ларьке хлеб – буханку белого и буханку чёрного, а потом только вышел из дома.

– А потом?

– А потом... В ларьке хлеба не было, нет, был, но только чёрный и чёрствый, вчерашний. Так сказала тётя-продавец, она сказала, что в этот магазин привезут вечерний. Вот я и жду.

Отец придирчиво осмотрел мальчика, видя, что сандалии надеты на босые ноги, штанишки, поддерживаемые лямками крест-накрест, были не первой свежести, да и ситцевая рубашка с короткими рукавами оставляла желать лучшего. Он вновь улыбнулся, потрепал жёсткие волосы своего сына и сказал:

– Пойдёшь со мной.

– А хлеб? Его же ещё не привезли.

– На обратном пути возьмём.

Отец что-то сказал женщине, за которой стоял мальчик, и они через пустеющий базар пошли в сторону городского сада.

В горсаду было многолюдно. Звучала музыка из репродукторов, а затем чей-то голос стал настойчиво приглашать всех в летний театр, на какую-то встречу.

Отец, держа за руку мальчика, уверенно повёл сквозь людской поток куда-то в глубь городского сада.

Мальчик, оглядываясь, видел, что карусели и детские качели не работали. И все люди спешат на какую-то встречу куда-то по аллее, ведущей к летнему театру.

Отец сел в первом ряду, усадив рядом мальчика. Многие здоровались с отцом, о чём-то с ним разговаривали, затем все начали хлопать в ладоши. Все люди встали со своих мест, стуча откинутыми сиденьями, и продолжали хлопать, пока на сцену не вышел человек в зелёном костюме. Он улыбнулся и передал свою шляпу кому-то из тех, кто пришёл вместе с ним. Шляпа была такая же лёгкая, как у отца, только светлее.

Люди стали рассаживаться по своим скамьям, а кому не хватило мест, стояли у прохода и по краям сцены. Человек стал о чём-то долго и увлечённо рассказывать.

Мальчик вначале слушал, хлопал вместе со всеми, а затем, поглядывая на наручные часы отца, стал ёрзать, беспокоясь, что весь вечерний хлеб продадут и им с отцом ничего не достанется.

Отец, продолжая слушать, второпях объяснил мальчику, что этот человек – очень известный писатель и большая для него радость встретиться с ним.

Мальчик вздохнул и продолжал терпеливо ждать конца этой встречи.

Многие люди задавали какие-то вопросы, и писатель охотно и увлечённо отвечал, вызывая одобрительные возгласы собравшегося народа. И люди вновь хлопали и не отпускали писателя.

После встречи все, кто был в городском саду, стали давать писателю книги, которые он подписывал, спрашивая имя и фамилию читателя.

Отец тоже развернул свёрток, и мальчик увидел книгу, на обложке которой прочёл слово «Абай», и отец, держа его за руку, подошёл к писателю.

Мальчик, не вникая в то, о чём спрашивал писатель отца, начал считать количество пуговиц на костюме писателя и отца. Их число было равным – по две на костюме и по три маленьких на рукавах.

– Тебя спрашивают, чем так озабочен? – слегка подтолкнул мальчика отец.

– Хлеб закончится в магазине, – серьёзно ответил мальчик, вызвав тем самым смех и улыбку писателя и отца.

Писатель погладил по опалённой жарким июньским солнцем макушке мальчика и вручил только что подписанную книгу.

Мальчик положил эту книгу в сетку-авоську и стал торопить и тянуть отца к выходу из городского сада.

На углу улиц Первого мая и Толстого мальчик сказал отцу, чтобы он подождал его, а сам побежал в хлебный магазин и вскоре вернулся в радостном возбуждении, держа две свежие буханки хлеба – белого и чёрного.

В сетке-авоське, которую терпеливо нёс мальчик, покоились две буханки хлеба, белого и чёрного, а также книга, пахнущая ещё не ушедшей типографской краской, запах которой перебивал душистый и ароматный запах вечернего хлеба. Когда мальчику становилось тяжело нести сетку в одной руке, он перекладывал её в другую, перебегая к отцу слева направо, и вновь нёс свою поклажу, держась за твёрдую руку отца, который, глядя сверху на него из-под шляпы, слегка посмеиваясь над мальчиком, иногда спрашивал:

– Не тяжело?

– Нет.

– Может, помочь?

– Нет, не надо, я сам.

И отец вновь погружался в свои мысли, всё ещё находясь под впечатлением этой незабываемой встречи.

У ворот их дома стояла нянька, вглядываясь из-под руки в даль улицы.

– Что, Евдокия Михайловна, заждались нас с сыном? – спросил отец. – А мы с хлебом и с книгой.

– Да я уже к ларьку бегала. Продавщица сказала, что видела нашего кормильца и что он пошёл аж на Толстого. Все уже дома, а его нет и нет, – целуя мальчика, успокоилась нянька.

Жаркое солнце июня опускало свой красный, багровый шар за реку Иртыш, окрашивая его вечные воды волнами заката. И в доме мальчика собралась вся семья – отец и мать, братья и сёстры, няня. И был душистый, вечерний хлеб, белый и чёрный, и была книга писателя, которую отец плавно и певуче уже читал вслух маме, подчёркивая интонацией самые примечательные места. И ждала мальчика карта, что висела над его кроватью, ждала своими странами, морями и океанами.

И мальчик вновь, перескакивая с пятого на десятое, рассказывал родным и близким обо всём, что с ним сегодня произошло. И отец мальчика, вновь улыбаясь, мягким жестом остановил мальчика:

– Мен сені қалай үйреттім? (как я тебя учил?) Әуелі сен үйден шықтың (вначале ты вышел из дома).

– Да, отец, вначале я вышел из дома...

* * *

Прошли годы и десятилетия. Мальчик стал поэтом, писателем, издателем. Вышло много книг мальчика. В разных странах и на разных континентах. Он и сам побывал во многих странах, даже в тех, которых он не видел на карте своего далёкого детства.

И когда он получает из типографии очередной том полного собрания сочинений гения казахской словесности, писателя, на встречу с которым повёл мальчика отец, он сквозь свежую типографскую краску всегда ощущает ничем неистребимый душистый аромат хлеба из далёкого и незабываемого детства.

2009 г.

* Эй, сын учителя, садись! *(каз.)*.

** Куда направляешься? За хлебом?

*** Эй, по-казахски говори. Скажи «рахмет»

Бахытжан МОМЫШ-улы

Писатель, переводчик. Автор многих книг прозы, среди которых и книга об отце, легендарном Герое Советского Союза, писателе-панфиловце Бауржане Момыш-улы. Живёт в Алматы.

Сайгачонок

В.И. Антощенко-Оленеву

Он еще не умел бояться. Большеголовый, пятнистый, лежал сайгачонок на тёплой земле, обсыхая. Шершавый язык горбоносой матери вылизывал его мягкую шёрстку. Глаза детёныша были покрыты светлой плёнкой, и виделись ему сквозь неё тяжёлые мамонты и многозубый махайрод редкого белого цвета. Страшна была встреча с таким тигром. Это ничем не грозило сайгачонку. Те тигры давно вымерли. Мамонты ушли в глубину веков следом за хвощовыми и папоротниковыми лесами. Смутные образы эти, зыбкие, непрочные, унаследовал сайгачонок на миг от пращуров, и постепенно рождался в нём древний, дремучий страх, жёлтый, как глаза тигра. Казалось, мчится сайгак по буйно-горячей равнине, и рык обгоняет его. С криком оборвалось сердце, но не понял сайгачонок, чей это был крик.

* * *

Боль прошила ухо. Забился сайгачонок и увидел сегодняшний мир. Он снова дёрнулся, но его крепко держали двуногие существа. И в зрачках одного из них он увидел себя, но не узнал. Тут почувствовал сайгак, что он свободен, встал на дрожащие, слабые ноги.

– Э-э, да он ещё ходить не умеет! – сказало рыжее существо.

– Погоди, – усмехнулся другой, – он ещё будет пулей носиться. Семьдесят пять километров в час!

– Заливаешь, художник! – не поверил рыжий. – Ха-ха-ха! Антилопа гну!

В сайгачонке снова проснулся древний страх. Казалось ему, что стелется он над степью ветром.

– Модница! – услышал он, и новая бирка сверкнула в его ухе.

– Теперь никуда от нас не уйдёшь! – крикнул бородатый и горбоносый. – Гуляй, дорогой!

А сайгачонок помнил, как подняли его руки бородатого и понесли над степью, и снова он видел своё отражение в его глазах.

Потом, когда он уже бродил в песках со своим тысячным стадом, на водопое в светлой воде видел он не раз своё отражение и мучительно пытался что-то вспомнить, понять.

Боль в ухе и страх скоро забылись. Стадо в многоснежную зиму находилось всегда неподалёку от человеческого жилья. Здесь всегда был корм для них.

В жару, измученные жаждой, сайгаки находили здесь воду и соль. Прохлада воды была как неожиданная ласка. Сайгачонок нюхал чёрные полые стволы, из которых хлестала вода, и на губах оставался вкус железа. Он помнил, что так же пахли руки человека.

...Взорвалось солнце над сопками. Сайгак перелетел через стремнину и оказался у скалы. Зажав коленями тяжёлые руки, сидел на камне косматый человек. Вся земля вокруг него была усыпана мелкими осколками и каменной пылью. По лицу человека бежали слёзы, оставляя грязные следы. На скале сайгачонок увидел тень своей матери. Отбежал, но тень не исчезала. Удивлённый, повернул он голову и посмотрел на древнего художника. Тот сидел неподвижно, и солнце было в его глазах...

И об этом рассказала сайгачонку память, которая ещё старше мамонтов.

...Сайгак научился не бояться людей. Спал в нём страх, а в сердце билось солнце, совсем как в глазах косматого творца. Он близко подходил к жилью и подолгу смотрел на игры безволосых ребят. Полизав вкусной соли, он снова скрывался в песках, в белом саксаульнике.

Однажды, осторожно пофыркивая, подошёл он к холсту, оставленному бородатым человеком, и снова увидел себя. И степь он увидел, и небо и даже услышал, как шурша осыпается песок. Сам он стоял, вскинув голову, и его лировидные рожки казались железными, и бирка сверкала в его ухе.

– Эй, Султан! Натурщица пришла! – крикнул рыжий.

Сайгак вскинул голову и увидел бородатого. Тот шёл, улыбаясь, и солнце было в глазах художника. Сайгак убежал, но страха не было.

Как-то ночью кто-то вспугнул стадо. Оживший ужас погнал сайгачонка за стадом. Топот дробился в степи, а за их спинами рос страшный рёв, похожий на рёв белого древнего тигра. Потом этот рёв переходил в визг, в вой, и этот вой тоже был знаком, потому что было в нём желание крови. Сайгаки неслись по степи, летели, бросали вперёд упругие тела. Звёзды горели в небе волчьими глазами, и уже всё существо сайгачонка было полно воспоминаний о далёких, чёрных веках, когда кровь леденела от рыка, воплей отчаяния и равнодушных трубных криков. Мчались сайгаки, и рёв рос над ними.

– Включай фары! – возбуждённо взвизгнул кто-то.

Сноп солнечных лучей вспорол тьму – яркий, белый, холодный. Сайгаки замерли. Смерть дрожала под их шкурами. Но они не понимали.

– А-а-ахх! – вскрикнули ружья. Солнце обожгло бок сайгака. Он побежал, припадая на ногу. Тёмное чувство гнало его к жилью егерей. Шурша в песках, протекла змея. Утюжила бархан старая черепаха, которая тоже помнила мамонтов, и сидел у скалы, у самой первой своей картины, косматый человек. Сайгак упал. Он снова услышал страшное. «Ах! Ах!» и сразу стало горячо в груди. Радостно взвизгнул браконьер. Но сайгак не слышал его. Он снова увидел себя таким, как на картине художника, и ту же степь увидел, и парня с жёлтыми, как у тигра, глазами. Страха не было. Было солнце в глазах художника, и слёзы бежали по его щекам, когда поднял он сайгачонка, а по рукам его стекали струи усталого закатного солнца. Последним, что услышал сайгак издалека, был крик человека:

– Что ты наделал, сволочь! Что ты наделал!

...Густые туманы ползли по земле. Таяли в них косматые мамонты.

Андрей ВОРОНЦОВ

Называйте меня пророком

Отрывок из романа

Низкий свист авиационных двигателей донёсся со стороны лётного поля, стёкла тонко задребезжали. Енисеев с фотографом поднялись с банкетки, распрямили затёкшие члены и, позёвывая, пошли к барьерчикам, ограждающим от публики маленький зал прилётов. Невыспавшийся солдат из оцепления, завидев их, выставил обе руки вперёд. Они показали ему аккредитационные карточки.

– Ладно, – кивнул он, – только стойте здесь, дальше не ходите.

Фотограф занялся аппаратурой, а Енисеев, облокотившись о барьерчик, глядел сквозь мутное стекло на затянутое лениво колыхающимся туманом лётное поле, над которым занимался хмурый рассвет. Он не видел ни самолёта, ни пассажиров. Минут через пятнадцать из клубов тумана наконец появились люди. Как ни странно, впереди шла не охрана и не первые лица делегации, а тележурналисты со снимающей техникой. Такое бывало, когда телевизионщики забегали вперёд для съёмки, но эти ничего не снимали и даже не расчехляли аппаратуру. Гомоня, они ввалились в аэропорт. Судя по шипящим и жужжащим звукам их речи, это были поляки. За телевизионщиками наконец показалось несколько ВИП-персон, то есть людей с холёными лицами и в дорогих костюмах, но коротышки Леха Качиньского с супругой среди них не было. Шествие замыкала журналистская сошка помельче, вроде Енисеева и фотографа. А где же Качиньский?

Недоумевающий Енисеев ждал, когда прибывшие пассажиры пройдут паспортный и таможенный контроль. На выходе из турникета он поймал за рукав одного поляка – носатого светловолосого парня в ветровке.

– Слушай, пан! А где ваш президент? Где правительственная делегация? Польске керовництво?

– Летят за нами, – на чистом русском языке с едва уловимым акцентом ответил парень. – По инсайдерской информации. – Он подмигнул. – Через полчаса или час будут здесь. Так что ждите.

– Через полчаса или час? – удивился Енисеев. – Но туман сгущается, видимость метров двести! Вы-то, наверное, с трудом сели, а они?

– Не беспокойся. Их самолёт набит электроникой. Они сядут и с завязанными глазами. Слушай, а где здесь бар?

– Нигде. Это же военный аэродром.

– А «дьюти-фри»?

– Тоже нет.

Белобрысый заметно расстроился.

– С меня причитается. За «инсайдерскую информацию». – Енисеев вынул из кармана куртки маленькую бутылочку «Ред Лэйбл» из Надиных запасов и протянул поляку.

От радости тот перешёл на польский:

– О-о! Дзенькую! Дзенькую! Спасибо! Вчера перед вылетом сильно выпили, а в самолёте сухой закон! Вот так вы, русские, поляков покупаете!

– И неполяков тоже, – уточнил Енисеев.

Белобрысый загоготал, мигом открутил голову бутылочке и отхлебнул половину.

– А ты будешь?

– Пей, у меня ещё есть, – Енисеев достал другую бутылочку, «Джек Дэниэльс», и тоже отхлебнул.

– Да у тебя полные карманы виски! – с завистью воскликнул поляк. – А ещё говорят, что русские непрактичны! Я вот недодумался взять с собой!

– Всё же, я думаю, они не прилетят... – сказал Енисеев, щурясь на туман, уже вплотную подступивший к окнам аэропорта. – Разве можно рисковать в таком тумане, даже если самолёт набит электроникой? Они, наверное, уйдут на запасной аэродром.

– Да ты что? Какой запасной аэродром? Только Смоленск! Церемония назначена на утро! Там, в Катыни, уже люди собрались!

Енисеева как будто что-то толкнуло в спину. Знакомо, с томительной оттяжкой, ударило сердце. Он ещё и не думал ничего говорить, как услышал, словно со стороны, свой голос:

– Самолёт Качиньского через сорок минут разобьётся при посадке. Все люди на борту погибнут.

Поляк остолбенел, а потом осклабился:

– А, понимаю, шутка, чёрный юмор! Или, как у вас говорят... прикол! – Он погрозил пальцем: – Не любите вы Леха Качиньского! Ох не любите! Или ты стрингер и хочешь сенсации? Но сенсации приходят, когда их не ждёшь. Ладно, пойду к своим. Спасибо за виски!

Он ушёл, а Енисеев невидящими глазами смотрел ему вслед. Потом глянул на часы: 10.01.

– Ты чего его пугаешь? – недоумённо спросил фотограф. – Это же не шутка – самолёт с людьми! Они здесь при чём? Стюардессы, например? У тебя же жена – стюардесса! Она случайно не в полёте? Готов спорить, что сейчас этот журналюга будет своим рассказывать, какие русские папарацци кровожадные.

Енисеев ничего ему не ответил и отошёл в сторонку. Ему было страшно. Никогда он ещё ничего не предсказывал о гибели людей и не желал ничьей гибели. Не хотел же он гибели своим дядьям, когда сказал им в детстве, что они гибнут! Если речь шла о жизни людей, для него не имело абсолютно никакого значения, русофоб или не русофоб Качиньский и так ли уж невинны люди, летящие с ним. Не он им давал жизнь, не ему отнимать её. Енисеев читал о колдунах и экстрасенсах, потаённые злые желания которых материализовались помимо их воли. Но ни по пути в Смоленск, ни во время ожидания на этом убогом аэродроме он не испытывал и тени желания, чтобы самолёт Качиньского разбился. Он даже ни о чём подобном и не думал, и сама эта тема возникла всего несколько минут назад в связи со сгустившимся туманом. Енисеев закрыл глаза, представил разбившийся лайнер, разлетевшиеся на несколько десятков метров окровавленные кресла и вещи, искромсанные человеческие останки... На спине его выступил холодный пот.

Впервые за историю своих предсказаний Енисеев стоял перед необходимостью что-то делать. От него совершенно не зависело, начнётся война в Афганистане или нет, заработают или нет остановившиеся моторы во время памятного иркутского рейса. Он лишь сказал, что война начнётся и что через двадцать минут двигатели заработают. Он не мог ничего изменить в будущем Путина, увидев его сходство с бюстом Цезаря из Британского музея. Он лишь написал, что Путин из того же типа людей, что и Цезарь, и политические клоуны – ему не конкуренты. Но самолёт Качиньского, если верить польскому журналисту, был ещё в воздухе и будет ещё не меньше получаса. Пророчество гласило, что он разобьётся при посадке, – стало быть, пока он в воздухе, ещё можно что-то изменить. И, хотя история человеческих пророчеств ясно говорила о том, что все попытки не допустить предсказанного лишь способствовали его свершению, он не мог просто так сидеть и ждать. Хотя бы из-за того, что Надя тоже могла быть в воздухе, как верно сказал фотограф. Ничего не предпринимать сейчас было бы предательством по отношению к ней. Или, во всяком случае, дурным предзнаменованием того, что могло случиться и с ней. Ведь они познакомились, когда он предсказал нечто прямо противоположное тому, что предсказал сейчас.

Но куда идти? К руководителю полётов? К диспетчерам? Он потратит драгоценные полчаса только на то, чтобы пробиться к ним, а если пробьётся, время для принятия решений уйдёт на выяснение, не сумасшедший ли он. Енисеев дрожащими руками вынул из кармана бутылочку виски и отхлебнул. Время таяло неумолимо. Он встал и пошёл к полякам.

Белобрысый парень, завидев его, взмахнул руками:

– О! К нам пожаловал ходячий склад виски! Не нужна ли ещё какая-нибудь эксклюзивная информация в обмен на бутылочку?

– Отойдём в сторонку, – предложил Енисеев.

– Добже, одейдзем в бок! – с готовностью отозвался поляк, которого, видимо, не оставляла мысль о дармовой выпивке. – Но если ты насчёт самолёта Качиньского, то он ещё не упал, – сострил он.

– Я именно насчёт самолёта, – понизив голос, сказал Енисеев. – Понимаешь... ведь я не пошутил. Я вообще предпочитаю не шутить, когда дело касается чьей-нибудь смерти. Просто я иногда ни с того ни с сего говорю вещи, которые... сбываются. Понимаешь?

– Ты предсказываешь будущее? Как Нострадамус?

Енисеев вложил ему в руку «мерзавчик» с виски.

– Выпей ещё, но послушай меня внимательно и серьёзно. У нас мало времени. Я не Нострадамус и не предсказываю специально будущего, но иногда это у меня получается. Я познакомился со своей женой в самолёте, и тут внезапно отказали два двигателя. Я сказал, и сам не знаю почему, что они заработают через двадцать минут. И ровно через двадцать минут они заработали. Не исключено, что это случайность, но они заработали! Я сказал Юлии Тимошенко, и тоже не знаю зачем, сколько голосов она недоберёт для победы. И именно столько она не набрала. И вот теперь, когда я точно таким же образом вдруг предрёк гибель самолёта, я спрашиваю себя: что будет дальше? Я сказал, что он разобьётся при посадке, стало быть, ещё есть время предотвратить крушение. Но его с каждой секундой остаётся всё меньше.

Белобрысый, слушая Енисеева, даже забыл о виски.

– А чего ты хочешь от меня? – пролепетал он.

– Как чего? У вас наверняка есть какая-то связь с людьми в президентском самолёте! Надо убедить пилотов, чтобы уходили на запасной аэродром. Надо сказать, что здесь на расстоянии вытянутой руки ничего не видно, да что угодно соврать, лишь бы они не садились! Тем более что это почти правда, посмотри в окно.

Поляк молчал, в нерешительности теребя молнию своей ветровки.

– Ну! Это же ваш президент! Ваше руководство!

– Но что я скажу? Кто поверит в твоё предсказание? Про туман и так все знают. И вообще, такого рода информацию передают диспетчеры. Почему бы тебе не пойти к ним?

– А почему я пошёл к тебе? Ты, журналист, ещё мне можешь поверить, а военные диспетчеры пошлют меня на «три»! Время уйдёт, и изменить что-либо будет уже невозможно!

Белобрысый задумался и с неохотой согласился:

– Хорошо... Есть тут у нас один куратор... из «дефензивы». Поговорю с ним.

– Только побыстрее!

Поляк ушёл и через несколько минут вернулся с круглолицым седоватым плотным человеком с внимательными глазами.

– Хочу спросить вас, пан, – сказал он Енисееву, обнаружив, как и белобрысый, хорошее знание русского языка, – а вы не насмотрелись случайно американских фильмов о предсказателях авиакатастроф?

– Мне самому доводилось предсказывать избавление от катастрофы. И поэтому я встревожен, впервые предсказав её. Тем более что для этого есть реальные основания. Разве вы не видите, какой туман? Сейчас ещё можно что-либо изменить, а потом будет поздно. Подумайте об этом.

– Я думаю о том, не угодно ли русским сорвать церемонию в Катыни, убедив пилотов президентского самолёта сесть на запасной аэродром?

– А церемония состоится, если самолёт разобьётся?

«Куратор» сдержанно рассмеялся.

– И всё же: откуда мне знать, что пан не работает в КГБ?

– Потому что КГБ давно уже нет! А ФСБ, наверное, без меня нашло бы способ посадить президентский борт на запасной аэродром. Они просто закрыли бы этот аэропорт, и всё.

Поляк поглядел прямо в глаза Енисееву. Енисеев ответил ему столь же прямым взглядом.

– Ну что ж, – кивнув каким-то своим мыслям, промолвил «куратор», – допустим, вы не похожи на провокатора. А туман и впрямь сильный. Русский Ил-76 минут сорок назад не стал здесь садиться. Правда, это большой транспортный самолёт. В общем, независимо от того, что вы тут предсказали, есть повод поговорить с пилотами нашего Як-40. Они могут связаться с президентским бортом.

– Только помните, что осталось уже не сорок, а двадцать две минуты.

– Я это учту, – слегка улыбнулся «куратор» и ушёл.

Енисеев остался с белобрысым журналистом. Тот вспомнил про бутылочку виски в руке и в несколько приёмов осушил её. Потом он с опаской и любопытством посмотрел на Енисеева.

– Слушай, – сказал он, – я не знаю, как предсказывают будущее, но, если ты увидел, как самолёт упадёт, не можешь ли ты сделать, чтобы он не падал?

– Нет, не могу, – ответил Енисеев. Его знобило, кровь стучала в висках. – Я не маг. Я и сам не понимаю, как получаются предсказания. На меня неожиданно накатывает что-то, а потом исчезает. В детстве я так предрёк афганскую войну. А однажды я смотрел на портрет Юлия Цезаря и увидел лицо Путина. Через несколько месяцев он стал президентом. Но я предсказал нечто, существующее помимо меня. Управлять этим я не умею.

– А ты попытайся. Может быть, получится.

– Не получится. Это не зависит от моих желаний. Я ещё могу обличать на манер пророка, но не могу, как пророк Илия, засушить источники вод.

Енисеев снова посмотрел на часы. 10.26. Осталось пятнадцать минут. Значит, самолёт уже снижается. Где этот чёртов «куратор»? Один разговор, другой, третий – так и пролетят бездарно все сорок минут... А может быть, надо было просто молиться о спасении людей? И настоящие пророки – потому пророки, что молятся? И пророчества их исполняются по молитве? А я не умею молиться и иду с закрытыми глазами, как сказал батюшка.

Енисеев попытался молиться. Ничего, кроме «Господи, спаси их!», в голову не шло. «Господи, уведи их на запасной аэродром!» Он вспомнил, что есть молитва «Живый в помощи», 90-й псалом, но наизусть его целиком не знал. А ведь его написал пророк! Как там сказано? «Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы, летящия во дни...»

В этот момент появился поляк-«куратор».

– Мы стучимся в открытую дверь, панове, – объявил он. – Буквально несколько минут назад пилоты президентского борта сами связались с нашими пилотами, и те сообщили им всё о здешних плохих погодных условиях. Командир президентского лайнера не исключил, что уйдёт на запасной аэродром. Решение он будет принимать при заходе на посадку.

– Но ведь он, наверное, уже заходит на посадку! Скажите ему, чтобы немедленно поворачивал!

– Друг мой, – недовольно пожевав губами, сказал «куратор», – вы забываете, что изменить направление полёта может только командир корабля. Между прочим, в самолёте находится и командующий польскими ВВС. Наверное, эти люди понимают в своём деле больше нас. Так что оставим решение за профессионалами. Тем более что, как выяснилось, они имеют объективную информацию о погодных условиях. А вам от лица нашей делегации хочу выразить благодарность за проявленную тревогу о польском руководстве, что весьма необычно при нынешнем состоянии польско-российских отношений. Вы благородный человек!

Енисеев вяло пожал полякам руки и отошёл. Никакого облегчения от того, что сообщил пожилой поляк, он не испытал. Что изменилось с тех пор, как полчаса назад он предрёк гибель самолёта? Да ничего. Правда, пилоты президентского борта уже знают про сильный туман, но они ничего не знают о предсказании. А ведь он не из-за тумана пошёл к полякам! Главное было то, что устами Енисеева неведомая сила напророчила катастрофу, а пилотам по-прежнему было известно только о тумане и том, что Як-40 всё же в этом тумане сел. И последнее могло для них быть важнее первого. Наверняка они чувствовали себя бо́льшими профессионалами, чем пилоты Яка. Склонить к решению уйти на запасной аэродром их может нечто более весомое, чем та информация, которую они имеют. Но именно эта информация до них так и не доведена!

Оставалось восемь минут. Он хотел встать и пойти снова к полякам, но ощутил внутри себя бессилие, природа которого не зависела от него самого. Это было бессилие перед судьбой. Впервые он почувствовал её как нечто почти материальное, сковавшее его движения. Несмотря на все его пророчества или полупророчества, понятие неумолимости судьбы было до сих пор для Енисеева не более чем образом, а теперь на примере бесплодных по сути разговоров с поляками он увидел, сколь тщетны попытки противостоять судьбе. Дело было, очевидно, не в том, что это в принципе невозможно, а в том, что предсказание, будучи непостижимым по сути своей, развивается в пределах естественных, постижимых, привычных. Чтобы поломать предначертанное, требуется немедленно выйти за эти пределы, а мы неохотно покидаем всё привычное. Побороть судьбу – это значит решительно, без оглядки повернуть в другую сторону, как это должны сделать пилоты самолёта Качиньского. Но они тоже подчинены инерции привычного и зависят от решений других людей, в том числе и тех, что предупреждены, как собеседники Енисеева. А они предупреждению не вняли. Видимо, чтобы вовремя поверить предсказанию, необходимо верить в предопределение вообще, а современные люди полагают, что пророчества – это удел немногих избранных вроде Ванги.

Мысли его смешались, хаотично бежали куда-то. Он не мог ни на чём сосредоточиться, не пытался уже молиться. Енисеев смотрел на людей, болтающих, слоняющихся, дремлющих внутри маленького аэропорта, на приблудившуюся собаку, чешущую за ухом в углу, на липнущий к окнам туман, на циферблат электронных часов и видел в них, внешне мало чем связанных, работу огромного, отлаженного механизма судьбы. Все они – и люди, и предметы, и явления – были винтиками судьбы, неотвратимо свершающейся в свой срок.

Свершающейся ли? Ответа осталось ждать недолго. Последние минуты Енисеев не сводил глаз со стрелок своих часов. Две минуты... одна... Ему казалось, что он уже слышит приближающийся шум самолётных двигателей, но наверняка сказать было нельзя – туман, как вата, гасил звуки снаружи. Когда секундная стрелка обежала последний круг, а минутная неотвратимо скакнула к отметке 41, ничего не произошло. Но ещё через пару секунд сжавшийся в комок Енисеев услышал отдалённый глухой удар и скрежет, как будто тяжёлая лодка толкнулась в причал и заскрипели в ржавых уключинах вёсла. Стёкла слегка задрожали. Он с трудом оторвал взгляд от циферблата. Ничего не изменилось. Туман за окнами был так же неподвижен, как и прежде. Енисеев пытался уловить ещё какие-то звуки, но их больше не было. Туман, тишина. Те же слоняющиеся, дремлющие люди. Только собака в углу вскочила на ноги, поджав хвост, её тусклые глаза блеснули, уши встали торчком. И тут, разорвав пелену тумана, раздался страшный вой пожарных сирен и загрохотали сапоги бегущих к выходу солдат.

Енисеев не помнил, как он оказался на лётном поле. Он и другие люди шли как призраки в мерцающем тумане. Их силуэты были едва различимы, они словно парили над землёй. Призраки перекликались, как грибники в лесу. На самом же деле они вовсе не перекликались, а наперебой кричали в мобильные телефоны, торопясь сообщить сенсацию в свои далёкие, призрачные редакции. Эхо безразлично разносило их восклицания по тонущему в молочной белизне полю. В руке у Енисеева тоже был мобильник, но он позвонил только Наде, удостоверился, что она жива-здорова. О разбившемся польском самолёте он не сказал ей ни слова. Когда Енисеев обернулся назад, он не увидел аэропорта. Не видел он ничего и впереди, и по бокам, просто шёл за другими призраками. К дегтярному запаху тумана всё отчётливее примешивался страшный запах гари. Они шли по этому запаху, пока туман не перечеркнула косая линия, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении ржавым крылом транспортного самолёта Ил-76. Его огромные моторы напоминали подвешенные к крыльям атомные бомбы. Обойдя облупленную громадину лайнера, они наткнулись на ещё один такой же Ил. Это было кладбище транспортных самолётов. Их тяжёлые, смахивающие на дирижабли фюзеляжи грозно и мрачно выплывали из тумана. Они понуро стояли вдоль поля, как почётный караул на похоронах советской авиации. Когда идущие в тумане миновали последний Ил, путь им преградила цепь растерянных солдат. Они тонко, по-мальчишески ругались матом.

Енисеев вернулся в туман, к огромным ржавым Илам, обогнул их с другой стороны и пошёл куда-то уже в полном одиночестве. Он двигался словно в облаке, не видя никого и ничего, наедине со своей судьбой. Где-то позади остались другие люди, тоже наедине со своей судьбой, и никто не мог ей противостоять. Человечество было толпой одиноких людей, идущей в тумане навстречу своей смерти.

Только бетонные плиты под ногами говорили, что Енисеев всё ещё находится на лётном поле. Он шёл, запах гари и керосина усиливался. Сквозь туман проглянуло бледное солнце, подул ветер. Енисеев почувствовал, что идёт по мягкой земле, увидел силуэты голых берёз.

И тут в какие-то секунды необъяснимым образом всё прояснилось, туман исчез, как будто его и не бывало, и ужасная картина открылась глазам Енисеева. Он стоял в двухстах метрах от дымящихся обломков разбившегося самолёта.

Роман выходит в № 4 журнала «Наш современник» и издательстве «Вече» под названием «Будущее не продаётся».

ПЕРЕД КНИГОЙ

В пасхальные дни в издательстве «Вече» выходит второе издание первого тома антологии «Молитвы русских поэтов. XI–XIX», как обозначено в выходных данных, – «исправленное и дополненное». Исправлены «замеченные опечатки» и дополнены новые имена «забытых» поэтов, одного из которых – духовника трёх императоров протопресвитера Василия Борисовича Бажанова – в «ЛГ» представляет автор-составитель антологии Виктор Калугин.

Василий БАЖАНОВ

«Так человек двум голосам внимает»

ДВЕ ДОРОГИ

«Иди за мной! – взывает дух лукавый:
О человек! Тебя я подарю
И счастием, и честию, и славой!..
Сомненья прочь! Я правду говорю!..
Испить до дна земные наслажденья! –
Вот жизни цель, – вот жизни красота!
И грозный суд и адские мученья, –
Всё звук пустой, утопия, мечта!
Зачем страдать? Зачем тебе стремиться
В какой-то мир, неведомый, другой!
Ведь умереть и в землю обратиться
Единственный, конечный жребий твой!..»
– «Не верь врагу! – вещает голос тайный:
О человек! Иди вослед за мной!
И грозный суд и ад – не звук случайный!
За гробом есть прекрасный мир другой!
И честь и блага жизни скоротечной –
Минутный сон, утопия, мечта!
Творить добро, стремиться к жизни вечной, –
Вот жизни цель, – вот жизни красота!..»
Так человек двум голосам внимает
И видит два различные пути:
Один и честь и славу обещает,
Другой велит тяжёлый крест нести.
«Куда идти? – К незримому ль стремиться,
Иль предпочесть доступное очам?..»
О Господи! Не дай нам усомниться, –
Не дай врага довериться речам!
Ты всемогущ! Мы немощны и хилы!
Погибнем мы без помощи Твоей!
Дай веры нам, Создатель наш, – дай силы
Отринуть зло! – Спаси Твоих людей!..

4 марта 1862

ГРОЗА

Небо тучами покрылося,
Красно солнце закатилося,
Словно ночь всё облегла кругом;
Скоро грянет страшный Божий гром!
Страшно, дедушка, быть в поле под грозой,–
Побежим отсюда поскорей домой!
Ты меня, голубчик, на руки возьми, –
Завяжи глаза и уши мне зажми, –
Чтоб ударов мне громовых не слыхать,
Чтобы молнии сверканья не видать!..
– Полно, дитятко, не бойся, Бог с тобой!
Не страшна гроза тому, кто чист душой,
Кто по злобе не обидел никого,
Верит в Бога, – помнит заповедь Его…
Лишь злодею кара Божия страшна!
И на дне морском найдёт его она!
От неё ему не скрыться под землёй…
При тебе ж всегда хранитель – Ангел твой!
Он тебя от всяких бед обережёт,
От тебя удар громовый отведёт!
Будь спокоен, – осени себя крестом!
И домой мы хорошохонько дойдём!..
Бойся, дитятко, не молний и громов,
Бойся, милое, губительных грехов!
Гнева, гордости да зависти беги, –
Да души своей невинность береги!..
Будет времечко, – ударит страшный час, –
Позовёт Господь на суд последний нас!
От того суда не скроешься нигде, –
Каждый должен дать ответ на том суде…
Спросят деда: как внучат своих учил?
Спросят мужа: как жену свою любил?
Спросят деточек: как слушались отца?
Спросит Тот, Его же царству нет конца!..
Бойся, дитятко, лишь этого суда, –
А земные все напасти не беда!
После бури снова солнышко взойдёт,
Снова пташка встрепенётся, запоёт;
Всё опять пойдёт обычной чередой,
Словно не было невзгоды никакой…
Кто же здесь, на этом свете, худо жил,
Вместо Господа страстям своим служил,
Плохо будет на суде святом тому;
Не видать Господня царствия ему…
Бойся, дитятко, последнего суда, –
А земные все напасти не беда…

1863

АНТИЛОПА ГНУ

Наглый угон

Инспектор ГИБДД капитан Николай Мякинький заглянул домой во внеурочное время – жезл свой полосатый забыл. Ну, открывает он квартиру, находит жезл – завалился за обувной шкафчик. И видит: тут что-то не так. А вот что – туфли не его в прихожей стоят. Ну, Мякинький сразу в спальню. А там его жена с каким-то хлыщом!

– Так! – злорадно сказал инспектор. – Нарушаем, значит? На чужой машинке катаемся?

Ну, жена его, как полагается в такой ситуации, в крик, в слёзы: «Коленька, ты не так всё понял!»

– Помолчи! – рыкнул на неё инспектор. – Ты здесь вообще как транспортное средство. А оно, как известно, не разговаривает.

И к этому, который рядом с его женой под одеялом лежит:

– У тебя права на неё есть?

– Не... нету! – блеет тот.

– Может, ты по доверенности на ней... того... ездишь?

– И доверенности нету...

– Ага! – сказал капитан Мякинький. – Значит, будем квалифицировать это как угон. Под протокол, значит. А это уже статья. Уголовная!

– Коленька, может, по первому разу обойдёшься предупреждением? – пискнула жена. – Это всё же мой коллега по работе, и даже начальник отдела, Виктор Сергеевич Якушев...

– Тебя никто не спрашивает! – рявкнул на жену Мякинький. – Вали вон на штрафплощадку, на кухню то есть!

Жена инспектора, прихватив халатик, тут же выскользнула из спальни от греха подальше.

– Таким образом, корячится тебе, уважаемый, срок – от трёх до семи лет! – продолжил грузить несчастного угонщика инспектор. – Составим-ка мы сейчас протокольчик...

– А это... – кашлянул «товарищ по работе» его жены Якушев. – Без протокола никак?

– Никак, – твёрдо сказал Мякинький. – Я на тебе премию хорошую могу заработать. А мне сейчас деньги нужны будут. Новую жену... то есть новую машину себе хочу купить. Моложе и красивше. А в ту, которую ты у меня угнал, я уже не сяду. Принцип у меня такой.

– Коленька-а-а-а! – в голос заревела за дверью кухни его жена. – Я больше не буду-у-у!

– А позвольте поинтересоваться, каков размер предполагаемой премии? – вежливо спросил Якушев.

– Ну уж никак не меньше моего оклада! – гордо сообщил Мякинький.

– А если две таких премии, но от меня? – поинтересовался Якушев.

– Хм, две... – задумчиво поскрёб подбородок инспектор. – Кстати, угон-то осуществлён с проникновением в чужой гараж...

Якушев торопливо вылез из постели. Одевшись, он вытащил пухлый бумажник.

– Так сколько премий я вам должен компенсировать?

– С учётом отягчающих обстоятельств, нанесённого мне морального ущерба – никак не меньше пяти, – навскидку оценив содержимое бумажника Якушева, подвёл окончательный итог Мякинький. – Да, если добавишь пару окладов, можешь забрать и угнанное тобой транспортное средство... Отдаю!

– Коля-я-я! – опять завыла за кухонной дверью жена Мякинького. – Ну как ты можее-ешь!

– Ладно, – смилостивился инспектор, пересчитывая деньги. – Пусть остаётся. Я её вечерком раскидаю, снова соберу – может, и сгодится. Ну а ты иди, Якушев, иди. И помни: ещё раз попадёшься на угоне чужой ба... машины то есть, уже так легко не отделаешься!

Марат ВАЛЕЕВ,
КРАСНОЯРСК

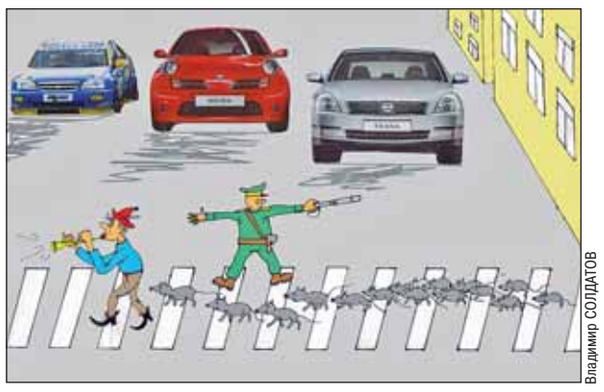
ЗА РУЛЁМ

Под водку, пиво и кагоры
и нищий станет королём.
А я твержу на уговоры:
– Пить не могу: я за рулём!

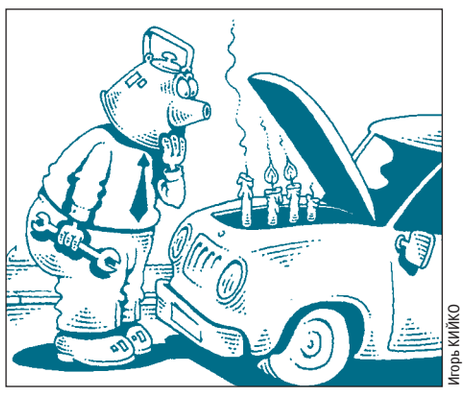
– Ну что ты будешь
с трезвой мордой,
когда приятели – в дугу!
А я опять на это твёрдо:
– Я за рулём, я не могу!

Хмелели бабы и мужчины,
вдруг слышится среди гульбы:
– Да ты сегодня без машины!
– Я за рулём...
своей судьбы!

Владимир СКВОРЦОВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ



Владимир СОЛДАТОВ



Игорь КИЙКО

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

* * *

Продам «Опель-кадет» со всеми наворотами. Все навороты появились после того, как на скорости 120 км я врезался в придорожный столб.

* * *

Недорого продам чёрный «бумер» 2007 года выпуска, отличное состояние, три года как из Германии, без пробега по России. Упирается, зараза, не хочет выезжать из гаража, российских дорог боится.

* * *

Продаётся новая «Лада-малина», на ходу, нуждается в небольшом ремонте тормозов. Пробег – 6,5 км. Это мой последний пробег за машиной, пока я её не догнал и не остановил.

* * *

Очевидцев ДТП на ул. Вихрей Враждебных, в результате которого иномаркой была сбита старушка, просьба явиться для опознания машины. У автомобиля оторван передний бампер, помят капот, выломаны три двери, разбиты фары, выбиты стёкла и набита морда водителю. Это старушка, когда встала, костылём так поработала.

* * *

Отменён штраф водителю, который выехал на перекрёсток в месте пересечения Второй Тихоходной и Третьей Инвалидной улиц, не дождавшись зелёного сигнала светофора. Адвокату удалось доказать, что уже пятый год светофор на этом перекрёстке не работает.

* * *

Услуги дальнобойщиков в любое время суток! Вы называете адрес должника, мы увозим его вдаль и с боем выбиваем долг, пока не отдаст. Дальнобойщики–стопроцентный результат!

Сергей ЖБАНКОВ,
СМОЛЕНСК

ПЕРЕСМЕШНИК

МОЁ БОГАТСТВО

Одежда чуть ли не тряпьё,
И неказиста хата,
Но разве нищ я, коль моё
Всё золото заката,
И серебро ночной реки,
И бирюза рассвета.
Эх, олигархи... Жаль мне вас
Всей жалостью поэта.

Николай Зиновьев

Хочу вам рассказать о том,
Как в скупке я когда-то
Пытался тщетно сдать как лом
Всё золото заката.
В ответ – отказ. Я не шутя,
Нисколько не сконфужен,
Им чернозём из-под ногтя
И серебро из лужи.
Вновь отрицательный ответ:
Не нужно, дескать, это,
То, что копил я много лет
Всей жадностью поэта.
Тут вместо старого тряпья
И прочих потрохов
Даю им драгоценность я –
Тетрадь своих стихов.
Богатству эдакому рад
И сам султан Брунея.
Они же бросили назад
И вытолкали в шею.
Пусть неказист я, взгляд угас,
Обида сердце гложет.
Эх, олигархи, жаль мне вас.
Подайте, кто что может!

Михаил ГРИНФЕЛЬД

ЧТО ПОДАРИТЬ НА РОЖДЕСТВО

Среди отживших век вещей
Найдётся чей-нибудь подарок.
Среди рождественских свечей
Ютится сморщенный огарок...

Елена Пиетиляйнен

Хоть Рождество не юбилей,
но подарить чего-то надо.
Какое счастье – средь вещей
найдётся чей-нибудь подарок.
Возьми-ка праздничный мешок,
пусть будет он красив и ярок,
и положи в него, дружок,
хоть этот сморщенный огарок.
Ты тот огарок не жалей,
пусть даже сердце горько бьётся.
Доверься чуткости друзей –
он через год к тебе вернётся.

Александр КОВАЛЁВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

Футбольный выпуск

ЗА РУБЕЖОМ

На одном из островов Карибского моря футбольный арбитр может показать игроку, нарушившему правила, не только жёлтую или красную, но и чёрную карточку, называемую болельщиками «чёрной меткой». В последнем случае игроку вручается также пакет, в котором находится пистолет с одним патроном.

СЕМЬ БЕД – ОДИН ОТВЕТ

Забив на последних секундах финального матча гол в свои ворота, защитник И. Самоедов после игры побежал в раздевалку команды соперников.

Юрий ГУРИН,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВАМ, ЛЕГИОНЕРЫ!

С ценной инициативой выступило руководство Допупыринского стадиона. Сейчас здесь перед каждым матчем помимо гимна России исполняются гимны тех стран, футболисты которых играют в наших командах.

Роман ПОХОЖИН

РЕТРО

Противники всякой критики говорят, будто фельетон, отражающий злобу дня, недолговечен. Тем не менее многие выступления Аркадия Аверченко в этом жанре почти и столетие спустя вызывают самые живые ассоциации с реалиями нашей действительности. Так что рано списывать этот жанр со счетов.

Прогулки по Петрограду

* * *

Вы, конечно, знаете, господа, что нынче без оружия шагу нельзя ступить... И жизнь человеческая стоит копейки три.

Утром жена провожает солидного мужа на прогулку:

– Всё взял? Носовой платок, портсигар, револьвер?

– Взял. Платок надушила?

– Надушила.

– Портсигар папиросами набила?

– Набила.

– Револьвер зарядила?

– А я не знаю, что ты сегодня возьмёшь. Наган, браунинг?

– Ну вот – с наганом ещё таскаться! Мне нынче недалеко. Кстати, завтра я на Петроградскую сторону по делу еду – перемени в пулемёте ленту. Да, а сейчас к браунингу положи запасную обойму. А то вчера не хватило.

– Так ведь у тебя ещё кинжал был!

– С кинжалом сегодня далеко не уедешь. Так я пошёл. Завещание в левом ящике комода. Коле до совершеннолетия – ни копейки, слышишь?

* * *

Через минуту господин выходит на улицу.

– Извозчик, свободен?

– Куда?

– На Невский

– Шашнадцать рублёв.

Господин выхватывает браунинг из кармана.

– А это видел? Или пять рублей, или пуля между глаз.

– Эх! – крякает извозчик. – Ну чего я тут с одним финским ножиком сделаю? Ничего не попишешь – ваш козырь старше... Пож-жалте!

Приехав на Невский, господин начинает прогулку.

– Ах, какая интересная дамочка... Сударыня, разрешите мне выразить вам чувства?

– С ума вы сошли? – испуганно кричит барыня. – Тут мой муж... Ваня! Вот этот незнакомый господин ко мне пристаёт...

– Негодяй! – вскрикивает Ваня и, выхватив револьвер, стреляет в господина.

– Разве так стреляют? – презрительно говорит господин. – Вот как нужно стрелять...

Бац!

Ваня падает. Господин расшаркивается перед дамой.

– Мадам! Вы свободны. Из вас получилась препикантная вдовушка. Не желаете ли проехаться к «Медведю»? Помянем покойничка. Шофёр! Свободен?

– Занят.

– Занят? Ну мы вас сейчас освободим... – Бац! – Ничего, сударыня, не беспокойтесь! Я сам умею править мотором. Садитесь.

– Вечер-рняя газ-зета!

– Стой, мальчик! Давай газету! Сдачу с пяти рублей... Нет? Ну как же быть? Разве что так...

Бац!

* * *

Приехали к «Медведю».

– Есть кабинеты?

– Все заняты.

– Ничего, устроимся! Ведите, где народу поменьше. Этот? Всего двое?

Бац! Бац!

– Очистите, пожалуйста, кабинет, освежите от дыма. Рябчики, почки-соте, крем д'асперж, котлеты даньон, груши буриньон, кофе...

– Отчего ничего не ешь, моя дорогая? Грустно? Э-э, вот этих слёз я ужас как не люблю... Что? Мужа жалко? А, впрочем, кончим эту историю – мне ещё к зубному врачу надо... – Бац! – Человек, счёт!

* * *

У зубного врача.

– Доктор принимает?

– Принимает. Только очередь большая. Семь человек.

– Большая? Ну это пустяки. Мы её уменьшим. Где они, эти несчастные?

Бац! Бац! Бац! Бац! Бац!

На выстрелы выбегает зубной врач.

– Какая это свинья моих пациентов перестреляла? Вы?! Как? Лишить меня заработка! Так на же тебе!

Бац!

Господин падает.

– Глаша! Отыщите в кармане этой падали карточку с адресом и отвезите домой. Скажите Сидору, что приём продолжается...

* * *

Возвращение домой.

– Ваш?

– Наш.

– Получайте! Ещё тёпленький.

– Дышит?

– Какой там! У нашего зубного врача рука верная.

– Барыня! Барина привезли... Насквозь...

– Допрыгался!..

– Надо бы в комиссариат заявить.

– С ума ты сошла, дура! Ночью во дворе зароем. А то в комиссариате узнают, что умер, продовольственную карточку отберут...

Аркадий АВЕРЧЕНКО
Журнал «Барабан», 1917 г.
Публикация Р. Соколовского

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Есть такие партии!

Первые эпизоды юмористического романа-утопии Артёма Сенаторова и Олега Логвинова «Аскетская Россия. Хуже не будет!» (М.: ИД «Флюид ФриФлай», 2012) представляют собой захватывающее чтение. Авторы знакомят с тремя колоритными персонажами – двумя аферистами и попутчиком-простофилей, которого в поезде они «развели» на деньги.

Однако после столь интригующей завязки повествование вдруг переходит на сравнительно спокойный лад. Знакомцы из пролога оттеснены на второй план. На первом появляется некий школьный выпускник, стоящий, говоря старым журналистским штампом, на пороге жизненного пути. Какую дорогу выбрать? После некоторых метаний парнишка устраивается корреспондентом газеты партии «Аскеты России». Остальное, как говорится, дело техники – соавторы гротескно описывают быт и нравы современной российской политической жизни. Тут и харизматичный лидер Клим Моржовый с его прихлебателями, и всякая мелкая сошка, кормящаяся подготовкой и проведением выборов. В романе много удачных реприз, каламбуров, пародийных названий. Естественно, не обошлось без легкоузнаваемых прототипов из политического истеблишмента. Однако сюжет в общем и целом не потрясает, можно было придумать и покруче.

Этим романом «Флюид ФриФлай» начинает книжную серию «Русский роман для Европы». Её цель – знакомить европейских читателей с наиболее удачными образцами современной российской прозы. Насколько произведение А. Сенаторова и О. Логвинова отвечает этим требованиям? Вот типичная фраза из романа: «Девушка-администратор на ресепшене фешенебельного офиса управы нашего не самого передового района походила на робота-барбареллу из старенького одноимённого фильма». Трудно сказать, поймут ли такое предложение в Европе, но в Африке – вряд ли.

А.Х.

ВАС БЕСПОКОИТ «ЛГ»

До встречи в Кремле. Музыкальном!

РИА «Новости»

Выдающаяся певица, солистка Большого театра, народная артистка СССР, обладательница красивейшего сопрано Маквала КАСРАШВИЛИ отмечает юбилей. Начало карьеры певицы на сцене Большого театра состоялось с выдающимся оперным режиссёром Борисом Покровским, в первом дебюте (Татьяна, «Евгений Онегин») – встреча с великим музыкантом и дирижёром Мстиславом Ростроповичем; потом в работе над незабываемой постановкой «Отелло» – за пультом знаменитый Евгений Светланов!.. Какой молодой певец может об этом мечтать?! Юбилярша считает, что это – подарок судьбы! А вот чем запомнился больше всего этот знаменательный для певицы год, она рассказала «ЛГ»:

– Конечно, для меня самое большое событие – это открытие Большого театра. И не только для меня, и не только для нас, старожилов этого дома. Для всех в России, да и во всём мире это событие вызвало ажиотаж и интерес. Когда мы вошли в первый день в наш замечательный Большой театр, был восторг и радость от того, что мы вернулись! Мы столько лет ждали! Мы хотели наконец-то почувствовать дух сцены, дух зала Большого. Мы были очень счастливы...

– Как готовилась программа вашего юбилейного вечера?

– Я хотела, чтобы в этом концерте принимали участие мои друзья, мои коллеги и молодые солисты. Да и у моих друзей тоже было желание выступить и своим присутствием поздравить меня. Я очень счастлива, что в этом концерте пели Паата Бурчуладзе, Зураб Соткилава, Елена Зеленская, Анна Аглатова, Динара Алиева, Михаил Казаков, Олег Кулько – все наши ведущие солисты и молодые звёзды.

– Расскажите о ближайшем таком мероприятии.

– Это фестиваль «Кремль музыкальный», основанный Николаем Петровым, который, к сожалению, ушёл от нас. Я имела счастье с ним дружить и выступать вместе с ним. Поэтому его уход для всех нас, его друзей и почитателей, – огромная потеря. На «Кремле музыкальном» вечер 22 апреля посвящается его памяти. Он был великий музыкант, пианист высочайшего таланта. И для нас, солистов Большого театра, выступить на этом фестивале – огромная честь.

– В эти апрельские дни телеканал «Россия – Культура» вспоминает Николая Петрова серией уникальных концертов с его участием (16, 17, 18 и 19 апреля). Какое ваше любимое произведение в его исполнении?

– Я думаю, Прокофьев, фортепианный концерт.

– Вы часто признаётесь, что не мыслите своей жизни без пения. А что для вас явилось самым трудным в постижении вокального искусства?

– Если у меня появлялись какие-то сложности, я всегда прислушивалась к мнению моих старших коллег, таких как Вишневская, Архипова, а они всегда следили за моим развитием и вовремя подсказывали, если что-то не так. Я просто всегда к ним обращалась. Всю жизнь я училась и контролировала себя, очень самокритично к себе относилась. Может быть, это и повлияло на то, что у меня каких-то заметных провалов в творчестве не было. Но это, с моей стороны, – очень смелая заявка!

– Как вы относитесь к стремлению привлечь всё большую аудиторию к почитанию оперного искусства?

– Очень, очень положительно. Раньше у нас, да и во всём мире не нужно было популяризировать оперу. Говорят, правда, что это искусство доступно только избранным, но я не могу согласиться с этим... Очень хорошо, что есть у нас канал «Культура», который освещает и транслирует многие оперные постановки, и ведь есть люди (и их много), которые любят, которые жаждут увидеть трансляции опер из разных оперных театров мира. Цикл «Большая опера» прекрасен. Во-первых, потому что в жюри известные певцы и большие знатоки оперы; во-вторых – это сделано очень красиво; в-третьих, мы редко видим молодых, а эта программа даёт возможность узнать их поближе благодаря многочисленным интервью. Выходила она в такое удобное время, когда люди сидят у телевизоров, слушают и смотрят. Так что, думаю, это очень хорошее начинание, хорошее дело!

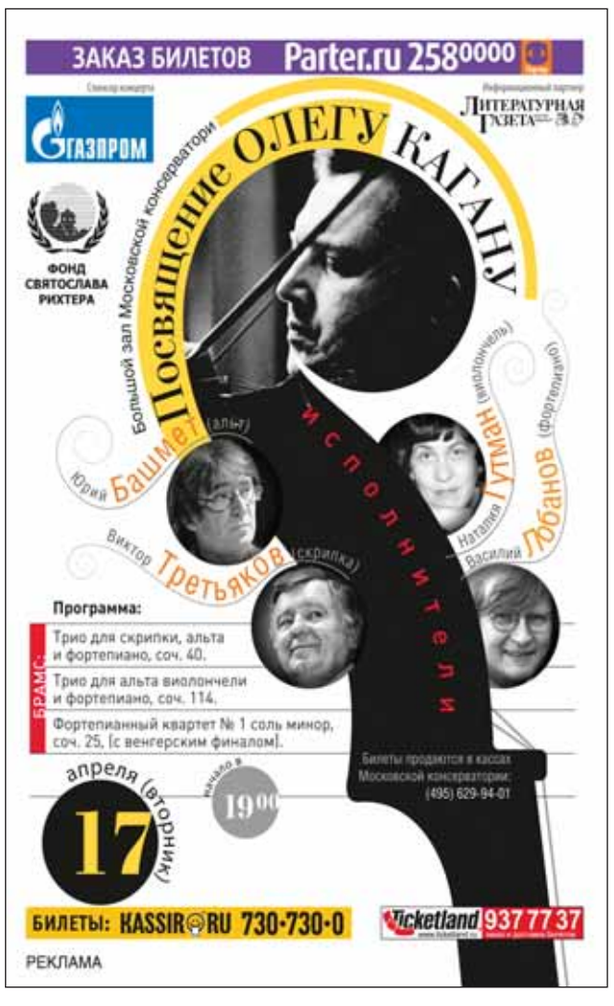
– Несколько лет вы сочетаете творческую и административную работу. А в закулисье бывают разные моменты. Что вам чаще всего помогает в трудных или неоднозначных моментах работы с певцами?

– Я видела примеры и хорошего, и плохого. И, естественно, придерживаюсь первого, например, как руководил оперной труппой Анатолий Орфёнов: любить солистов, выслушивать их просьбы, давать им советы, если они, конечно, об этом просят. Я всегда готова помочь абсолютно всем солистам. И, главное, – их нужно любить и лелеять, относиться к ним очень осторожно, потому что любой творческий человек очень раним. Если чуть-чуть не вовремя ему что-то резко сказать, человек может замкнуться.

– Вы прожили в родном для вас Большом театре целую жизнь! Откройте секрет вашего успеха, долголетия в вокальном мастерстве.

– Знаете, наверное, надо жить своей профессией... Надо её просто любить! Творческому человеку нужно отказываться от многого и всё без остатка отдавать ей. Всё время развиваться, трудиться. Конечно же, есть какой-то божий дар, как написано – намеренное долголетие. Правда, 46 лет творческой карьеры, – это, как мои друзья говорят, уже надо заносить в Книгу рекордов Гиннесса. Это большой комплимент для меня... Но всё же я – постоянно в поиске, в желании совершенствоваться и держать себя в форме. Отдыхать – по возможности, уметь расходовать свою энергию рационально...

Беседовала **Татьяна ЭСАУЛОВА**



Каталог

Подготовим к изданию и напечатаем книгу в любом оформлении от 5 экз. Тел. (495) 623-31-23.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» распространяется на бортах авиакомпаний AEROFLOT Russian Airlines, BRITISH AIRWAYS, ТРАНСАЭРО АВИАКОМПАНИЯ, JAL JAPAN AIR LINES

Официальный распространитель периодических изданий на территории Белоруссии ООО «Юнисервиспресс», ООО «Росчерк» Розничное распространение за рубежом: в Европе и Сев. Америке – W.E. Saarbach GmbH P.O.Box 1562 D-50332 Huert Teal. 02233 7996; в Израиле – Издательский дом «Новости недели».

По вопросам размещения рекламы обращаться в коммерческую службу ЗАО «Издательский дом «Медиа Инфо Групп». Тел./факс: 8 (495) 688-94-41. E-mail: okulagina@moscow-info.org Контактное лицо: Юлия Поскрёбышева